

Вильям Цветков

Захватывающий триллер
в лучших традициях Голливуда

фестиваль

В современной литературе, особенно в детективном жанре, не так много авторов, которые так пишут. Здесь есть все, что должно быть в детективе: и похищения, и убийства, и крупные финансовые преступления, и внедрение агентов, и "оборотни в погонах", и международный терроризм. Кульминационные действия романа развиваются в катакомбах, которые сохранились под городом с времен Отечественной войны. События развиваются стремительно, с неожиданными поворотами. И уже все пропавшие девушки нашлись, и уже понятно, что они должны остаться в живых. Но еще не понятно, кто же за всем этим стоит? Кто похищал и зачем? Кто убивал и кто стоит за крупными финансовыми махинациями? Эта интрига сохраняется на протяжении всего романа и держит читателя напряжении.

Темнота была настолько явственной, что казалось, стоит протянуть руку и можно пощупать черную непроницаемую вату, окружившую ее со всех сторон.

Она прошла немного вперед, во всю силу напрягая зрение. Холодный казенный пол леденил босые ступни, но она этого не замечала. Где-то позади нее капала вода, разбиваясь о пол с сильным булькающим звоном. Ни одного постороннего звука не проникало сюда. Черная зловещая тишина.

С замиранием сердца, шаг за шагом, она пробиралась вперед.

Если бы она посмотрела сейчас на себя со стороны, то увидела бы крадущегося человека с выставленными вперед руками и застывшей на лице маской ужаса.

Именно ужас она чувствовала в данный момент — дикий неопиcуемый ужас. Ее ноги скользили по мокрым булыжникам, издавая шлепающие звуки.

Прошло уже, наверное, с полчаса, как она попала сюда. Если бы она помнила, КАК она сюда попала, то, несомненно, пулей выскочила бы обратно, из этого адского места.

Что-то сорвалось с потолка, прямо над ее головой, и, задев ее чем-то упругим и шершавым, пища и чихая, улетело туда, откуда она шла.

Сердце застучало быстро и гулко. Кровь с тяжелым напором бросилась к вискам. Она присела, потому что не могла идти дальше. Тело сотрясала крупная дрожь.

"Это, наверняка, летучая мышь", — успокоила она себя. Они не опасны, совсем не опасны. Хотя где-то она читала, что летучие мыши пьют человеческую кровь. А когда их очень много, то с человеком они расправляются за пару минут.

Она заплакала и сквозь слезы посмотрела на потолок. "Я этого не заслужила! Боже? За что?! Выпусти меня отсюда, боже! Пожалуйста!.."

Тишина становилась невыносимой.

"Так нельзя сидеть!" — раздался внутри нее твердый голос. "Встань и иди вперед."

— Тебе легко говорить, — всхлипывая, прошептала она в пустоту, но, однако, послушалась и нетвердыми шагами двинулась дальше.

Ощупывая гладкую стену правой рукой, она убедилась, что в этом месте делается поворот. Медленно повернув, она прошла несколько метров и почувствовала, что булыжники под ногами — абсолютно сухие, даже теплые.

Этот факт несколько поднял ее настроение, но вдруг она ощутила, как что-то или кто-то трогает ее распущенные волосы.

Замрев от страха, она простояла несколько минут, боясь шевельнуться. Потом медленно, так медленно, как только могла, обернулась.

Зная, что тьма все равно не даст ей ничего разглядеть, она сделала шаг вперед, ожидая, что в любую секунду чьи-то челюсти сомкнутся на ее горле. А может быть еще хуже. Сначала одна крыса решится схватить за босую ногу и вырвать маленький кусочек мяса. Будет больно, наверное она закричит... А что будет дальше? Воображение мигом нарисовало страшную, даже нет — жуткую картину. Почуввав кровь, собратья первой хищницы, уже не боясь, начнут терзать сначала ее ноги, а затем и все остальное... В лицо пахло теплом. Сквозняк. Значит где-то есть выход.

"О, боже?" — от свалившегося напряжения она нервно рассмеялась.

"Глупая", — сказал ей тот же твердый голос", — возьми себя в руки.

— Сама глупая, — ответила она в пустоту.

"Подруга", — сказал ей голос, — "если ты начиталась Брэма Стокера или Стивена Кинга, то вини в этом только себя. Надо смотреть на вещи реально Ты попала в обыкновенный подвал. Тебе даже повезло, ты ведь знаешь, что бывают подвалы и похуже. НАМНОГО ХУЖЕ. Так что, выбирайся и не распускай нюни."

"Но ведь, там где я была, не ощущалось сквозняка...", — подумала она. "И там было сыро."

Она вернулась назад к повороту, держась за стену уже левой рукой. "Значит, здесь не один ход", — решила она, и шагнула к месту, где по ее мнению должна стоять стена.

Стены не было.

Первый раз она горько пожалела, что не курит. Так бы у нее, несомненно, в кармане лежала бы зажигалка или на худой конец, спички. На всякий случай похлопав себя по карманам и постояв еще с минуту на развилке, она решила идти в ту сторону, откуда чувствовалось перемещение воздуха.

Немного освоившись, она передвигалась чуточку быстрее, переставляя ноги таким образом, словно под ними находился лед. Странно, но никаких труб, ящиков и подобного мусора пока не попадалось. Она еще ни разу не споткнулась. Может быть, это метро какое-то? Откуда в Минске такие подвалы?

Через двадцать метров она остановилась. О таких длинных коридорах в подвалах ей приходилось слышать, но побывать пришлось впервые. Лучше бы этого не произошло никогда.

Поверхность под ногами казались сухими и идти было не трудно, если бы не тишина, все больше и больше гнетущая ее и абсолютным мраком.

"Или у меня что-то с памятью, или меня украли и выбросили сюда", — подумала она, вслушиваясь в стук своего сердца.

На днях она очень сильно ударилась головой. Вернее ее ударили. То, что было потом, вспоминалось тяжело. Словно отдельные кусочки ее мозга где хранилась память, заволокло непроницаемым туманом. Правда, нельзя сказать, что у нее что-то изменилось или нарушилось, по крайней мере, врачи так сказали. Она не сделалась идиоткой, и даже за эти несколько дней почти перестала обращать внимание на жестокую головную боль, такую, что иногда ей хотелось вырвать себе глаза, или, проще, отрезать всю голову.

В такие минуты она ничком лежала на своей кровати и думала, что вот-вот умрет. Инсульт... или как там это называется. В ее раскаленной добела голове проносились неясные образы. "Ангелы", — думала она. "Скорее бы уж."

Помассировав немного виски, она огляделась. Какое-то неуловимое изменение обстановки заставило ее вздрогнуть.

Все та же темнота, теплый сквозняк, голые стены. Но что-то добавилось еще.

Медленно переставляя деревянные ноги, она прошла еще метров десять. Коридор под углом уходил вправо. Она подошла к другой стене.

Галерея расширилась. Теперь стены отстояли друг от друга метра на три. Раньше это было от силы полтора — два метра.

Опять запахло сыростью и чем-то еще.

Внезапно ее ступня погрузилась во что-то слизкое и мокрое. Она моментально отдернула ногу.

"Господи, если это труп, я сойду с ума", — подумала она, нагибаясь и протягивая руку, чтобы ощупать пол. Рука утонула в мягкой волокнистой массе.

ГНИЮЩИЙ ТРУП.

Холодные мурашки побежали по спине, волосы на голове буквально встали дыбом. Ей стало нехорошо.

Странно, но запаха не было. Вернее, почти не было. Она приблизила руку к носу и сразу узнала запах. Конечно, это была гнилая картошка.

"А что ты еще хотела найти в подвале", — едко спросил ее твердый голос. "Труп? Ха-ха-ха!"

Однако ей было не до смеха. Ни конца ни края этому видно не было. Одно утешало — здесь когда-то, по всей видимости, не так уж давно, побывали люди. Как никак, сама по себе она здесь появиться не могла.

Она прошла вперед еще метра полтора и вдруг больно наткнулась животом на что-то твердое и тупое.

Поспешно выставив руки вперед, она нащупала трубу, которая опускалась вниз. Сделав полшага вперед и крепко держась за трубу, она обнаружила, что ногу ставить не на что. Чуть не свалившись, она отпрянула назад. Воздух с шумом выходил из легких, она была на волосок от возможной гибели.

ЕСЛИ ТАМ ОБРЫВ, ТО ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ?

Найдя руками трубу, она мелкими шажками подошла поближе и осторожно опустила ногу вниз.

В фильмах, которые она смотрела, какой-нибудь маньяк или мерзкое чудовище, обычно всегда пользуются этим моментом, хватают и стаскивают жертву вниз.

Она смертельно боялась, что так оно и случится...

Нога встала на твердый предмет.

Теперь другая нога. Дальше... Это были ступени, и они уводили вниз. Она насчитала тридцать девять ступеней.

Опираясь рукой о кирпичную стену, она вошла вперед. Страх несколько притупился, но она постоянно чувствовала его взведенную пружину, готовую сорваться по любому поводу.

Ей показалось, что стало светлее. Или глаза уже настолько привыкли к темноте, или действительно стало светлее. По-прежнему, ничего не было видно, но что-то ей подсказывало, что источник света не так далеко.

Большим усилием воли она подавила в себе желание побежать на свет, хотя все ее существо рвалось к мельчайшему проблеску.

Галерея делала полукруг, и она медленно шла, держась рукой за внешнюю кирпичную кладку. Радиус круга, вероятно был большим, потому что искривление стены почти не замечалось.

Она отметила, что по правой же стороне, то есть, во внешней стене, сделаны ниши, но она побоялась входить туда. Темнота там казалась еще мрачнее и гуще.

Вдруг она увидела, что впереди, метрах в двадцати, из одной ниши падает неяркий желтовато-серыми свет.

СВЕТ.

Она остановилась как вкопанная.

"Откуда там свет, если нигде его нет?" — юркнула в ее мозгу пугливая мысль.

Стараясь не дышать, она медленно подкралась к нише. Вблизи стало видно, что ниша

представляет собой обрамленный кирпичной кладкой ход в помещение, противоположной стены которого она все еще не видела. Но сквозняка здесь уже не было.

Скорее, она почувствовала новый запах. Запах людей и еще один... сладковато-терпкий и очень знакомый.

...Конечно! Вспомнила. Это были духи, которые любила ее соседка, солидная женщина. АРМАНИ. Духи Армани.

Господи! Только она хотела обрадоваться, как новый кошмар заставил ее содрогнуться. А если здесь обитают люди, которым есть, что скрывать? Кто они? Бомжи? Это еще не самое страшное... С ними, наверное можно найти общий язык. А если это?..

"Но откуда у них Армани?" — трезвый твердил голос. "Может у них здесь склад ворованного?" — она пыталась найти лазейку.

"Иди и посмотри, что там." — Твердый голос. "Я боюсь! Я не хочу!!! Господи!" — ее сознание заметалось как загнанный зверек, но она поняла, что если не посмотрит, то назад не вернется.

Она решительно подошла к краю коридора и осторожно заглянула в комнату. То, что она увидела, подкосило ее ноги и она в глубоком обмороке осела на каменный пол.

"И я стесню людей, и они будут ходить как слепые, потому что они согрешили против Господа, и разметана будет кровь их, как прах, и плоть их, как помет."

Господи! Господи!!!

Приступ тошноты подкатил к ее горлу. Внезапно и очнувшись, она почувствовала за своей спиной движение. Собрав остатки мужества, она повернулась.

Это не был Фредди Крюгер. И это не был Франкенштейн. Перед ней, метрах в двух стоял молодой человек в черном костюме. По его взгляду она поняла, что Фредди не мог бы претендовать к нему даже в ученики. Его желтые, подернутые дымкой глаза обещали подвалы гестапо в десятое степени. Это не были глаза человека, и даже не животного. Она засомневалась, что это вообще могли быть глаза. Мгновение они продолжали смотреть друг на друга. Затем она прыгнула на него и чуть в сторону, не надеясь ни на что. Это его мир. Это его царство. Мышеловка захлопнулась.

Он не ожидал такого выпада и потерял пару секунд. Падая, она очень сильно ушиблась всем телом, но на удивление легко вскочила и побежала по мрачному полукругу.

Вероятно, это был ее лучший забег в жизни.

Абсолютно ничего перед собой не замечая, она только слышала его ровное дыхание метрах в пяти позади. Он не кричал, не ревел, как оборотень, он спокойно бежал. ОН БЫЛ УВЕРЕН.

Там, где по ее мнению, должны были находиться перила лестницы, она споткнулась, сильно разодрав палец ноги. Уже падая, она растопырила руки, как кошка, но не успела приземлиться.

Сильнейший удар по голове в области темени мгновенно выключил ее сознание.

"Я есмь и аз воздам", — это было последнее, что Господь послал в ее разрушенный мозг.

Глава 1.

— То, что вы предлагаете, очень интересно. Молодой человек в черном костюме огляделся, словно наслаждаясь летней прохладой ночного парка. — Но это несколько не

входит в наши планы. Вы меня понимаете? Как вас кстати, называть?

— Зовите меня Макс. Тем не менее, одно другому не мешает. Вы можете на этом хорошо заработать.

Человек усмехнулся. Нагло и цинично.

— Вы думаете, нам не хватает? Нас поддерживают целые правительства. Это вам не Россия.

— И все же... По-моему, много никогда не бывает.

— У нас другие задачи. Нам заплатили, мы заплатим в свою очередь вам. Конечно, если вы нам поможете. В конце концов, вы даже не знаете, что предстоит сделать.

— И что же?

— Сначала я назову сумму, которую вы можете получить. Двести тысяч. Макс достал тонкую сигарету и затянулся.

— За эти деньги можно многое сделать... — неопределенно сказал он.

— Поэтому вы нам и подходите. Макс быстро взглянул на собеседника и тут же отвернулся.

— Да вы так не волнуйтесь, — сказал человек в черном, — ваше прошлое и настоящее, — он сделал паузу, — нам очень хорошо известны. Мы рискуем, но только не в таких делах. Закончили спецшколу КГБ, были двойным, — тут он спора запнулся, — агентом. Одним из лучших, надо признать. Кстати, в одном откровенном журнальке писали про ваши подвиги...

— Эта скотина, предатель! — прошипел Макс. — Он многих сдал. Но про меня он почти ничего не знал. Только слухи.

— Да, слухи... — подтвердил человек.

— Но я уже отошел от дел, — сказал Макс.

— Такие, как вы, не отходят от дел. Они только поджидают удачного момента. Макс вспомнил названную цифру.

— Что мне надо сделать и какие гарантии?

— А вы не любите откладывать дела в долгий ящик...

— Я теперь деловой человек. Время — деньги. Вы это прекрасно знаете. Почти полчаса незнакомец объяснял Максиму общие детали. Иногда он поглядывал по сторонам и незаметно — на часы.

— Почему вы не боитесь, что я вас сдам? Все-таки это относится ко мне напрямую.

— Вы говорите глупые вещи, — холодно ответил собеседник. — Впрочем, — он задумался, — даже вам это не простительно. Мы заинтересованы друг в друге. И знаем слишком много.

Макс кивнул. Его карие глаза, светились стальным блеском.

— Если я соглашусь, вы должны согласиться на мои условия.

— Какие?

— Во-первых, никто не вмешивается в мою работу.

— Согласен.

— Во-вторых, вы поможете мне в моем деле. Взгляд человека затуманился. Он не хотел брать на себя лишние обязательства.

— Мне кажется, это лишние хлопоты, вы не должны ни о чем волноваться.

— Это уж мое дело, — сказал Макс. — В противном случае...

— Хорошо, — неожиданно согласился человек. — Я сделаю это. Куда все отправить?

— Вы разве больше не приедете?

— Нет. Наше участие предполагается в самом конце.

— А деньги? Вы же не думаете, что я буду мягко говоря, нарушать закон за честное слово?

— Нет. — Человек вытащил из кармана плоский прямоугольник кредитной карточки. — Здесь треть. Две трети — по окончании.

— Если вы меня обманываете... — начал Макс. Собеседник резко повернулся.

— Мы уже говорили на этот счет. Куда передать документы? — повторил он.

— Передайте почтой на мое имя. Вы знаете мой адрес?

— Да.

— Сколько вам потребуется времени? — спросил Макс.

— Примерно месяц — полтора. Могут возникнуть сложности. Но учтите, то что вы делаете, нас не касается. Мы платим вам только за то, что вы должны сделать.

— Я гарантирую, что у вас не возникнет проблем, — сказал Макс. — Только непонятно вот что, зачем растягивать все это на целый год? Я мог бы то же самое сделать за месяц или за две недели. Меньше риска, а эффект тот же.

Незнакомец долго молчал, всматриваясь в безоблачное звездное небо. А потом ответил:

— Так хочет заказчик.

Глава 2.

Василий вышел из прохладного здания железнодорожного вокзала Калининграда и огляделся вокруг. В руках он держал небольшой черный чемоданчик, содержащий в себе единственный выходной костюм, пару хлопчатобумажных рубашек и гигиенические принадлежности.

Еще в поезде "Москва — Калининград" его ошеломил старый, немецкой постройки железный каркас вокзала. Таких он не видел еще ни в одном из городов, которые проехал. А проехал он немало. Прямоком из солнечного Бишкека, через Москву, и вот теперь он, наконец, на месте.

О своем бывшем родном городе вспоминать не хотелось. Если ты русский, тот тебе там делать нечего, ты — низшая, вторая раса. Он прекрасно помнил, с каким настроением приходил отец домой с работы последние свои месяцы жизни. Те унижения, которым он подвергался и свели его в могилу. В этом Василий не сомневался, но и терпеть не хотел.

Отец частенько упоминал о своих долгих вечерних рассказах Калининград. До того как его послали по комсомольской на солнечный юг, он некоторое время проработал главным технологом на рыбзаводе. Эти деньки, по его словам, были лучшими в жизни.

— Сынок, — повторял он почти каждый вечер, усаживаясь за рабочий стол, — поверь мне, здесь тебе жизни не будет. Поезжай в Калининград, Устроишься на работу, заведешь семью, там их квартиру дадут...

Пересекая здание вокзала, Василий придирчиво оглядел себя в большое, метра четыре высотой зеркало в массивной бронзовой раме.

На него смотрел молодой человек, лет двадцати четырех — двадцати пяти, высокий, спортивного телосложения. Его загорелое лицо с несколько выдающимися скулами и большими черными глазами несомненно привлекало внимание женщин. В этом он убедился по особенному вниманию проводницы. Искренняя теплая улыбка выдавала в нем

обаятельного общительного человека.

Погода выдалась преотличная, тепло, но не так жарко как в Бишкеке. Несильный ветерок шевелил зеленые кроны деревьев, растущих на прилегающей к вокзалу площади, как в парке.

Медленным шагом Василий шел по чистому тротуару, разглядывая попадающихся прохожих. Одни спешили по делам, другие, так же, как и он, прохаживались, наслаждаясь летним покоем.

Чуть дальше, метрах в пятидесяти, уже проходила дорога, кишущая автомобилями преимущественно иностранных марок. Квадратные корпуса троллейбусов на остановке выстроились друг за другом в длинную очередь.

Немного оглядевшись, Василий достал из внутреннего кармана маленькую записную книжку в кожаном переплете. Она содержала адреса, по которым нужно было обратиться в первую очередь. Знакомые отца. Мать сказала, что они не откажут, если он напомним им фамилию. Не должны отказать. Василий скользнул взглядом по первому адресу. Советский проспект д. Управление внутренних дел, к Литвинову Ирану Дмитриевичу.

Это по поводу работы. Конечно, в некоторых кругах профессия милиционера не очень то котируется, но зато там предоставляют общежитие, униформу и питание. И именно это ему сейчас было необходимо.

Прочитав список до конца, Василий решил, что не стоит испытывать судьбу. Возле обшарпанного, с вывеской начала шестидесятых годов, гастронома "Стрела" он заметил двух патрульных, разомлевших и попирающих квасок.

Видимо, они знают, где это.

Перейдя улицу в неполюженном месте. Василий отметил про себя очень плохое состояние асфальта, огромные дыры и трещины как щупальцы опугали дорожное полотно. Василий не изучал язык глухонемых, но прекрасно понимал, что именно говорят шевелящиеся губы водителей.

— Извините, — обратился он к двум молодым ребятам в форме патрульно-постовой службы. — Вы не подскажете, как мне найти Советский проспект? Они посмотрели на него без особого интереса.

— Вон, видишь остановку, — сказал один из них, кивая головой. — Там сядешь на двойку, пятерку или шестерку. Выйдешь на вокзале, там недалеко.

— А на чем ехать-то? — спросил Василий, чувствуя всю наглость этого вопроса. Постовой устремил на него непонимающий взгляд.

— Как на чем?.. На трамвае попробуй.

— Хорошо, спасибо.

Василий устремился к забитой народом остановке и где-то через час добрался до указанного адреса.

Город из окна стонущего и охающего трамвая ему очень понравился. Широкие, довольно чистые улицы утопали в буйной зелени. Большое количество отдыхающих и курортников слонялось в поисках свободного местечка в кафе или баре, их безмятежные лица придавали городу спокойный и умиротворенный вид.

Красивые девушки в суперминиюбках гордо выпрямив плечи дефилировали по эстакадному мосту как фотомодели но подиуму. Их высокие стройные фигуры и развевающиеся волосы заставляли выгибать шеи добрую половину трамвая.

Чуть дальше раскинулся огромный торговый центр из стекла, металла и пластика,

облепленный массой машин и легко одетых людей.

Василию показалось, что он попал в Европу в какой-нибудь германский или австрийский город. Облагороженный немецкие здания, множество яркой рекламы, выгодно подчеркивали архитектуру и цивилизованность.

Дом на Советском проспекте тоже оказался довоенной, если не дореволюционной постройки. Исключительно массивные коричневые стены из кирпича возвышались на четыре этажа... Окна на первом этаже закрывали ажурные решетки.

Василий поднялся по ступенькам к дежурному офицеру.

— Здравствуйте. Подскажите, Литвинов Иван Дмитриевич еще работает у вас?

Офицер взглянул на него и тут же продолжил изучение какого-то списка.

— У него не приемный день. Завтра приходите с двух до четырех. Василий хотел ему сказать, что уже сегодня где-то надо жить, и немного помолчав обратился опять, ощущая крайнюю неловкость.

— Товарищ капитан, если он есть, скажите ему, от Батурина... Капитан поднял голову и смерил Василия долгим пронзительным взглядом. Видно, не захотев испытывать судьбу, он потянулся к телефону.

— Иван Дмитриевич? Тут к вам от Батурина, пропустить?.. — возникла пауза, Литвинов, наверное, вспоминал.

— Слушаюсь, — сказал наконец капитан. — Проходите. Второй этаж налево. — Сказав это, он тут же углубился в листок, оказавшийся карточкой "Русского Лото".

Василий не позволил себя победной ухмылки и быстрыми шагами поднялся наверх. Этажи оказались очень высокими — метра четыре или пять. Между пролетами лестницы стоял толстый зеленый кактус без шипов в широкое неглубокой кадке, заполненное сигаретными окурками.

Остановившись у двери с табличкой "Литвинов И. Д.", он критически оглядел себя и удовлетворившись, два раза постучал.

— Да, да, войдите, — ответил жесткий мужской голос, одновременно откашливаясь.

В открытую дверь Василий увидел сидящего за большим дубовым столом человека, которые по-видимому и являлся Литвиновым. Напротив него, около длинного стола для заседаний стоял моложавый, военной выправки, капитан.

Литвинов протянул руку.

— Здравствуйте, здравствуете. Правда, думал увижу самого Аркадия, но, конечно, очень рад я вам. Иван Дмитриевич, — представился он. Василий ощутил силу его рукопожатия.

— Василий. — Он ожидал увидеть щедушного бюрократа, но перед ним стоял подполковник лет шестидесяти, с волевым лицом, выцветшими синими глазами и худощавым жилистым телосложением.

— А это — капитан Архипов, помощник. Они поздоровались.

— Ну, — Литвинов указал на стулья, — что привело вас ко мне? Василий покосился на капитана, не стесняясь, но чувствуя некоторое неудобство.

— Я только что приехал, — начал он, — из Бишкека. Отец говорил, что вы можете помочь с работой. Конечно, если я помешал, то...

— Нет, нет, — поспешил Литвинов. — Вы армию отслужили?

— Да, конечно. Погранвойска. — Василий попытался проникнуть сквозь эти, подернутые дымкой глаза, но не смог.

— Хорошо, — медленно проговорил Литвинов, постукивая пальцами по столу, на

котором лежала всего одна папка. — Вам есть где жить? Василий покачал головой.

— Ладно. Архипов, отведи в общежитие, завтра на медкомиссию, а потом к Степанову, в ППС. Послужишь немного, а там посмотрим.

Архипов кивнул, соглашаясь, словно это касалось в первую очередь непосредственно его.

— Не будем строить догадок, — сказал Литвинов, когда Василий поднялся. — Но если кровь та же, то у тебя все получится. Желаю удачи.

— Спасибо, Иван Дмитриевич. Я вам очень благодарен.

— Ничего, приступай. Степанов — мужик нормальный. Сработаетесь.

Василий вышел вместе с Архиповым, вид у которого был весьма озабоченный. В руке он держал серую картонную папку с надписью "Дело". Они поднялись еще на один этаж и вошли в кабинет с табличкой "Архипов".

— Так значит, из Бишкека? — рассеянно спросил Архипов, накручивая диск телефона.

— Оттуда, — ответил Василий.

— Как там?

— Жарко. Намного жарче, чем здесь. Русские в положении негров, денег нет, зарплаты не платят, законов никаких не существует...

— Да... — протянул Архипов. — Но ты не смотри на наш блеск, наверное уже увлекся. Скоро узнаешь, что за этим стоит, — он похлопал по серой папке. — У меня, вот, позавчера человек исчез. Был и нет. Девушка, пятикурсница. Не знаю даже, откуда начать...

Телефон, наконец соединился.

— Алло, это Архипов из областного. К вам человек придет, Батурина фамилия. Поселите сегодня же... Да... Спасибо. — Он повесил трубку. — ну вот, одно дело сделано. Завтра утром придешь сюда, на втором этаже — отдел кадров, возьмешь направление на медкомиссию.

— А ее долго проходить? — спросил Василий.

— Дня два, если у тебя все нормально. Не больше. А затем, ко мне, я познакомлю со Степановым. — Он достал клочок бумаги и записав название улицы с общежитием, протянул ее Василию. — Найдешь? Это рядом.

— Да, да, спасибо.

Василий попрощался и с ликующим сердцем вышел на улицу. Все оказалось не так сложно, как он себе представлял. Вспомнилось отцовское — хорошие люди должны помогать друг другу.

Чем же я ему помогу? — вдруг подумал Василий, поджидая, пока гроыхающий трамвай в облаке удушливой пыли прокатится мимо.

Девушка насадила длинную иглу на шприц и велела у ему подать руку. Обмотав ее чуть повыше локтя жгутом, она помазала место сгиба чем-то отдаленно напоминающим спирт.

— Это у вас одноразовые иглы? — поинтересовался Василий, с ужасом наблюдая приближение процедуры.

— Да вы не беспокойтесь, мы их в автоклаве кипятим, — ответила она, улыбаясь.

— Я в общем-то и не беспокоюсь, но все-таки... Она приблизилась и сосредоточенно ввела иглу в пульсирующую вену. От нее шел едва уловимый запах цветочных духов.

Чтобы не смотреть, как шприц наполняется кровью, Василий уставился в вырез ее халатика.

"А она симпатичная", — подумал он, незаметно скользя взглядом ниже, насколько это

позволял бесформенный халат.

— Как вас зовут? — спросил Василий, решив попытаться счастья. Вытаскивая иглу, она потряхнула головой. При этом ее пепельные волосы мягко заволновались.

— Наташа, а что?

— А меня Василий. Просто хотел пригласить вас сегодня вечером куда-нибудь сходить, только, вот не знаю, куда. Я же из Калининграда, на местности пока плохо ориентируюсь... Она опять улыбнулась, рассматривая пробирку с алой кровью.

— Вряд ли из меня получится хороший гид.

— А вы попробуйте. Во сколько вы заканчиваете? Я бы зашел, мне не далеко...

— В пять вечера, но учтите, в одиннадцать мне нужно быть дома. Василий неспеша закатал рукав и поднялся.

— Если кружится голова, то можно прилечь, — сказала Наташа, смотря ему прямо в глаза.

— Еще как кружится, — ответил Василий, — от ваших духов.

Она немного покраснела, ей было приятно услышать такое.

— Значит в пять? — Василии подошел к двери и еле заметно подмигнул ей. — Я буду точно.

Она слегка кивнула и принялась расставлять пустые и заполненные пробирки, что-то помечая в толстой амбарной книге.

Все-таки Калининград — прекрасный город, — решил Василий, покидая поликлинику. Отец, как всегда, был прав.

До встречи оставалось еще почти полдня, комиссию он умудрился пройти за одно утро) наверное, благодаря богатырскому здоровью, и, теперь выдалось время, чтобы пройтись по городу пешком и получше рассмотреть его вблизи.

Полюбовавшись суетой Северного вокзала, Василий купил в одной из многочисленных палаток поллитровую банку пива "Хольстен" и медленно двинулся к центральному рынку.

Облитый чем-то зеленым памятник Ленину показывал, правда, совсем другое направление, но Василий, увидев серое мрачное здание администрации, свернул в парк, густо усаженный цветущими липами и каштанами. В прохладной тени деревьев на скамейках отдыхали и развлекалась молодежь и многочисленные милицейские патрули. "Скоро и я буду таким", — подумал он, наблюдая разморившихся на свежем воздухе стражей порядка. Впрочем, милиционеры ни к кому не приставали, а только изредка окидывали свое служебное пространство ленивым взглядом.

Центральный рынок кишел людьми, торгующими, что-то несущими, или просто, бесцельно шатающимися. Нескончаемый поток машин на дороге то и дело останавливался, пропуская толпы народа. Пенсионеры, все в поту и мыле, выкрикивали нецензурные ругательства, и всем своим видом показывали, что машины поедут только по их трупам, при этом они неспеша волочили или катили свои тележки с продуктами и хозяйственным скарбом, не обращая внимания абсолютно ни на что.

Усталый старшина ГАИ с мокрой от пота спиной и плюнувший на все это безобразие, уплетал за обе щеки смачные гамбургер, заедая его жаренное картошкой и запивая кока-колой.

С отсутствующим видом взглянув, как серый опель-рекорд поехал нагло под кирпич, он прикоснулся было к рации, но, видно передумал и сделал запись в блокноте.

Слева от входа в рынок торговали свежими цветами, сутуло свесившими свои дряблые

бутоны. Было дело, Василии выращивал цветы в совхозе, недалеко от Бишкека, и теперь, прохаживаясь по рядам, с улыбкой слушал, как распарившиеся торговцы впихивают залежавшийся товар, который через два часа превратится в дохлый гербарий.

Впрочем, запах стоял отменный, особенно от огромных полыхающих астр, и нежно-светлых метровых роз.

Выбрав самую красивую, еще живую розу, он заплатил пятнадцать тысяч, несколько не пожалев. "Ей понравится."

Решив больше не толкаться по рынку, Василий вышел на улицу Черняховского, и, наблюдая, как прохожие любят его розой, направился вдоль по тротуару. Откуда-то доносилась популярная музыка, иногда перекрываемая шумом моторов.

"Областное Гаи", — прочитал он на синей вывеске, прикрепленной к стене немецкого здания из красного, местами потемневшего кирпича.

Это, наверное, одна из главных достопримечательностей, — подумал он, наблюдая невозмутимо спокойные лица сотрудников, в то время, как владельцы машин с пеной у рта готовы были кидаться на стены от переполнявшей их энергии. Он не знал, сто уже несколько недель подряд ожидался новый указ об отмене льгот по растаможке машин.

Наслаждаясь отдыхом и хорошим деньком, Василий постепенно добрался до Нижнего озера, утопающего в зеленых насаждениях. В глубине его виднелись отдыхающие, выделяющиеся пируэты на водных катамаранах.

Владельца собак держались побоку. Освободив своих ненаглядных бультерьеров и ротвейлеров от всяких ошейников и намордников, они собрались в кучку, весело смеясь и отхлебывая пиво. Ошалевшие от предоставленной свободы питомцы иногда нарушали границы своей зоны и увлеченно гонялись за кем-нибудь, по неосторожности попавшему в их поле зрения, пока остервенелые крик не нарушал всеобщего покоя — "Уберите собаку!"

Стоя на балкончике, нависшем над озером, Василий выкурил сигарету и внимательно оглядевшись, поспешил прочь. Он не любил собак и они отвечали ему взаимностью.

Осмотрев музей янтаря изнутри и ликеро-водочный завод снаружи, он, оставшись довольным своими впечатлениями, спустился на Московские проспекты.

Побродив по магазину "Тысяча мелочей", Василий почему-то подумал, что так и не увидел мелочей дешевле миллиона. Разве что две-три.

Василий взглянул на часы, четыре с небольшим. Пора было возвращаться в поликлинику, чтобы встретить Наташу. Он с удовольствием отметил, что роза еще не потеряла своего первоначального вида.

Ноги немного гудели, но после поезда это было приятным чувством. Когда Василий подъехал на такси, Наташа уже вышла на ступеньки блеклого приземистого здания поликлиники, густо обсаженного зеленоватым вьющимся кустарником. Серые потрескавшиеся стены дома, словно обтянутые загнившей паутиной, уже давно и настойчиво требовали ремонта.

Возле деревянной, недавно окрашенной двери, на высоте человеческого роста висела грязная стеклянная табличка с надписью "Поликлиника", с наискось пересекавшим ее блестящим расколом.

Наташа, в красивом, цвета морской волны, легком шелковом костюме, трепещущим на свежем воздухе и белых туфлях-лодочках прохаживалась по заброшенным выкуренными до фильтра окурками ступеням, иногда встряхивая головой. При этом ее серебристо-пепельные волосы медленными волнами перемещались с лица на спину.

— Привет, — крикнул Василий, расплачиваясь с шофером, — Я не опоздал?

Она поглядела на маленькие часики и улыбнувшись, покачала головой.

— Нет. Даже раньше. — Ее голос был приятным и мелодичным. Василий подошел к ней, пряча розу за спиной и снова ощутил еле уловимый цветочный аромат, от которого защекотало в груди.

— Вот и прекрасно. — Он сделал паузу. — А это вам, — и протянул длиннущую, несколько не потерявшую свою свежесть розу.

— О!.. это мне? Какая красивая! Наверное, она стоит кучу денег!.. Спасибо!

Василий скромно посмотрел на сверкающие кончики своих туфель.

— Подарок нельзя оценить деньгами, это я вас должен благодарить, что вы позволили мне сделать такой маленький сюрприз. Ее лицо расцвело, но она взглянула на Василия вполне серьезно.

— Давайте на "ты" — так будет проще.

— Хорошо. Куда идем? Я, правда, уже полгорода исходил, хотелось бы посидеть где-нибудь спокойно...

— Вот и прекрасно, — сказала она, поправляя прическу. — Честно говоря, я не очень-то люблю ходить много пешком. Слишком пыльно и шумно.

— Но вечером-то, получше, я думаю, — заметил Василий.

— Тогда пойдем в одно прекрасное место, называется бар "При свечах", это где драмтеатр. Там уютно и народу много не бывает...

— Я всецело полагаюсь на твой вкус, — сказал Василий, подавая ей РУКУ.

Медленно, разговаривая о пустяках, они поднялись по улице Озерова, пересекли гудящую строительством Уральскую, вышли на кипящий машинами Советский проспект и повернули налево, на проспект Мира, оставив позади широкую, используемую под автостоянку, площадь Победы. Справа тянулось длинное, позеленевшее от старости угрюмое здание.

— Это технический университет, — сказала Наташа, увидев вопрос на лице Василия. — Попасть сюда практически невозможно, особенно на экономический. Но если ты захочешь выучиться на механика или тралмастера, то, я думаю, тебе будут рады.

— А это кто? Студенты? — Василий указал на группу неформально одетой молодежи, празднично шатающейся в тени вековых деревьев. Наташа засмеялась, но не громко, а как-то робко и застенчиво.

— Да... студенты, посмотри на них получше. Когда они подошли поближе. Василий разглядел, что в большинстве это были подростки, но среди них попадались люди и постарше. Почти все они пребывали в состоянии буддистской отрешенности, и, склонив головы, казалось, не могли найти выхода из парка с дюжиной деревьев. Некоторые лежали на траве с широко открытыми глазами без малейших признаков жизни. Один парень в широких черных джинсах-клише и цветастой рубашке навывпуск пытался закурить, но его руки, судорожно сжимающие зажигалку, удалялись по мере того, как он приближал к ним рот с зажатой сигаретой. Он как-то странно весь изгибался и стоял в такой немыслимой позе, что по всем законам должен был вот-вот упасть.

Все-таки он прикурил, полностью опустившись на асфальт и замер, словно кающийся грешник у алтаря.

— Не обращай внимания, — посоветовала Наташа и спохватившись, добавила, — мы

почти пришли, вон и драмтеатр, видишь?

Впереди стояло красивое, пастельного цвета здание, поддерживаемое гигантскими белоснежными колоннами с искусной лепниной на концах.

На площадке под колоннами расположились красные пластмассовые столики летнего кафе, почти все свободные, прямо за ними замерли три колоссальные деревянные двустворчатые двери с круглыми ручками из желтого металла. Справа и слева Василий разглядел точно такие же, только распахнутые во всю ширь.

— Слева — драмтеатр, справа — бар, — сказала Наташа, поднимаясь по ступенькам.

Через вырез в костюме Василий отметил ее идеально стройные ноги и тонкие щиколотки, переходящие в крохотные ступни.

Они прошли в полутемный небольшой бар, по стенам которого горели оранжевым пламенем электрические свечи. Здесь также стояли пластмассовые столики, накрытые зелеными полотняными скатертями.

Справа от обклеенной фольгой стойки бара под потолком работал телевизор. Крутили клипы. Негромкая музыка создавала таинственную и романтическую атмосферу, иногда прерываемую возгласами поваров на кухне. Василий усадил Наташу за стол и заказал два джина с тоникам.

— А ты давно в поликлинике? — спросил он, когда сел напротив и достав сигарету, закурил.

— Да нет, около года, после медучилища. — Она тоже взяла сигарету и неглубоко затянулась, осветив тонкие длинные пальцы.

— Что, хорошо платят?

Наташа усмехнулась.

— Триста тысяч.

Василий недоверчиво посмотрел на изящное золотое колечко с рубином и большой "золото" кулон в виде знака зодиака, падающий на блузку.

— Подрабатываю у одного старика сиделкой, его сынок не скупится, — пояснила она, потягивая джин через соломинку. — А что еще делать? хочешь жить... — Наташа взглянула на Василия: — А ты чем занимаешься? Пришел черед смущаться ему.

— Пока ничем, прохожу комиссию.

— Кровь у тебя, кстати, хорошая. Здоровая. А что дальше будешь делать?

— Наверное в милицию. Пока так решил. — Он ожидал, что Наташа переменится в настроение, услышав это, но она только еле заметно качнула головой.

— У меня дед тоже в милиции служил. Но он уже пятнадцать лет как на пенсии, а форма — так в шкафу и висит.

Василий облегченно вздохнул, сосредоточив все внимание на сигарете. Темы для разговора все куда-то пропали, они сидели друг против друга и кидали многозначительные взгляды.

— А чем ты занимался в Бишкеке? — первая прервала молчание Наташа.

— После того, как отслужил, два года работал на нефтьвышке оператором, конечно, ездить было далековато, но я привык.

Наташа засмеялась.

— Я вспомнила ту рекламу про норвежские буровые. Холод... у — у - она поежилась, — грязно, этот мазут...

— Нет, у нас все не так было. Жара градусов сорок пять, сухой южный ветер, все в

песке... и в нефти. Машины буровые довоенного производства, постоянно ломаются, мастер орет во все горло. — Василий немного прикрыл глаза и продолжил, — а потом порвался трос, которые соединял лебедку с ковшом, а я стоял на мостике, на высоте двенадцати метров, проверял сепаратор... ну в общем меня задело. Четыре месяца в больнице, когда выздоровел, отец уже умер... Он всегда хотел, чтобы я уехал в Калининград... И теперь, вот я здесь, мне кажется, что он был бы рад.

Наташа смотрела в его большие грустные глаза и он все больше и больше нравился ей, мужественный, умный и добрый.

— А у нас, между прочим, месяц назад фестиваль был, — прощепетала она, отвлекаясь от накотивших мыслей. — Если бы ты приехал пораньше, то мы обязательно сходили бы на него, — Наташа украдкой взглянула на Василия.

Он успел заметить призыв в ее глазах.

— Где же он проходил? В кинотеатре?

— Да ты что! Целый остров выделили. Конечно, первый блин обычно комом, но в следующий раз обещали устроить супершоу.

— Что?! В Балтийском море остров? — на миг растерялся Василий. Наташа звонко рассмеялась.

— Нет конечно, в городе район так называется. Со всех сторон окруженным рекой. Может ты видел, старый немецкий собор с часами?

— Да, когда на трамвае по мосту проезжал...

— Вот, под мостом и находится так называемым остров. Что там Было! — Она мечтательно подняла глаза к потолку. — Народу — уйма, все гуляют, поют! А потом фейерверк и салют, грандиозно!

Василий покачал головой.

— У нас такого не было. Один раз на соседней буровой каким-то образом загорелась нефть. Представь, огненный фонтан высотой метров в сто... а так, чтобы специально праздник — такого нет.

— А здесь — постоянно. Дни города, фестивали, праздники, ярмарки, народные гулянья. Кажется, не успел кончиться один, начинается другой. Но этот фестиваль, как говорится — венец творения.

Василий вдруг подумал, что работа у него будет по-видимому несладко?. Народ же не любит праздновать на трезвую голову.

— И что, на следующий год все повторится? — спросил он, снова закуривая.

— Да, только все будет намного лучше и красивее. Так обещали. А она слов на ветер не бросает.

— Кто — она?

— Да... — Наташа вся напряглась, вспоминая. — Платье у нее красивое было. Черное, выделанное жемчугом... Вспомнила, Никитина! Она же всем этим занимается. То есть владелица фестиваля.

Василий моментально представил себе дородную вальяжную женщину, облаченную в необъятное черное с жемчугом платье, с обезьяньей имитацией светских манер и густым низким голосом. Еще обязательно маленькие черненькие усики. Для полной картины.

На девяносто процентов он был уверен в правильности своего представления, но не стал информировать об этом Наташу, которая от выпитого джина слегка покраснела. Василий взглянул на пустые бокалы и попросил бармена повторить.

— Расскажи что-нибудь интересное, — попросила Наташа, дотрагиваясь до его руки. Он взял ее холодные пальцы в ладонь и начал их медленно поглаживать, чувствуя, как желание все больше и больше охватывает его.

— Однажды, — начал Василий, с трудом вспоминая слова, — года полтора назад, мы с ребятами с буровой пошли в аул за водой. У нас закончилась питьевая вода, а рабочий день только начинался. Судя по всему, денек предстоял жаркие, с утра термометр доказывал около сорока. Вышки буровые все в принципе автоматизированы, качают и качают сами... А до аула было километров восемь, почти по пустыне.

Где-то на полпути налетел ураган, небо резко потемнело, хотя до этого было идеально чистым, и нас накрыла песчаная буря. Никто не знал, сколько она продлится, и мы рассорились. Одни хотели вернуться, другие продолжить путь. Я знал, что без воды долго не протянуть и поэтому пошел вперед. Со мной осталось два человека, а те пятеро — побежали назад.

Представь себе, жара невероятная, кругом песок, залепляет глаза, уши, во рту скрипит... Мы держались за руки, чтобы не потеряться и шли вперед. Я не знаю, сколько это длилось, буря не заканчивалась, и мы, наверное, сбились с пути. Короче, где-то через час, вспоминая и бога и черта, мы наткнулись на высоким сетчатые забор. Входа не видно. Дошли по периметру до ворот, там никого. Еле разглядели за воротами одноэтажное здание, довольно большое, из-за песка его и не видно сначала было. Мы в дверь проскочили — оказалось открыто, но запах внутри — жуткий. Зашли еще в одну дверь. Все такое старое, как будто брошенное... Боже! Когда я их увидел, то чуть в обморок от страха не упал. Представляешь! Мы случайно забрели в лепрозорий.

Они сидели, если это можно так назвать, на старых кроватях с матрасами грязно-желтого цвета и смотрели на нас. Потом один встал и начал к нам приближаться. Я... я не знал, что делать. Я протянул у ему пустую канистру для воды. Он взял ее и ничего не сказав, вышел через другую дверь.

Они... они разглядывали нас, как покойники, которые хотят попробовать живой плоти. Никогда не забуду... Если ты думаешь, что в их глазах был страх или отчаяние... — нет, ничего такого. Этот, с канистрой вернулся довольно быстро. В ней плескалась вода.

Обезображенной рукой он указал нам на дверь. Если бы за дверью находился ад, я бы с радостью променял это место на самые страшные ад.

Стоит ли говорить, что мы выскочили, как из склепа с живыми покойниками и бежали, пока не закончилась буря. Потом мы уже сориентировались и вышли к буровым. Ноги дрожали, мы ужасно хотели пить, но только не из этой канистры, которую я почему-то так и не бросил.

Мастер на нас наорал и, кажется, врезал кому то, но, увидев воду, обо всем забыв, отобрал канистру и выпил целый литр.

— И что? — шепотом спросила Наташа.

— Ничего. Я ему объяснил, где мы взяли воду. Он блевал до вечера, а на следующее утро не вышел на работу. Ему взамен прислали нормального парня.

— А может он заболел?

— Нет, лепра ведь не заразная, но в принципе, зараза заразу видит издалека.

Наташа молчала, не в силах вымолвить ни слова. Потом она достала сигарету и нервно закурила.

— Страшно, да? — вымолвил Василий. — Это еще ничего, было и похуже.

У Наташи больше не возникало желания спрашивать. История была не очень страшной, но заставляла высунуться из своей скорлупы и подумать о том, что происходит вокруг. Подумать всерьез.

— Я наверное, перестарался, — извиняющимся тоном снизал Василий.

— Ничего, это ведь я сама тебя попросила. — Наташа попыталась улыбнуться, но у нее ничего не вышло.

Выпив еще по стаканчику джина с тоникам, они поднялись и расплатившись, вышли в теплый летний вечер. Уже смеркалось. Загоревшиеся огни рекламы красиво разнообразили затихающий проспект.

— Тебе далеко? — спросил Василий. — Я тебя провожу, — и покосился в сторону так называемых "студентов".

— Нет, тут рядом, на Чайковского.

Они вместе шагнули в ласкающую темноту. Выпитый джин приятно согрел желудок и отдавался в голову, создавая впечатление необычной легкости и свободы.

— Я тебя завтра увижу? — осторожно спросил Василий, когда показался ее дом — пятиэтажка довольно недавней постройки. Наташа обернулась и кивнула.

— Если сможешь, заходи. А сейчас мне надо идти. Пока.

— Пока.

Василий не поцеловал ее в покрасневшую щеку, но он особенно и не торопил события, предоставив их идти своим чередом.

Наташа поднялась на свой этаж, открыла дверь, разделась и моментально уснула благодаря выпитому спиртному. Всю ночь ей снился Василий и прокаженные, наводнившие город.

Глава 3.

— Хотите кофе? — предложила Никитина человеку, сидящему напротив. Это был Карташов, раньше она о нем слышала, но никогда не видела.

Его элегантный, песочного цвета пиджак и несколько вызывающий галстук на белоснежном рубашке шились, по крайней мере, у Пьера Кардена.

— Почему бы и нет, — ответил он, разглядывая кабинет. — Только без сахара.

Сидевшая слева от него за журнальным столиком из красного дерева помощница Никитиной — Анжелика Кордец тихо поднялась и вышла в приемную. Через некоторое время она вернулась с круглым серебряным подносом девятнадцатого века. Маленькие, того же металла изящные чашечки и старомодный кофейник с длинным носиком были явно из одного и того же сервиза. Старого я дорогого.

— Хорошая вещь, — похвалил Карташов, оценивая антиквариат.

— Вы, кажется, этим занимаетесь? — поинтересовалась Никитина, наблюдая, как Анжелика разливает кофе.

— Не совсем. Но иногда приходится. Заниматься старинными вещами ж очень выгодно, к тому же интересно. Но у меня ремесло пошире. Никитина кивнула, несколько не понимая, что именно он имеет в виду.

— Но сейчас тяжело стало, — продолжил Карташов, — законы никудышные, иностранцы нам не доверяют. Звонит, например, немка, хочет дом купить, в котором до войны ее родители жили, и все нахожу, договариваюсь с нынешними хозяевами, а как дело

доходит до практической стороны, тут нередко все и обрывается — они в шоке от нашей бюрократии. Сейчас даже за деньги ничего не сделаешь.

— Так вы просто — обыкновенный маклер? — спросила Кордец невинным голосом. Карташов обидчиво встряхнул головой.

— Ну что вы! Всю эту коммерцию я бы послал... — он многозначительно промолчал, куда именно. — Вы знаете, сколько стоит день раскопок, ну, например, развалин рыцарского замка?

Обе женщины промолчали.

— Не знаете... Самый минимум — полторы тысячи долларов. Это при минимальном оборудовании и количестве участников. Сами понимаете, чем это оборачивается... И так — везде, за все надо платить. А то, что ты делаешь — никому не нужно... — он удрученно замолчал, но сразу опомнился, — впрочем, я совсем по другому вопросу. Как вы уже, наверное, догадались, мне приходится заниматься бизнесом, чтобы не прогореть. Я хочу предложить вам хорошую идею, на которой мы сможем заработать.

— Что-нибудь с иностранцами? — предположила Кордец.

— Нет. Я все объясню по порядку, и, зарегистрировал страховую компанию, работа уже идет, и довольно неплохо. Честно говоря, я даже не ожидал такого наплыва. Так вот, вы, насколько я знаю, делаете шоу?

Никитина сложила руки на груди и кивнула. Анжелика неотрывно смотрела, как шевелились губы собеседника, мясистые и чувственные. Легкий летний гомон, просачиваясь через форточку походил на неисправный радиоприемник.

— И это приносит вам немалы доход...

Это прозвучало несколько бестактно и Никитина немедленно отреагировала:

— Какое это имеет отношение к вам?

— Вы сейчас поймете. Положим, доход у вас составил, ну, сто миллионов. Не важно чего, из этих денег сколько вы заплатили налогов? Никитина пожала плечами.

— Это знает Гестер. Наш бухгалтер.

Анжелика нагнулась к сумке, стоящей подле кресла и вынула зеленый блокнот из крокодиловой кожи, окантованный золоченым металлом. Юбка на ее коленях задралась несколько выше обычного и она нехотя поправила ее.

— Много больше половины, — сказала она, отыскав нужное место.

— Это при всем при том, что бухгалтер у вас высшей категории и в налоговой свои люди. Я ведь не ошибаюсь?

— Нет. — вяло ответила Никитина. Карташов разгладил несуществующие складки на брюках и закурил. Все последовали его примеру.

— Получается, с каждых ста вы платите больше пятидесяти. Я предлагаю пропускать ваши деньги через мою кампанию.

Никитина слегка оживилась. Анжелика сосредоточила все свое внимание на тонком кончике сигареты, испускающем причудливые завитки сизого дыма. Как по команде включился автоматический кондиционер, наполнив кабинет слабеньким комариным гуденьем.

— Что это меняет? — спросила Никитина, не зная, что ей делать, то ли радоваться, то ли гневаться.

— Вы не платите налогов.

— Вообще?!

— В принципе, да. Мои юристы выработали возможную схему прокрутки денег. Но это относится только к шоу. А именно — к билетам. Со всего остального пока придется платить.

Никитина задумалась, опершись головой на руку. Ее тонкие наманикюренные пальчики играли с нижней губой.

— Это интересно, — сказала она минуты через две. — Но как все это происходит практически?

— Все очень просто. — Карташов откинулся в мягком кресле, наслаждаясь искусственной прохладой. — Каждый билет вашего шоу будет являться страховым полисом.

— Но тогда это будет считаться вашим доходом. Вы разве не платите налогов?

— Конечно платим. Мы ведь не хотим иметь проблемы с властью. Но, у нас не будет прибыли. Никитина изумилась. Ее глаза излучали неподдельный восторг.

— Скажите пожалуйста! Вы получите некоторую сумму с каждого участника, и это считается, что прибыли нет?! Да вам придется еще полностью выплачивать страховые суммы. Я уже знакома по горло с этим. Что-нибудь случилось, вы отвечаете. Я ошибаюсь?

— Вы правы, как никогда, — сказал Карташов. — Только существуют некоторые уточнения. Во-первых, участники фестиваля будут застрахованы, например, от поражения на фестивале сибирской язвой...

— Откуда, я не понимаю, такая уверенность, что они выстроятся в очередь, чтобы застраховаться от этой... как вы ее там назвали язвы? — прервала его Никитина.

Карташов рассмеялся. Он смеялся долго и раскатисто, при этом его губы напоминали бултыхающееся желе красного цвета.

— Они не будут знать, что билет, это страховой полис. Вот и все. Сколько стоит ваш билет?

— Десять тысяч, — сказала Анжелика.

— Значит страховой полис на десять тысяч...

— Позвольте, но это все равно доход, — вставила опять Никитина.

— Срок действия договора — столько, сколько длится шоу. Но за день до окончания договора страховой полис аннулируется и все средства якобы возвращаются владельцам. Например, по причине эпидемии язвы и неспособностью общества выполнять свои обязательства. Так могут исчезнуть многие миллиарды. Документально все, естественно, подтверждается.

Женщины молчали, переваривая информацию. Из носика остывшего кофейника сочился жиденьким пар.

— Но... — попыталась что-то сказать Анжелика, но Никитина опередила ее.

— А какие гарантии? Речь идет не о копейках.

— Конечно, " — сказал Карташов. — Помните железнодорожные билеты? Там тоже применялась страховка. Вы когда-нибудь слышали, чтобы кто-нибудь что-нибудь получил? Нет. Между прочим, сложите количество вагонов, поездов и пассажиров и умножьте все это на триста шестьдесят пять. — Он посмотрел на двенадцатиразрядный калькулятор "Ситизен", замеревший у края стола. — Вашего прибора вряд ли хватит. Никитина положила ногу на ногу.

— Но это ничего нам не говорит. Это впечатляет, но это не гарантия. Я имею в виду сохранность и использование средств вашей кампанией?. Вы не сердитесь, но доверие в наше время — вещь весьма тонкая...

— Я знал, что вы зададите этот вопрос, — сказал Карташов. Поэтому подготовился, вас

устроит должность заместителя директора с правом подписи? Никитина с любопытством посмотрела в его сторону.

— Почему вы мне предлагаете такой пост? Таким образом вы теряете полям контроль.

— А он мне пне нужен. На этом деле я собираюсь хорошо заработать. Очень хорошо. А вы являетесь ключевой фигурой. И вам по праву должен принадлежать контрольный пакет. Мне хватит двадцати процентов. Я считаю это справедливо. — Он погладил свои зализанные, как у банкира полосы.

Никитина поднялась. Ее великолепный темно-бордовый костюм слегка помялся, образуя спереди юбки едва заметные складки.

— Если у меня и существовали какие-то сомнения, то теперь они отпали. Как ты думаешь, Анжелика? Кордец глубокомысленно кивнула.

— Это реальный шанс, Наталья Александровна. Мы выручаем кучу денег. По правде говоря, у меня бы до этого руки не дошли. А у бухгалтера и подавно. Я имею ввиду... — она постучала себя указательным пальцем где-то в районе виска.

— В таком случае, будем считать, что мы договорились. — Никитина позволила себе улыбнуться. — Когда мы оформим все официально?

Карташов передвинул на столе хрустальную пепельницу и достал небольшой черный кейс. Через минуту он зашелестел бумагами.

— Прямо сейчас, если не возражаете. Ко всему прочему, вам выделяется кабинет в нашем офисе. Также вы имеете право участвовать в наших текущих делах. Не за спасибо, разумеется. Карден пробежала глазами прекрасно оформленные документы.

— Юридически, все безупречно, — сказала она Никитиной, передавая бумаги.

Они расписались и Карташов поставил печать. Никитина отметила, что на его лице при этом не отразилось никаких чувств. Разве, что мимолетная полуулыбка, но она не придала этому никакого значения.

— Это стоит отметить, — сказала Никитина. Она поднялась, и из стоящего за спиной шкафика извлекла темную бутылку коньяка "Хенесси" и три пузатых бокала.

— Экстра-класс, — одобрил Карташов. — За сотрудничество. Выгодное сотрудничество. — Не чокаясь, они выпили, как знатоки — медленными тягучими глотками.

Глава 4.

— Так значит, ты и есть — Батурин? — переспросил капитан Семенов, когда Василий, наконец, отыскал его в гараже и представился. — Мне Литвинов все передал.

Его колючие холодные глаза вызывали желание спрятаться подальше, хотя сам он не производил впечатление сильного человека. Длинный, как бамбуковая палка, худой, с свалившимися усталыми глазами и заостренным лицом, Семенов больше походил на школьного учителя физики. Не хватало очков и перепачканного мелом костюма.

— Значит так. Сходишь на вещевой склад, выберешь форму, пришьешь погоны, все как надо чтобы было. Сегодня выйдешь на семьсот тридцатый маршрут.

— Это где? — спросил Василий.

— Потом узнаешь. Зайдешь ко мне в двадцать третий. Я буду там. До девяти. Надо успеть. Пересменка.

Василий взглянул на часы. Восемь пятнадцать утра. Голова, как это ни странно, не болела.

— А справку куда?

— Она у тебя с собой?

— Вечером будет.

— Занесешь и отдел кадров. — Семенов замолчал, оканчивая разговор. Во дворе абсолютно голом и неприступном, лежало прямо на асфальте несколько до винтика разобранных Уазиков. Матерящиеся техники, в черных от грязи комбинезонах пытались собрать из всего этого одну, но работающую машину. Получалось медленно и непохоже. Капитан наблюдал за происходящим с оскорбленным видом, впрочем не рискуя давать советы. Видно, машины были его.

Через сорок пять минут Василий, облаченным в новую, чуть великоватую форму мышинового цвета и высокие ботинки на шнуровке, ворвался в двадцать третий кабинет. Внутри уже присутствовало человек восемь, включая капитана Семенова.

Красивая, довольно молодая женщина с приятным загорелым лицом и черной короткой стрижкой быстро вошла в полукруглый конференц-зал. Ее сопровождала другая женщина, такая же легкая и стройная, правда, с несколько грубоватыми чертами лица, отчего она становилась только привлекательней.

Между ними, несомненно, существовало неуловимое сходство. Присутствующие, члены оргкомитета фестиваля, расположились по обеим сторонам черного офисного стола на изогнутых никелированных ножках.

Весь зал был выдержан в модном, черно-бело цвете, выдававшем плохой вкус хозяев. Полуоткрытые красные шторы-жалюзи несколько разнообразили цветовую гамму, разрезая солнечные лучи на дымящиеся пылью яркие полосы. Затоптанный у входа ковролин приобрел грязно-коричневый оттенок.

Одной из вошедших была Наталья Александровна Никитина, вдохновитель, учредитель и директор фестиваля, другой — Анжелика Ивановна Кордец, ее недавняя помощница. Они опустились в мягкие кожаные кресла с левого края стола.

— Ну, что, приступим, — жестким голосом сказала Никитина, открывая лежащую перед ней папку. — Кое-кто очень не хочет, чтобы фестиваль повторился в следующем году. Я надеюсь, вы не входите в их число. — Она сделала паузу и оглядела присутствующих. Никто не проронил ни звука. Кордец чуть-чуть отодвинула кресло, устроилась поудобнее и приготовилась слушать. — Так вот, то, что мы сделали в этом году — это только начало. Спешка, как вы поняли, ни к чему хорошему не приводит, из-за этого пострадало все! — и организация и подготовка и проведение. Не будем обманывать сами себя: сцена получилась плохая, низкая, неосвещенная, задние ряды напирали на передние, хотя и передние толком ничего не увидели. Режиссура фестиваля, сценарии, обработка номеров, — из рук вон плохие, — тут она взглянула на Карецкую — режиссера фестиваля, с вызовом смотревшую на нее.

— Вы сами виноваты, — отпарировала та. — То будет, то не будет, это можно, это запрещено! Вы думаете, за две недели можно сделать хороший фестиваль?! Черта с два! Если бы не военные, которых я лично просила помочь с салютом, получился бы простой дешевый балаган!..

— А именно он и получился, — тихо заметила Карден.

Карецкая возмущенно тряхнула головой.

— Если вам не нравится, я могу уйти прямо сейчас! Наверняка, у вас найдется куча народа работать задарма, да еще в таких условиях!

— Вы работаете не задарма, — не повышая голоса заметила Никитина, намекая на пять

тысяч долларов в конверте каждому из оргкомитета, — но речь не об этом. Вы заметили, сколько народа пришло? Тьма! А чем они занимались? Да ничем, пили водку и их развозили по домам. Мало соревнований, конкурсов... Технические детали тоже оказались не продуманы. Какого черта, с кафедрального собора прямо в толпу светил корабельные прожектор?! Люди от него слепли, а на сцене света не хватало. На счет самой сцены я уже сказала. Нужно придумать другую конструкцию...

— А деньги? — обиженно спросил Минский, который этим занимался. — Придумать, то я может и придумаю, но кто же все это будет делать за бесценок?

— Деньги уже есть. Я договорилась с Москвой и с мерией. Конечно, это стоило большого труда. И не только труда. Им же тоже немаловажно, что об этом всем думает народ... А народ, что дышло. На фестиваль пришли, нажрались, нагулялись, и давай поносить его на всю страну... Кстати, по финансам мы вышли почти вровень, может, была бы и прибыль, но слишком много народа прошло без билетов из-за плохого контроля, мы не получили денег от торговцев, все забрала себе мерия, но я с этим еще разберусь.

Но, если делать фестиваль шире, без дефицита не обойтись. Я имею в виду, видимого дефицита. Для нас то он останется сверхприбыльным.

В общем, я хочу, чтобы все вы крепко подумали и сразу же, с сегодняшнего дня принимались за дело. Я не потерплю, чтобы за моей спиной строились какие-то козни. Вы на меня работаете, я вам за это плачу. И, согласитесь, немало. Не обольщайтесь, что времени еще много. Когда оно истечет, я спрошу с каждого, тогда уж на две недели кивать не придется. И на отсутствие денег тоже.

В кабинете повисла тишина, иногда нарушаемая шумом проезжающих машин.

Каждый из восьми присутствующих в той или иной мере думал, что Никитина зарывается. Фестиваль сорвался, что уж тут скрывать. Возмущенная общественность требовала голову повинного в растрате народных денег. Уголовное дело на этот счет прокуратура закрыла, но никто не сомневался, что дай им малейший повод и они начнут снова копать, куда делись денежки.

Несколько неприятных инцидентов еще более сгущали накалившуюся атмосферу. Какая-то разъяренная мамаша подала в суд, что несколько парней, напившись на острове, затащили ее девочку в кусты и там изнасиловали. Кому теперь докажешь, что она не пила вместе с ними, и не пошла с ними сама... А ведь так оно, скорее всего и было.

Или пенсионер, у которого куда-то запропастилось пятьдесят тысяч. Он видите ли, пришел отдохнуть, а его обобрали среди бела дня! Подняв невероятный скандал, теперь он не соглашался на сумму в десять раз большую чувствуя свою правоту.

Благодаря подобным правдолюбцам, фестиваль приобрел в народе славу эдакого монстра с прожорливой пастью в лице Никитиной.

Никто не рискнул ей этого сказать, но все они думали точно так же. Включая финансового директора Герштена.

Сколько денет прошло через ее руки, сколько осело на различных счетах и сберкнижках, даже он этого не знал. Не знал, но догадывался.

Анжелика Кордец вальяжно раскинулась в необъятном мягком кресле, поглядывая вокруг. Она де чувствовала себя неудобно, скорее даже, наслаждалась происходящим. Если вдруг Никитину снимут, то уж она постарается сделать все как надо. Она знала, как заработать деньги. А потом, можно и уехать. Например, в Швейцарию. Или в Египет. Анжелика с детства мечтала посмотреть на легендарного сфинкса и на пирамиды вблизи.

Она будет путешествовать и с высокой колокольни плевать на всех, в том числе и на Никитину.

Она почувствовала, как начинает биться в груди сердце, предвкушая нескончаемые удовольствия.

Кто-то постучал в дверь конференц-зала и выждав пару секунд, открыл ее. Это была юрист — полноватая женщина средних лет с пышными завитыми волосами непонятного цвета. От нее разило мятной жвачкой. Сразу становилось ясно, что ей приходится постоянно быть среди людей. Осмотревшись, она поздоровалась.

— Как у нас дела? — осведомилась Никитина, кивнув ей в ответ. Юрист подошла к столу. Голос у нее оказался очень женственный и приятный.

— Со стариком, похоже, мы все уладим. Слишком маленькая сумма, и нет доказательств, что она у него вообще была. Я с ним поговорила, он согласился написать отказную. Конечно, не за просто так...

А вот с девчонкой сложнее. Экспертиза показала, что ее в самом деле изнасиловали и при том заразили чем-то. Мамаша в ярости, да вы читали в газетах, она готова всех растерзать. Кричит, это ваша вина, что безопасность не смогли обеспечить, девчонка заплатила за эту самую безопасность, а у вас под носом такое с ней вытворяют... — и все в таком духе.

— А парней нашли? — спросила Никитина.

— Конечно, их взяли на следующий день, но все они твердят, что это она сама так захотела.

— Короче, для них — гиблый вариант, — подытожила Никитина, — сядут.

— Похоже, что так. Если не заплатят. Если заплатят, тоже сядут, только на меньший срок. Народ в бешенстве, судья не посмеет их оправдать.

— А нам, что, тоже платить придется? — яростный взгляд Никитиной метнулся в сторону юриста.

Речь шла о ста миллионах рублей, затребованных мамашей в качестве моральной компенсации.

Та попыталась оправдаться.

— Сделать практически ничего нельзя. Я попробую понизить сумму, но это проблематично. Газетчики ухватились за эту историю, их теперь ничем не отодрать. А если с ней что-нибудь произойдет, все ниточки ведут к нам. Поэтому нужно затягивать время, пока скандал не уляжется, а там судью уже легче будет подкупить... Никитина резко встала, одергивая жакет костюма.

— Мне совсем неинтересно, как вы это будете делать! Если вдруг получится, что вы это дело проиграете, считайте себя уволенной! Я вам столько плачу не для того, чтобы каждая уличная шлюха требовала у меня деньги, да еще через суд! До свидания!

Юрист повернулась и ничем не выдавая своих чувств покинула конференц-зал. Некоторое время ее гулкие шаги еще раздавались в коридоре. Никитина повернулась и махнула рукой, давая понять, что все свободны.

— Да, и еще. Завтра или послезавтра я уезжаю. Возможно, на месяц и больше. Меня заменит Анжелика, все вопросы к ней.

Глава 5.

Завтра защита дипломной работы. Ира легла на кровать и накрыла глаза. Просматривать

тетрадки, конспекты уже не имело смысла. В таком бедламе, кож общежитие, делать что-либо, а тем более, выполнять умственную работу походило на сражение с ветряными лестницами.

Она свое уже получила. Пять долгих мучительных лет и... Знания знаниями, диплом дипломом, но придется устраиваться на какую-нибудь работу, и вряд ли по специальности. Безработных в городе пруд пруди и каждый, расталкивая соседей локтями пытался найти хоть временное пристанище, чтобы не умереть с голоду. В дверь постучали.

"Как они мне надоели", — подумала Ира. "Опять надумали вечеринку. Каждый божий день."

То, что она не спилась во время студенчества, прежде всего, она благодарила свое, доходящее до абсурда усердие. Однокурсники смотрели на нее косо, но когда дело доходило до курсовых или докладов, они были тут как тут. И чтобы отблагодарить ее, изредка звали на свои увеселения, где она, впрочем, садилась в самый дальний угол, и, отпивая апельсиновый сок, с ужасом наблюдала за происходящим.

Ира открыла дверь, держа на языке твердое "Нет."

К ее большому удивлению, на пороге стоял совсем незнакомый молодой человек.

— Извините, — сказал он, — это тридцать четвертая комната?

— Да, — ответила она, разглядывая пришельца.

— Я по объявлению. Вы давали объявление по работе?

— Да, но...

— Тогда я к вам, здравствуйте. Меня зовут Максим, я из фирмы "Левин и Дитрих". — Он протянул ей визитку. — Слышали про такую?

Она не слышала. Но на всякий случай кивнула головой, название звучало солидно.

Две недели назад Ира, переживая о своем будущем, дала бесплатное объявление в газету "Из рук в руки", и, честно говоря, не рассчитывала, что будут стоящие предложения.

"На крайний случай, и кассиром можно пойти..." — думала она.

— О, да что же вы, проходите, еле нашли, наверное?

— Да... нелегко тут вам, — Максим улыбнулся, оглядывая комнату. Ира смутилась.

— Как всем, — ответила она, жестом указывая на диванчик.

— Но, давайте ближе к делу, — произнес молодой человек. — Как вас зовут?

— Ира, — ответила она. Ира Коновалова.

Он кивнул. — Завтра у вас защита?

— Да.

— А в какой области вы специализируетесь?

— Зарубежное право. США, Великобритания, Германия. И механизмы взаимодействия с российским правом.

— Это интересно, очень интересно, — сказал Максим, глядя куда-то сквозь нее, — я думаю, это как раз то, что нужно.

— Но почему я? — спросила Ира, съедаемая любопытством. — Там ведь было много объявлений...

— У нас целый отдел занимается этим — прозванивают, опрашивают. Те кто остается, попадают ко мне, — простодушно ответил он. — Мы не можем позволить себе роскошь иметь некомпетентных сотрудников.

— Но я ведь еще не защитила диплом, может получится так, что я не справлюсь. Мне не хочется подводить вас, — Ира и впрямь испугалась, теория, все-таки — одно, а практика

— совсем другое. Пока она научится... Макс словно читал ее мысли.

— Да вы не волнуйтесь, я видел сегодня с утра ваш диплом о высшем образовании. Я остался доволен. К тому же у фирмы есть учебный центр, там вы проведете еще месяца три, пока не встанете на ноги. Кстати, — он сделал паузу, протирая очки, — ваш диплом уже подписан и там стоят печати.

— Как?! — только и смогла произнести Ира. — Я же еще...

— А вот за это. — он рассмеялся, наслаждаясь произведенным впечатлением, — благодарите шефа. Он любит делать подарки своим сотрудникам. Очень любит.

— Я... я не знаю, как вас отблагодарить, — пролепетала она, поправляя юбку на коленях. Макс заметил ее движение и положил руку на ее руку.

— Еще отблагодарите, — в его темных глазах засветился дьявольский огонек, но он тотчас убрал руку и неловко встал, легко наступив ей на ногу.

— Извините, я такой неуклюжий...

— Ничего, ничего, — она сделала над собой усилие, чтобы от переполнявшего ее счастья не кинуться к нему на шею.

— Так вы принимаете предложение? — молодой человек сделал шаг в сторону двери. Ира не раздумывала ни секунды.

— Да. Конечно, спасибо.

— Тогда Левин ждет вас.

— Кто?

— Надеюсь, ваш будущий директор.

— Ах, да. Я забыла. Прямо сейчас?

— Да.

— Вы подождете, я переоденусь?

— Конечно, конечно. Я буду внизу, — ответил Макс и вышел за дверь. Он стоял на крылечке общежития и наслаждался теплым осенним днем. Никто никогда не сможет его упрекнуть, что он плохо делает свое дело. Уже три. Три сотрудника. "Сотрудницы", — поправил себя Макс.

Как она будет удивлена своим новым офисом, который теперь станет ее родным домом.

"Это не жестоко. Это справедливо. Таков бизнес."

Когда Ира вышла, он отметил про себя ее хорошие вкус. Салатовый костюм строгого покроя, светлые ботинки на сплошном каблуке. Она улыбнулась Максиму детской наивной улыбкой.

— Идем?

— Да, да, пойдете. Нам недалеко.

Медленным шагом они прошли с километр... Макс старался поддерживать беседу, но, чем ближе они подходили, тем больше он становился неразговорчивым. Перед большим четырехэтажным немецким зданием он замолчал совсем. Его лицо преобразилось. Казалось, оно горело неясным внутренним огнем. Они поднялись по ступенькам и оказались в холле.

— Подождите, — буркнул он и скрылся за углом.

Ирина заметила, что его настроение изменилось, но не придавала этому никакого значения. "Солидная фирма, должны быть серьезные люди."

Прошло минут пятнадцать и она начала беспокоиться.

Но он, также бесшумно, как ушел, вдруг появился у нее прямо перед носом.

— Заждались? — угрюмо спросил он.

— Да... — начала она, но Макс прервал ее.

— Левин ждет вас, прошу. — Он пропустил ее вперед. — Сейчас направо, вниз по лестнице... Теперь прямо, вот в эту дверь. — Макс открыл дверь.

Это было, скорее всего, подсобное помещение. Банки с краской, метлы, бумажные рулоны — все это валялось в полнейшем беспорядке вкупе с горами мусора. Было видно, что здесь давно не убирались. Ирина обернулась, глядя на Макса. Она начинала тревожиться.

— У нас здесь рекламная мастерская, — объяснил он, — вон за той дверью. На железной двери и правда висела табличка на плетеной веревке. Посередине нее красными буквами было написано "Рекламная мастерская".

Ирина сразу же успокоилась и толкнула дверь от себя. Раздался противный тонкий скрип и она шагнула вперед. Темнота обожгла ее лицо.

— Макс!

Одной рукой он схватил ее за талию, а друга зажал рот и нос тряпкой, пропитанной вонючей гадостью. Она пыталась сопротивляться и брыкаясь руками и ногами, отчаянно вдохнула, тут же закашлявшись. Сознание ее померкло и она повисла на руках Макса. Своих кисок, как он называл женщин, попавших в его сети, Макс не убивал. Он лелеял и ухаживал за ними в той мере, в какой позволяло его весьма насыщенное расписание дня.

Макс никогда, это было его основным правилом, никогда не пользовался этими женщинами для удовлетворения собственных потребностей. Они стали теперь грязью, подстилками, шлюхами, и в мучениях дожидались своего часа. Они посланы свыше, эти "жертвенные ягнята", Макс только выполнял Волю.

Он нащупал фонарик, взвалил жертву на плечо, и, задвинув засов, двинулся по бесконечному коридорам.

Глава 6.

Когда Ирина пришла в себя, от ее недавней радости не осталось и следа. Голова раскалывалась, как после жестокой попойки. Она сидела на чем-то очень холодном. Света нигде не было.

Она попробовала пошевелить руками и ногами. Ей это удалось, но она обнаружила, что и на руках и на ногах надеты толстые цепи, уходящие в темноту.

С трудом Ирина приблизила руки к телу. Одежды на ней не было. Совсем. Даже трусиков и лифчика.

От безысходности и отчаяния она повалилась набок и зарыдала, сотрясаясь всем телом.

"Никогда еще такого с ней не случалось. Что теперь будет? Это конец. Вдруг, каким-то шестым чувством она уловила еле слышимый шорох, доносившийся спереди.

— Не плачь, — неожиданно произнес красивый, чуть надломленный женских голос.

Ирина вздрогнула.

— Ты здесь не одна. Не бойся. — Тот же голос.

— Кто вы? — спросила Ира, чувствуя, что сейчас разрыдается.

— Мы такие же, как и ты, не хуже и не лучше. — Голос произносил слова медленно, делая паузы, словно это было тяжело. — Как тебя звать?

— Ира.

— А нас — Наташа и Арина. Я — Наташа. Арина плохо себя чувствует, она не сможет говорить.

Ира хотела обо всем расспросить, но не решалась. Страх тяжелыми волнами перекатывался у нее в мозгу. словно ощутив ее беспомощность и отчаяние, Наташа сказала:

— Послушай, что я скажу, ты, наверное, хочешь узнать, где ты, почему. Все очень просто. Ты слышала про Чикатило? — Тишина послужила ей ответом. — Это тоже маньяк. Только он не насилует. Я сижу здесь уже четвертый месяц. Месяц назад появилась Арина. Теперь ты. Кто будет следующим и сколько это продлится, я не знаю.

Ирина посмотрела я темноту.

— А ты... что он с вами... что он будет делать? — Ирина боялась спросить.

В ответ она услышала только одно слово:

— Крепись.

Ирина беззвучно заплакала, всхлипывая по-детски.

— И нас никто не ищет? — спросила она сквозь слезы.

— Нет, — ответила Наташа. — Он периодически приносит газеты. Ни строчки.

— Надо что-то делать. Бежать...

Наташа тяжело засмеялась, и хотела ответить, но приступ тяжелого кашля свалил ее минут на пять.

— Это застенки времен войны. Ты понимаешь? Отсюда никто никогда не сбегал. —

Она загремела цепями, — и это, куда ты цепи денешь?

— А зачем... зачем мы ему нужны? — не сдавалась Ирина.

— Этого никто не знает, похоже, даже он сам.

— А еда?

— Он приносит еду. Даже аскорбиновую кислоту, чтобы цингой не заболели. — Наташа чуть-чуть помолчала, потом сказала, — слушай, я устала. Мы еще успеем поговорить. Давай отдохнем.

Глава 7.

Макс лежал на скрипучей кровати в квартире на Ленинском проспекте, которую он снимал у восьмидесятилетней бабки.

Он улыбался в потолок и курил Мальборо. Кольца белого дыма, вытягиваясь и преобразаясь, улетали в открытую форточку.

Макс не мог нарадоваться собой. Прошло совсем немного времени, точнее четыре месяца, а он уже сделал так много, при этом не допустив ни одной ошибки.

Он опустил взгляд ниже по стене и посмотрел на вырезку в газете, приколотую к стене. "Это бесчеловечно!!!" — кричала газета. "Так не могли поступить люди!!!" и так далее в том же духе. В статье описывался факт уничтожения израильской сборной на Олимпиаде. Макс опять улыбнулся, словно рассматривал журнал комиксов. Это что! Про них будут не такое писать.

Поднявшись с кровати, он подошел к журнальному столику и опустился на стул, стоящий рядом. На столике в беспорядке валялись газеты, стояла бутылка минеральной воды и на самом краю лежали ножницы.

"Ребята, наверное, там совсем замучились. Но ничего, пусть гадают. Время у них еще есть, правда его все меньше и меньше. Меньше и меньше." Он представил себе лица в областном отделе милиции и злорадно ухмыльнувшись, достал новую сигарету.

Выбрав газету с более менее крупным заголовком, он отыскал нужные буквы, потом взял ножницы и аккуратно их вырезал. По одной. После достал конверт и положил их

внутри. Болтая конверт в руке и выпуская дым через нос, он задумался.

Получится, что он нарушил одно из правил. Сам же нарушил. Обычно, Макс посылал маленькую посылку или бандероль, куда прилагал буквы, и что-нибудь, что принадлежало "киске". Лично принадлежало.

В прошлый раз, месяц назад, это был язык. Эта сука так сильно орала, и он подумал, что язык — это наименее важная ее принадлежность. Сейчас она стала тихой, Макс даже начинал ее любить временами. Он любил тихих женщин.

А вот со вчерашней он не успел разобраться. Впотьмах Макс включил не тот рубильник, и, пошло слишком сильное напряжение и свет вырубился. Он до сих пор не мог разобраться со всеми секретами этих подвалов. В результате, он остался без "вещдока".

Немного посидев, он зашел на кухню, взял столовый нож, и полоснул себя по указательному пальцу. Кровь выступила моментально. Довольный, он вернулся к столику, взял буквы и измазал их в крови. Затем, наслаждаясь, опустил палец в конверт, и когда тот стал бурным от крови, кинул туда две буквы.

Глава 8.

Архипов не был человеком слабонервным, но ему вдруг стало не по себе, когда его вызвал подполковник Литвинов.

"Опять..." — подумал он, стучась в дверь.

— Проходи, — пригласил его Литвинов. — Садись.

Потом Литвинов замолчал, что-то разглядывая на своем столе. "Настроение у него совсем неважное", — подумал Архипов.

— Докладывай, — сказал он Андрею, не поднимая глаз.

Архипов занимался этим, получившим в управлении недобрую славу делом. Сослуживцы смотрели на него как на приговоренного.

— Мы ищем, Иван Дмитриевич. Давно связались с родственниками, по месту работы, жительства проверяем. Под видом задержки огородных воришек прочесали две трети садовых обществ. Сейчас наши ребята вместе с водоканалом работают, проверяют все особняки, коттеджи. Но пока...

— Подожди, — прервал его Литвинов. — Ты сводку вчерашнюю видел?

— Да.

— Ну и что?

— Это, наверняка, не наша, но я данные записал на всякий случай...

— Хорошо записал? — Литвинов повысил голос.

"Это что-то с нервами у старика", — подумал Андрей, но ответил:

— Да, Иван Дмитриевич, хорошо...

— На, смотри. Это тебе пришло. — Литвинов кинул ему прозрачный целлофановый пакет.

Архипов взял пакет и повертел его в руках. Внутри находился окровавленный конверт. Выудив его двумя пальцами и аккуратно открыв, Андрей увидел внутри только две вырезанные буквы среди запекшейся крови. "И" и "К".

Ты хорошо записал сводку? — повторил Литвинов.

Андрей мгновенно вытащил блокнот из внутреннего кармана и открыл в нужном месте.

Ирина Алексеевна Коновалова — 1973 г. рожд. учащаяся КГУ юр. фак. 5 курс. Место жительства — общежитие к. 34. Приметы: высокая...

Он все прочитал, потом перечитал. Значит уже три.

"И", "К" — Ирина Коновалова.

Архипов перевернул лист блокнота.

"Ф", "Н" — Наталья Феоктистова. 1965 г. рожд. зам. дир. 000 "РИТЦ", м/ж Яблочная 43б кв. 2. Приметы: фото прил.

"А", "Т" — Арина Троепольская. 1969 г. рожд. контролер РТЦ "Связь", м/ж нос Каменево д. 12. Приметы: фото прил.

Архипов тупо смотрел на сухие строчки.

— Что предлагаешь? — спросил Литвинов.

— Попробовать дать объявления в газеты, телевидение? Может, кто-нибудь что-нибудь видел.

— Ты что, с ума сошел? Ты представляешь, что в городе начнется? Паника, скандал! Нас и так не слишком то любят, ты хочешь, чтобы вообще растерзали?

— Что же делать? — спросил, скорее у себя Архипов.

— Ты думаешь, эти буквы, это инициалы?

— Нет сомнений. Три совпадения подряд.

— А вдруг это что-то еще?

— Вряд ли, но в любом случае, я проверю.

— Возьми себе еще людей, — сказал Литвинов.

— Хорошо, Иван Дмитриевич. Я выезжаю к Коноваловой в КГУ.

— Давай. Почаще информируй. Да... и отнеси конверт на экспертизу.

— Ладно, — Архипов стремительно вышел.

Глава 9.

На следующий день разговаривал с экспертом, высоким пожилым человеком с копной абсолютно седых волос.

— Я тебе сочувствую, — произнес эксперт, протягивая ему всего один лист заключения.

— Ничего? — спросил Андрей.

— Почти, естественно, никаких отпечатков. Кровь первой группы, положительный резус. Конверт произведен в Калининграде, на "Янтарном сказе". Буквы вырезаны из "Комсомольской правды".

Эксперт — сделал паузу.

— Я поискал и нашел, это газета за 29 сентября 1995 года. Он подошел к столу и протянул Архипову газету.

— Дело в том, что такой шрифт довольно редко используется, да и то, только "Комсомолкой". В "Калининградке" его не бывает, — ответил эксперт на немой вопрос Архипова. — Как я уже сказал, кровь первой группы, резус положительный. Это другая кровь, отличная от ваших предыдущих экземпляров.

— А что вы думаете насчет букв, что они могут значить? — спросил Андрей.

— Кажется, вы мне говорили, что это инициалы, — сказал эксперт, усаживаясь за стол. — Я никогда не сталкивался ни с чем подобным, но по-моему, тут вы не ошибаетесь.

— Спасибо, — ответил Андрей и вышел. На душе было скверно. Дело не продвигалось ни на йоту.

В университете и общежитии не сообщили ничего, что могло бы дать хоть какие-нибудь ниточки. Красивая, прилежная, на вечеринки ходила редко, друзей было мало. В общем,

ничего. Единственное, что он нашел, это — визитная карточка "Левин и Дитрих" с именем Максим Резник.

Архипов сразу же связался с управлением, но ни фирмы "Левин и Дитрих", ни Максима Резника в Калининграде не существовало.

Зацепка появилась, но такая ничтожная, что не хотелось о ней и думать, только в случае, если этот Резник заявит еще к кому-нибудь, положит визитку на самое видное место. При этом, человек, который дочитает визитку, должен знать, чем она ему грозит. По предыдущим похищениям Архипов знал, что визиток с этим именем не попадалось.

Значит, необходимо ждать, пока похититель не допустит ошибку, и искать, искать. Искать.

"Слава Богу", — подумал Архипов, что еще до прессы ничего не дошло. В этом случае работать стало бы труднее, намного труднее.

Глава 10.

Макс шел по городу неторопливыми шагами. Моросило. Холодные мелкие капли, словно процеженные через сито, покрывали блестящие лужи суматошной рябью. Оголившиеся деревья черными изможденными трещинами подрагивали при особенно сильных порывах мокрого ветра. Кое-где маленькие бурые листочки еще цеплялись за мертвые ветви, трепыхаясь и подставляя свои пятнистые бока осеннему вирусу.

Вымокшие черные короба домов, всеми силами вросшие в землю, в некоторых местах светились разноцветными квартирными лампами, преимущественно — смертельно-желтыми.

По небу, не столько черному, сколько густому и мутному, казалось, летает некая таинственная сила, завихряясь и жутко завывая, она продувала свое невидимое тело сквозь каркасы антенн и чердаков, вырисовывая на запотевших окнах неясные рисунки из больших и маленьких капель.

Макс огляделся и подняв высокий воротник югославского плаща, зашагал дальше, туда, откуда светилась полоска огней и боролся с непогодой тысячеватный прожектор.

На мосту ветер чувствовался с особой силой. Он проникал под плащ, к теплому телу, наверное, наслаждаясь мелкой дрожью. Немногочисленные машины пробивались через мост с безнадежностью политических перебежчиков. Появлялись и неудачники: залитые генераторы советских машин с чавкающим звуком издевались над своими стучащими зубами владельцами. Синева их лиц и полная безнадежность положения веселила Макса — он был хорошо одет и ледяная вода не стекала ему за шиворот.

Посмотрев на беспокойные воды Преголи, кидаящиеся друг на друга с неутомимым остервенением, он, пропустив вперед девушку и парня, жмущихся к друг к другу, пошел вслед за ними.

До Дворца культуры моряков осталось совсем немного. Массивное здание, одним боком погруженное в реку, отсвечивало мечущимися огнями дискотеки.

У входа толпилось уже довольно много людей самого различного контингента. От молотых парней, наглотавшихся "экстези", до вполне респектабельных дам, выглядевших, словно их поймали на месте преступления.

Касса еще не открылась и замерзший народ периодически долбил в трехметровую дверь со вставленными трехсантиметровыми пуленепробиваемыми стойлами.

Вход в дискотеку сторожили скульптуры — два заплеванных льва серого цвета.

Макс спустился с моста и затерялся в толпе ожидающих.

"Что ни говори, а народ развлекается, черт возьми", — подумал он, незаметно осматривая толпу.

Наконец, кассу открыли и женщина в тигровом платье по имени Лада принялась продавать билеты.

Первые счастливики, потирая окоченевшие руки, проходили в распахнувшиеся створки входа, где их встречал стандартного вида вышибала, шлепая на протянутые руки ультрафиолетовые контрамарки.

Макс вошел одним из последних, заплатив пятнадцать тысяч. В зале, уже запруженном народом, было тепло но не уютно. Стоял характерный запах анаши и женских духов.

Сдав плащ в гардероб, Макс вошел в другой зал, намного просторнее предыдущего и оттого казавшийся полупустым.

Справа, вдоль стены, стояли стандартные пластмассовые столики, почти все занятые. В другом конце зала на некотором возвышении расположилась аппаратура и ведущий дискотеки, что-то неразборчиво мурлыкающий в микрофон. Позади него висела тяжелая портьера, спадающая на пол скрученными хлопьями.

Макс подошел к бару и заказал апельсиновый сок, затем, отыскав глазами свободный столик, уселся возле него.

Музыка уже играла, но дискотека еще не началась. Цветомузыкальные установки бороздили пол тонкими кричащими лучами.

Народ прибывал и постепенно становилось жарко и оживленно. Мимо то и дело проходили молодые люди, сгибающиеся под тяжестью золотых цепей и сопровождаемые красотками в неприлично коротких юбках и шортиках. Макс безразлично смотрел им вслед, потягивая апельсиновый сок.

Неожиданно громкость музыки заметно увеличилась, с потолка хлынули потоки бешено закрутившегося света. Как по команде, толпа ринулась танцевать, мгновенно заполнив собою весь зал.

Крутили "хаус", новое, и уже успевшее стать старым направление молодежной музыки. Что-то среднее между звуками в машинном отделении большого корабля и переполненной платформой железнодорожного вокзала.

Макс исподлобья наблюдал за изгибающимися телами, пьяными танцевальными па и ждал. Он ждал уже почти час, выпив три стакана сока, но по какому-то злому року ни одна из красоток не пыталась сесть за его стол, хотя мест вокруг не осталось совсем. Люди с трудом протискивались через зал, чтобы подойти к бару.

Он не засыпал, здесь невозможно было заснуть, но зато он скучал. Перекошенные от радости лица его совсем не забавляли, а скорее наоборот, злили. Возможно, он еще встретится с ними и все им объяснит, а они, конечно же, все поймут. Еще как поймут.

Переменив позу, он устался на танцующих. "Они готовы трахаться прямо здесь, — подумал Макс, сжимая подлокотники пластмассового кресла. — Мясо! Так много мяса! И все оно шевелится, переваливается, еще живое, теплое! Как много мяса! Ему захотелось зубами разорвать колыхающуюся плоть, вырвать! выдрать! чтобы они кричали, орали! чтобы рекой потекла кровь вперемешку с руками, мозгами, этими развратными задницами!..

В висках тяжело стучало, пытаюсь выбраться из-под черепа наружу. Макс заставил себя усидеть в кресле и беспокойно оглянулся, желая убедиться, что никто ничего не заметил.

Ему показалось, что ЭТО все-таки проникло наружу и теперь гуляет по залу, оставляя

после себя кровавый след.

Ничего такого. По-прежнему народ веселится и танцует не обращая на него никакого внимания.

Он облегченно откинулся в кресле и тут же увидел за своим столиком девушку. Она смотрела на него.

— Я посижу? — спросила девушка, скорее утверждая, чем спрашивая. Макс мгновенно подобрался.

— Да, да. Конечно.

— Вы не танцуете? — спросила она грудным голосом, опуская ресницы.

— Что? Ах, да! Пока нет. Может выпьем? Как вас зовут?

— Лиля.

— А меня Макс. Просто Макс.

— Что-то ты на свое имя не похож, — засмеялась она, переходя на "ты".

— Это почему же?

— Макссы обычно здоровые такие, накачанные. А ты, как аристократ, тоненький, худенький. Ты случайно маникюр не делаешь? — Она опять засмеялась, довольная своей шуткой.

Макс промолчал, наливаясь гневом.

— Да ты не сердись, я же пошутила. Такие, как ты, мне даже больше нравятся!

Макс через силу выдавил подобие улыбки.

— Что пить будешь?

— Я? Если можно, мартини бьянко, а ты, что хочешь пей.

— Я и сам догадаюсь, — ответил Макс и направился в бар.

Когда он вернулся с заказом, Лиля уже всю хозяйничала на столе, разложив сумку, сигареты, зажигалку и тому подобное.

Ее нельзя было назвать красивой, но что-то в ее внешности притягивало, внутренний лоск, хотя, откуда ему взяться, или восточные карие глаза, Макс понять не мог.

На ней было одето короткое черное платье с блестящей молнией-замком, проходящей спереди по центру через всю длину.

Темно-коричневые густые волосы, падающие на плечи, средних размеров грудь, красивые длинные ноги в черных замшевых ботинках на высокой платформе — все это делало ее несомненно привлекательной.

— А ты ведь сюда не танцевать пришел? — спросила Лили, потягивая мартини.

— Почему ты так решила?

— А по тебе видно. Такие сюда не ходят. Я понимаю еще, ночной клуб для казино...

Почему ты не пьешь?

— Экономлю на казино, — ответил Макс.

— Интересно, а чем ты занимаешься? Торгуешь, наверное?

— Нет. Не угадаешь.

— Ну скажи... — она открыла свой маленький ротик, обведенный коричневой помадой и обхватила им влажную соломинку.

— Все равно не согласишься.

— Ну чем?.. директор какой-нибудь?

— Нет.

— Значит чиновник.

— Тоже нет.

— Тогда чем? Уже ничего больше не осталось... — она недоуменно пожала плечиками.

— Пойдем со мной, тогда узнаешь. — Макс посмотрел ей прямо в глаза.

— А-а. Кажется, я начинаю понимать. Закажи мне еще мартини, он такой вкусны.

Хочешь попробовать?

Макс отстранил ее тонкую руку и пошел к бару. Он заказал еще один сок и пару мартини. "Ей хватит", — подумал Макс, усаживаясь возле нее.

— Мне кажется, я тебя где-то видела, — заявила Лили, глядя на него широкими томными глазами. — Не могу вспомнить.

Макс встрепенулся.

— Город тесный, — ответил он как можно дружелюбнее, чувствуя нарастающую тревогу. — Может в толпе и видела.

— Да не в толпе. Видела я тебя. Только как-то не так.

— Спутала, — ответил Макс. — Я один такой.

— Ну да, вы все одни такие. Но в тебе что-то есть, что-то, чего нет в других.

— Это точно, — ответил Макс. Пора было уходить.

Народ еще больше опьянел и теперь танцы представляли собой этакое братское секс-сборище. Кто-то вылез на сцену и устроил сеанс стриптиза, еле удерживаясь на ногах. Толпа оглушительно свистела. Музыка, сотрясая стены, будоражила их, взвинчивая до предела. Если и существовала какая-нибудь кульминация всего этого, то, несомненно, это был ее пик.

Макс схватил Лилю за руку и влив стакан мартини в горло, вывел из зала. Она была сильно пьяна и ноги не держали ее тонкое тело.

Отыскав в сумочке номерок, Макс получил одежду и кое-как сумел натянуть на нее кашемировое пальто светлого цвета.

Дождь уже закончился. Мокрые блестящие стены Дворца моряков выглядели как свежесодранная крокодиловая кожа. Те, кто еще сам стоял на ногах, проветривался на свежем воздухе под бдительным оком вышибалы. Все пространство на ступеньках и прилегающей территории пестрело коричневыми обрубками окурков. Некоторые из них лениво дымились.

Обхватив Лилю за талию, Макс спустился вниз по ступенькам, сгибаясь под тяжестью ее тела. За размытой кучей песка ожидали несколько таксистов.

Макс подошел к старым зеленым жигулям, которые стояли с самого края, и не спрашивая, опустил Лилю на заднее сиденье. Она порывалась что-то сказать, но язык, как и тело, не слушались ее.

Шофер, пожилой седой мужчина в вытертой до ткани кожаной кепке понимающе склонил голову. Видно, подобное его не слишком удивило. Он молча бросил окурков, со скрипом закрутил окно и завел машину.

— Куда едем, шеф? — спросил он Макса, устало откинувшегося на заднем сидении.

Макс медленно назвал адрес.

— Пятнадцать дашь? — спросил шофер, и, удостоверившись, что клиент кивнул, выжал сцепление.

Тем временем. Лили открыла покрасневшие глаза и непонимающе уставилась в окно. Покачиваясь, как в кино, там проплывали вылизанные дождем улицы ночного Калининграда. Фонари, протыкая темноту, горели через один. По пустынным тротуарам нечетко печатая шаги пробирались единичные прохожие. Видимо полагая, что вокруг

сплошные непроходимые джунгли они тщательно огибали только им одним видимые препятствия. Поскольку ребята из патрульно-постовой службы не считали себя членами племени алкалосиус из низовий Амазонки, то и смотрели на непрошенных гостей глазами конкистадоров.

Лиля повернулась к Макс и положила свою руку на его.

— Куда же мы едем? К тебе на работу? — умудрилась произнести она заплетающимся языком.

— Да, уже скоро. Потерпи немножко.

— Я уже знаешь сколько терплю! С самого начала!

Она заурчала, как кошка во время течки и пододвинулась к нему поближе.

Макс взглянул в окно. Они уже и в самом деле почти приехали. Через квартал возвышалось старое немецкое здание, частично закрываемое лысыми кронами деревьев.

Он достал из пиджака деньги и положил их в углубление позади ручки переключения скоростей, заполненное отвертками и ржавыми гайками.

Шофер одобрительно кивнул и тут же деньги исчезли в его необъятной китайской куртке-пуховике.

В этот же момент тонкая и проворная рука Лили скользнула ему под ремень брюк и очень быстро очутилась в самом низу, двигая пальчиками и отыскивая необходимый ей предмет.

Она была еще достаточно пьяна, к тому же ее укачало, но все равно, ее округлившийся рот выражал полнейшее недоумение.

Повинуясь скорее порыву, чем разуму, Макс залепил ей пощечину и с отвращением выдернул холодную руку из трусов.

Водитель даже не повернул головы. Его рука потянулась к автомагнитоле и повысила громкость вдвое. Казалось, ему все равно, что происходит — деньги то, в кармане.

Лиля пыталась что-то выкрикнуть, отбиваясь и пробуя выбраться из опытных рук Макса, зажимавших ее тело и рот.

Попросив шофера остановиться, Макс вытряхнул девушку из машина. Едва захлопнулась дверь, жигуленок рванулся и моментально исчез из вида.

Ей удалось выскользнуть из замка. Она упала, поднялась, и, набрав в легкие воздуха, громко закашлялась. Готовые слететь с ее уст слова забулькали в горле, словно пузыри водолаза, потерявшего надежду выплыть на поверхность.

Ее красивые восточные глаза смотрели нагло и вызывающе. Они не метались из стороны в сторону, как у подростка, застигнутого врасплох с "Плейбоем". Узкие зрачки, как будто, исчезли совсем, ресницы трепетали от безудержного гнева.

— Я вспомнила, где я тебя видела!!! Да!!! Проклятый извращенец!.. — слова, наконец, нашли свой естественным выход и смешиваясь со слюной, с пеной выходили изо рта.

Макс подлетел к ней так быстро, что она не смогла разглядеть последовательности его действий. В глаза, рот и нос ударила сильная струя режущего газа, мгновенно обжигая лицо и легкие.

Волна удушья, как теплая колючая вата обложила ее со всех сторон, вдобавок она не могла пошевелить ни рукой ни ногой.

Лиля повалилась на асфальт, с еле слышимым хрипом, вырывающимся из горла. Повалилась, как подпиленный телеграфный столб — быстро и тихо.

Макс спрятал баллончик с парализующим газом в карман, вытер со лба несколько

капель пота и осмотрелся, недовольно хмуря брови. Осечка. Если вдруг они выйдут на шофера, тому будет, что вспомнить. Хотя, вряд ли он откроет рот. Обычная их позиция — ничего не видел, ничего не слышал. Себе дешевле. Но девчонка дала! Надо будет впредь вести себя повнимательнее.

Глава 11.

Василий перескочил через широкий овраг, наполненный гниющими ветками и листьями. Где-то в его глубине журчал тоненький ручеек, своим звуком напоминаящий неисправный унитаз. Темное здание магазина, высвечиваемое тускло-желтым фонарным светом находилось справа. Заставленное деревянной громоздкой тарой, оно скорее было похоже на овощебазу начала восьмидесятых.

Три грязных, забитых глухими решетками окна периодически вспыхивали красноватым светом лампочки от сигнализации. Издали дверь черного хода магазина казалась закрытой. Ее неподвижный темный прямоугольник тускло вырисовывался в ночном тумане.

Оба его напарника побежали к главному входу, чтобы перекрыть все дороги после того, как они услышали звон разбитого стекла.

Вход на задний двор был всего один. Огибая здание с магазином по левой стороне, дорожка, утрамбованная шинами автомобилей и кое-где поросшая вялой травой, утыкалась в высокий забор гаражного общества. Оттуда доносилось злобное невнятное урчание сторожевых собак.

Значит, через забор он уйти не мог, — подумал Василий, приближаясь к двери.

Как раз в это же время на въезде показалась фигура одного из напарников. Он медленно направился в сторону Василия, подсвечивая по сторонам тусклым фонариком.

Василий подошел к выдавшей виды двери и тронул ручку. Дверь с тяжелым вековым скрипом поддалась и отошла вбок.

Все стекла на окнах оказались целыми и теперь Василий ломал голову, откуда раздался звук бьющегося стекла.

Он шагнул вперед, вырезая лучом фонаря отдельные куски обычного продовольственного магазина. Пластмассовые ящики с водкой и вином, поддоны с хлебом, белые ящики с колбасой и молоком и куча другой всякой всячины, обычно составляющей интерьер любой подсобки.

Под ногой закрипели останки разбитого стекла. Мерзко и громко. Василий направил фонарик вниз и обнаружил осколки разбитого стеклянного полотна. Не разбившаяся часть стекла была прислонена к стене.

Покрепче сжав дубинку, Василий направился к лестнице, спускающейся в подвал. Скользкие ступеньки покрывал белесый налет.

В этот же момент в проеме возникла темная фигура напарника, помахивающего дубинкой.

— Ну как? — спросил он негромко.

— Там за дверью стекло стояло, видимо, он не заметил, когда открывал и разбил.

— Так может он убежал?

— Вряд ли. Слышал, собаки не лают, а они сразу бы учуяли, особенно после продовольственного магазина.

— Ты думаешь, он там, внизу?

Василий пожал плечами и начал осторожно спускаться. Напарник остановился возле

перил и застыл, как египетская мумия, с шумом втягивая воздух носом. Пахло сыростью и протухшим закисшим хлебом, как будто здесь делали квас. В углу негромко шуршала мышь.

Спустившись, Василий принялся осматривать большой, поросший на стенах паутиной, выглядевшей обглоданной бахромой, подвал.

Обстановка здесь в точности повторяла увиденное наверху. Потрескавшиеся черные и белые пластмассовые ящики со спиртным, мокрые картонные коробки без опознавательных знаков, соусы, майонезы, соки, различные кондитерские изделия, — все это лежало или валялось без видимого порядка.

"Одному Богу и товароведу известно, где тут что", — подумал Василий, перешагивая через гору рассыпавшихся чупа-чупсов, весело блестящих глянцевыми головками.

С самого края подвала, между стеной и промявшимся стеллажем покоился обыкновенный конторский стол, в беспорядке заваленный накладными, сертификатами и прочими бумагами. Бумаги лежали также и на полу, покрывая все пространство вокруг стола, отчего тот выглядел стоящим словно на подиуме.

"Если здесь и были деньги, то уже их тут нет", — подумал Василий, нагибаясь под стол. Некоторые бумаги сохранили на себе грязные следы подошв, оставленные совсем недавно. Выдвинув стул из-за стола, Василий осветил. Рыжеватый, весь в песке коврик сдвинулся набок и приоткрыл кусок стальной, местами заржавленной решетки. Сдвинув коврик совсем, Василий внимательно посмотрел на стыки толстых металлических прутьев и бетонного пола. Почти от всех прутьев отходили мелкие бороздки на полу, двигаясь параллельно друг другу. Из-за решетки веяло пронзительным холодом.

Василий постелил коврик на место и прислушался.

Сверху донесся приглушенный шум борьбы и вполне отчетливые ругательства. Что-то дважды со шлепающим звуком ударилось и сквозь все более шумную брань покатилося по лестнице.

В два шага Василий подскочил на ступенькам и занес резиновую дубинку над головой, готовый в любую секунду опустить ее на темное пятно перед собою. Забытый фонарик сиротливо светил со стола.

Пятно, между тем, пошевелилось, смачно ругнулось и начало подниматься.

— Это я. — Василий узнал голос напарника. — Он прятался за хлебной стойкой, хотел меня столкнуть, но я его все-таки достал! Гад!

Василии перешагнул его и поднявшись по лестничному пролету, подбежал к двери. Позади, охая и ругаясь, поспевал напарник.

Через двор, в направлении единственного выхода скользила прозрачная тень вора. Он не останавливался и не пытался обнаружить за собой погоню, чувствуя запах свободы.

Василий прыгнул с крыльца, при этом зацепившись курткой за что-то острое. Послышался резкий звук разрываемого дермантина.

На беду преследуемого между зданием и забором, окруженный, точно терминатор, фонарным светом появился трети напарник.

Человек мгновенно остановился, издав нечленораздельный звук, словно провели гвоздем по стеклу.

— Борис, держи его, — заорал Василий, приближаясь сзади.

Человек обернулся с видом затравленной собачонки, бесполезно отыскивая выход. Его голова вращалась со скоростью алы, а руки пытались что-то придумать отдельно от тела, судорожно выгибаясь и извиваясь.

Как назло, со стороны гаражного общества донесся приближающийся лай злобных кавказских овчарок.

Теперь деться ему было некуда. Он поднял руки и замер, как будто вспомнил фильм про преступников.

Немного запыхавшись и с сожалением посматривая на разорванный рукав, Василий подбежал к человеку и не разговаривая, заломил ему руки за спину, цепляя наручники.

Сразу за ним, похрамывая, подошел Денис, и, недолго думал, раза четыре перетянул вора дубиной поперек спины.

— Кончай, — сказал Василий.

— Да он!.. — в ярости попытался возразить Денис. Василий смерил его долгим взглядом. Борис тем временем вызвал машину.

— Кончай. Сейчас наши приедут.

— Ладно. — Денис отошел и закурил. — Протокол ты составишь?

— Да ну его. Приедут и составят. Эй! — Василий обратился к задержанному, который оказался молодым парнем лет двадцати трех с русой копной грязных волос и большими детскими глазами, светившимися неподдельным страхом и голодом. — Поймался, придется отвечать. Так что не взыщи.

— Чего полез то? Через минуту парень ответил дрожащим голосом.

— Есть хотел.

— А что, других мест нет? Работать пошёл бы... Василий совсем забыл про решетку и люк. На него неожиданно накатило какое-то беспокойство.

— Да что ты с ним! — Денис подошел поближе и парень инстинктивно нагнул голову. — Врезать ему, чтоб знал! Дай-ка я ему...

— Уймись, — остудил его Василий. — Меру надо знать.

Денис, обидевшись, отошел, поглядывая на парня злыми глазами борзой у которой отобрали добычу.

Через полчаса, громыхая и изрыгая выхлопные газы, прибыл оперативный уазик. Безбожно хлопая дверьми из него вылезли два человека из управления и принялись составлять протокол, иногда задавая вопросы типа:

— А почему вы не заглянули за хлебную стойку, за которой прятался задержанный? Или:

— Зачем вы пошли вниз, если задержанные находились наверху? Василий быстро устал и решил, что лейтенанты шутят, сохраняя при этом серьезные лица. Он перенес свое внимание на задержанного, вяло отвечавшего на вопросы. Поначалу можно было принять его за наркомана, если бы не очень осмысленный, пронзительный, и, в то же время, какой-то пугающий взгляд. Тонкий; прямой нос и резко очерченные губы выдавали в нем человека впечатлительного, но твердого. Василий смотрел на его лицо и думал, что он очень красив.

На нем были одеты черные, с разводами от грязи джинсы, окантованные снизу распушившейся бахромой, падающей на белые стоптанные кроссовки без шнурков. Дырявые спереди джинсы обнажали худые коленные чашечки.

В джинсы был заправлен мохеровый свитер с уже давно свалявшимся ворсом. Свитер казался не то красного, не то коричневого цвета. Вывернутые по приказу карманы представляли сабо одну большую дыру.

— Бомж, — холодно сказал один из лейтенантов, ставя закорючку на протоколе.

Тем временем приехали представители магазина. Так как бомж ничего не украл, то и

ревизию с понятиями решили не делать.

— Загружайте его, — махнул второй лейтенант Василию и открыл задние дверцы уазика.

— Куда его? — спросил Василии.

— Подальше отвезем, да отпустим, — ответил пожав плечами водитель.

— Зачем он нам нужен? Блох разводить?

Уазик медленно, пошатываясь с боку на бок, отъехал от магазина и подернул налево. В маленьком окошке на задней двери виднелось лицо задержанного. Василию показалось, что оно улыбалось.

Глава 12.

Макс не любил много разговаривать, но в этот день ему требовалось выговориться. Он вспомнил перекошенное лицо милиционера и дубинку на своей спине. Дернул же его черт ползать по этим подземельям, он даже не понял что вылез в магазине. Хорошо, что на всякий случай парик надел, да одежду грязную, чувствовал же...

Он вышел на Ленинский проспект и сразу же увидел то, что искал. Они стояли под деревьями, вычурно накрашенные, совершенно безвкусно одетые. Группками по две-три.

Недалеко от них стояли сутенёры с видом арабских принцев. Внутри него закипела дикая ярость. Еле сдерживая себя, Макс прошел мимо.

Вдруг он увидел проститутку, стоящую поодаль и совершенно одну, Макс подошел поближе. Одетая она была просто, косметики ей явно не хватало. Ее манера держать себя выдавала в ней новенькую.

— Эй, киска, — крикнул ей Макс. — Идем со мной.

Она посмотрела на него, пытаясь оценить.

Макс засмеялся жестким циничным смехом.

У меня хватит денег, — он достал сто баксов и помахал ими. — Пойдем.

Они пошли вместе.

— Ты новенькая? — спросил ее Макс

— С чего ты взял? — спросила она грубо.

— Видно. Поедем в видеоцентр?

— А что там делать?

— Кино смотреть. — Он подошел к киоску и купил шампанское с шоколадкой. — Едем?

— Поехали, — согласилась она.

Минут через пятнадцать они были на моте.

Макс взял в руки список фильмов и рассматривал его довольно долго.

— "Прирожденный убийца" есть? — спросил он.

— Да, проходите в первый зал. Через минутку поставлю, — живо откликнулась бабка из гардероба.

Они уселись и когда фильм начался, Макс откупорил шампанское и налил ей в пластмассовый стаканчик.

— А ты? — спросила она.

— Я не пью, — сухо ответил он.

— Почему? — Она посмотрела на него как на больного, — за рулем?

— Религия запрещает. Она приняла это за шутку.

— Почему ты там стоишь? — спросил ее Макс, — на проспекте?

— А что, нельзя? Деньги зарабатываю.

— Деньги можно и другими путями зарабатывать. За это занятие в некоторых странах женщин забивают камнями...

— Да?.. — она удивилась. — Откуда ты знаешь?

— Видел. Она горестно засмеялась.

— Может и забивают... А что прикажешь делать? Мать — старуха, больная совсем, сердце у нее больное, отец — алкоголик, и дня не бывает, чтобы он трезвый был. Как нажрется, так лезть начинает...

— Он, что, тебя насильовал? — спросил Макс.

— Было, — тихо ответила она. — А деревня то маленькая, все про всех знают. Злые языки появились, пальцами тычут. Вот я и забрала сестренку и сюда, в Калининград. Не дай бог, чтоб и ей жизнь такая... — Она начинала хмелеть. — А у меня ж ни образования, ни специальности, откуда ж оно в деревне возьмется корову там, могу подоить, кур, свиней прикормить, да что по хозяйству... Так что приходится вот... — Проститутка посмотрела на него с надеждой. — А ты чем занимаешься?

— Я — прирожденный убийца, — ответил Макс. Она хихикнула.

— Как вон тот? — и указала пальцем на экран.

— Лучше. Ты вот, продаешь свое тело. А я никогда ничего не продаю. Ты продаешь свою честь, и за это надо отвечать. Никаких не может быть отговорок. Никаких. Но я помогу тебе.

При этих словах она выпрямилась.

— Правда?

— Да. Тебе больше не нужно будет выходить туда. Как тебя зовут?

— Маша.

— А фамилия?

— Земская.

— Отлично. Считаю, что тебе очень-очень повезло. Ты мне понравилась. Будешь жить у меня? У меня много свободного места...

Она не верила в свою удачу.

— А сестренка?

— Она тоже.

— Я даже не знаю...

"Господи! — думала она, — ванная, чистая постель..."

— Я... я не знаю, как отблагодарить тебя...

— Потом, — ответил Макс. — Еще успеешь.

— Конечно, — ее рука потянулась к его ширинке, но он грубо сбросил ее.

— Потом я сказал!

— Да. — Она налила еще шампанского и откусила шоколад. Голова немного кружилась, но этот вечер казался ей самым лучшим, самым восхитительным в жизни.

"Немножко грубый и неприветливый, но такой и должен быть мужчина", — подумала Маша.

Когда дверь подвала немецкого дома за ними закрылась, Макс достал тряпку, обмотал ею руку, развернулся и ударял ее в подбородок. От неожиданности и силы удара она

повалилась.

Макс накиннулся на нее и принялся избивать, ногами в живот, сильнее, сильнее...

Он чувствовал, что плачет, как будто бил кого-то близкого. Сквозь слезы ой взял ее за волосы я принялся наносить удары по груди и лицу. Она еще пыталась как-то защититься руками, но это мало помогало.

Потом, когда она уже почти потеряла сознание, он достал скальпель и полоснул ей по щекам. Плача и всхлипывая, он приблизился к ее лицу и поцеловал ее в губы. Кровь начала обильно струиться, и, он, смешивая ее со слезами принялся подхватывать ее языком. Она была теплая и очень-очень соленая.

— Теперь тебе не надо будет там стоять, — прошептал он. — Ты будешь жить у меня.

Маша уже ничего не чувствовала, она была без сознания.

Макс долго петлял извилистыми коридорами, пока не притащил ее тело в нужную нишу. Потом он некоторое время возился с перегоревшими лампочками, чувствуя на себе испуганные взгляды своих жертв.

Когда, наконец, свет загорелся, он увидел трех, сбившихся в кучу женщин, пожиравших его глазами.

Вероятно, он был весь в крови. Макс провел рукою по лицу. Так и есть. Он посмотрел на руку. Кровь.

Его пленницы с ужасом переводили взгляд с него на новенькую. Они даже забыли друг про друга.

"Какие они грязные!" — подумал Макс, и закрепив цепями Машу, ни слова не говоря, ушел.

Они ожидали, что свет потухнет, но свет остался гореть.

— Что он с ней сделал? — шепотом спросила Ира, когда гул его шагов наконец затих.

Лицо лежащей на боку женщины было полностью залито кровью. Одета она была немного странно, но они не обратили на это никакого внимания.

— Надо ей помочь, — сказала Наташа и они вместе с Ирой, волоча тяжелые цепи подобрались к незнакомке.

Прошло уже больше месяца, как Ира находилась в заточении. Она познакомилась с подругами по несчастью, узнала, почему Арина постоянно молчит, узнала, что Наташа никогда не сможет стать матерью.

То, что сделал с Наташей изверг, подавило ее настолько, что она начала заикаться. Даже в самых страшных кошмарах она не могла предположить, что такое вообще может существовать в этом мире. Но реальность оказалась жестокой.

Лиля смотрела на происходящее мутными глазами и ни на что не реагировала.

Через неделю, как Ира попала в подземелье, пришел Макс, принес еду и сказал, что хочет с ней поговорить. Наедине.

Макс дал ей одежду и повел по темным галереям не произнося ни слова. Они шли довольно долго, впрочем, в теплоте расстояние сильно увеличивается.

Наконец Макс сказал:

— Сюда.

Она повернула и сразу же уткнулась в стену. Молча, он связал ей руки и приковал к стене. Ира приготовилась к самому худшему. То, что он будет резать, кромсать... она знала, он был мастер придумывать эти вещи.

Однако, с минутой Макс постоял, потом похлопал ее по щеке и ушел. Просто взял и ушел.

Даже не прикасаясь к ней. У ее отлегло от сердца. Но тревога все равно билась в ее груди.

Может, он сейчас вернется, и тогда..."

Но Макс не вернулся ни в этот, ни на следующий день.

Зато с потолка капала вода. По одной маленькой капле. Кап-кап. Кап-кап. Ира не придавала этому малозначительному факту значения. Главное, что он оставил ее в покое. Что он не причинил ей вреда. Или боли. Правда, она с трудом верила этому.

Ира поняла всю жестокость придуманной им пытки через два дня. Одна маленькая капелька воды стала весить в тысячу, в миллион раз больше. Капля врезалась в голову с безумным звоном, заставляя вибрировать от боли каждую клеточку мозга. Она не могла заснуть и ослабела настолько, что только цепи удерживали ее на весу.

Кап-кап. Кап-кап.

Она перестала соображать и готова была вынести любую пытку, только эту. Казалось, тонкие длинные иглы вонзаются в ее мозг. Глубже и глубже.

Кап-кап. Кап-кап.

Потом уже не иглы, огромные черные валуны скатывались на ее голову, разбиваясь о череп со страшным скрежетом. При каждом касании капли в глазах взрывались ярко-белые вспышки и мучительной болью разливались по всему телу.

Кап-кап. Кап-кап.

Через четыре дня она окончательно потеряла сознание. Когда Ира очнулась, то с трудом открыв глаза, увидела над собой лицо Наташи.

Глава 13.

После первого заморозка, неожиданно нагрянувшего ночью, температура воздуха стойко застыла на нуле. Остекленевшие улицы, допуская через себя закутанных по-зимнему прохожих, покрылись белой корочкой потрескавшегося льда. Тротуары казались высланными сверкающими холодными дорожками из мельчайших частичек снега.

Деревья выгнулись в предсмертном судороге, словно застигнутые врасплох ветви черного коралла.

Прогнувшееся небо на западе темнело, но не сразу, а как бы узкими закручивающимися слоями, образуя картину неумелого импрессиониста.

У коммерческой палатки на Чайковского топтались три потенциальных покупателя, видимо не в силах выбрать из всего многообразия предлагаемого товара.

Василий подошел сзади и уставился на пеструю витрину. Пива почему то не хотелось, наверное, из-за прохлады. Потенциальные покупатели с этим безмолвно согласились, потирая красные руки, заочневшие на морозе.

Водки представлено было видов пятнадцать. Больше, чем какого-либо другого товара. Жвачки, например, предлагалось всего семь наименований.

Еще немного постояв, Василий догадался, что покупатели пытаются найти в приятном глазу разнообразии такой же приятный паритет для кошелек, отнюдь не отличающийся такой же буйной пестротой. Все это усугублялось извечным вопросом — быть или не быть. Имеется ввиду следующий день.

Василий приобрел бутылку вишневого ликера ядовитого цвета и шоколадку "Торрас" с миндалем, и провожаемый неодобрительными взглядами мужиков, направился к стоящему торцом дому.

Через улицу Римского-Корсакова, пересекающую Чайковского (прямо консерватория какая-то, — подумал Василий), проходил свежезамерзший прокоп, вырытый, как ему показалось, еще до его приезда, то есть месяца, три, три с половиной назад. На космических фотографиях ЦРУ этот прокоп значился как "малое оборонительное сооружение" и находился под пристальным наблюдением.

Застывшие куски земли валялись по обе стороны окопа на расстоянии двух метров. Через косые насыпи окопа проходила протоптанная дорожка со множеством замерзших следов.

Василий миновал первый подъезд, второй, — третий был Наташин.

Они встречались три дня назад, поговорили, попили чайку. За все три месяца он так и не сошелся с не близко. Так — поцеловал несколько раз, но это скорее, дружеский, братский поцелуй. Наташа по-видимому и сама не очень стремилась заполучить в его лице любовника, а Василий был доволен тем, что имеет.

Поначалу в незнакомом городе пришлось тяжело, ли друзей, ни подруг, не с кем словом перемолвится по вечерам. Когда на работе — повеселее, Василий и напрашивался в основном на ночные дежурства, потому что ночью на него находили приступы одиночества. Такие пошлые, зудящие до крайности приступы.

Познакомившись с Наташей, своими напарниками, которых он скорее терпел, с несколькими другими сослуживцами, он думал, что если все так и пойдет, то годика этак через два, станет своим в доску, и никто не будет помнить, откуда же он все-таки взялся. И потом, сейчас главное, это работа. Если Литвинов или хотя бы Архипов его заметят, дальше будет легче. Они помогли ему вначале, теперь требовалось грести самому, чтобы доплыть до чего-нибудь стоящего. Несколько удачных задержаний резко повысило его в глазах Семенова, и тот уже не смотрел, издевательски шурясь, как на маменькиного сыночка.

Расшаркавшись перед обитой деревянными лакированными дощечками дверью Василий, чуть помедлив, позвонил. Раздалась очередь отрывистых звуков, по мелодичности напоминающих трель станкового пулемета. Послышались легкие шаги и знакомый голос спросил:

— Кто там?

— Это я, генерал Батурин, — ответил Василий, рассматривая ворсистый коврик под ногами, изображающий летящую птицу.

Повозившись с замком, она открыла, осматривая гостя от кончиков ног до кончиков волос.

— Привет. Не узнаешь?

— Привет, заходи. Чего дрожишь то?

— Это я дрожу? — обиделся Василий, снимая куртку. — Не имею обыкновения дрожать но вечерам.

Наташа улыбнулась, показав маленькие белые зубки, как у лисички. На ней был изящный красный халатик в черную клетку с огромными накладными карманами, как будто приспособленными для ношения гаечных ключей. Халатик выгодно подчеркивал ее стройную фигуру, заканчиваясь на уровне чуть ниже колен. На ногах — мягкие пушистые тапочки в меховой оборке с большими круглыми бубончиками.

— А я только пришла, — сказала она, переходя в комнату.

— Что так долго? — поинтересовался Василий, помещая бутылочку ядовитого ликера и шоколадку на край журнального столика, покрытого белой полиэтиленовой скатертью с

ажурными рисунками. В центре стола красовалась вытянутая хрустальная ваза с несколькими веточками оранжево-красной рябины.

— Проводили семинар по СПИДу. Начальник приезжал из московского центра, важный такой, в золотых очках. Как премьер-министр. Знаешь, сколько у нас в области больных? ну, инфицированных?

Василию было искренне наплевать на эту глобальную проблему, касаются, по его мнению, заирских беженцев и американских гомиков.

— Ну?

— Что, ну? Уже больше тысячи по последним данным...

— Нормально... — неопределенно протянул Василий, имея ввиду то ли, что это через чур много, то ли микроскопически мало, впрочем, он и сам не знал, как к этому отнестись.

Наташа выжидательно застыла у косяка отсутствующей двери.

— Ты ждешь, что я сейчас из кармана достану вакцину? Н-да... — Он потянулся к бутылке. — не мучайся, садись рядышком, доставай рюмочки.

Наташа вышла в зал, вернулась с рюмками и опустилась на кресло напротив.

— Что до меня, — продолжил Василий разливая, — то я тебе уже давно сказал, что иглы нужно лучше кипятить. А безопаснее использовать одноразовые. Выброси свой автоклав и объяви забастовку. Пока тебя вместе с поликлиникой не завалят шприцами.

— Тебе легко говорить, — отозвалась она. — А я там, между прочим, день с этой кровью. Теперь, когда домой прихожу, по полчаса мою руки "Ариэлем".

Василий засмеялся.

— Ну и что, помогает?

— Помогает или нет, не знаю, — Наташа отлила ликер и отломил кусочек шоколадки, — по крайней мере, что-то хоть смывается.

— СПИД по-моему не смывается. Он прилипает, как нищий к заднему двору ресторана.

— Тебе весело. А через меня, между прочим, несколько положительных проб прошло. Как-то даже ни по себе становится. Когда оно далеко, кажется, тебя не касается, что все эти шприцы, наркоманы, проститутки далеки... а на деле, вот они, рядом, их кровь в пробирке. Смертельно зараженная. Помнишь, у драмтеатра мы видели?

— Я теперь с ними почти каждый день встречаюсь. И могу тебе сказать, они не стоят твоей жалости. За косяк или укол такие люди не церемонятся.

— Василий поудобнее устроился на диване и посмотрел в окно. Темнело. — Три четверти тяжких преступлений совершается под этим делом. А после, они выглядят как невинные овечки. Хлопают глазенками...а м — не хотели... это так, само собой вышло. Хотелось очень...

Наташа вскинула голову.

— Что ты на меня набросился, как будто я в чем-то виновата! Да пропади оно пропадом, лучше частной медсестрой работать...

Длинные базиликовые занавески еле-еле шевелились, блистая вплетенными в них серебристыми ниточками. Полированная стенка, занимая четверть комнаты, отражала их в пятнистом коричневом зеркале.

— Да ничего я на тебя ни накидывался. — Василий наполнил опустевшие рюмки и отпил оказавшийся не таким уж плохим густой ликер. — Просто все начинается с маленького. С деталей. У тебя — со шприцов, у меня — с преступников, у государства — с людей.

— Что то тебя в философию потянуло, — Наташа наконец улыбнулась и расправила плечи.

— Да нет. Это наша жизнь, куда от нее денешься? — Он вспомнил бомжа, задержанного пару месяцев назад. — Вот посмотри, задержали мы парня. Он влез в магазин, разбил стекло, ударил нашего сотрудника. И что ты думаешь. Он залез туда, чтобы поесть. Просто поесть. При нем нашли пол батона. Другую половину он съел за несколько минут. Конечно, парен? там порылся. Идти, так уж до конца, так, наверное. Если тебя довели до того, что ты вынужден красть хлеб, про какой СПИД может идти речь? Тебе все это не напоминает конец девятнадцатого, начало двадцатого века, помнишь, "Дети подземелья"? Не Северном вокзале они все у нас на учете...

— Ну и что ж вы ничего не делаете?

— Мы делаем. Мы ловим, отправляем в приемник, а потом они возвращаются назад. Ты бы посмотрела на этот приемник. А слово то какое придумали! Резервация у индейцев, и то лучше звучит. Оттуда не сбежать, значит погубить свою жизнь. Или от голода или болезней помрешь, или станешь наркоманом, свой же на иглу посадят.

Василий скользнул взглядов по ажурным изгибам скатерти. Туда-сюда, туда-сюда. Изгибы были такими плавными, что вызывали симпатию. Однако, со сложностью рисунка они переборщили. Конечно. Вон те завитушки совсем убрать, тогда, пожалей, сойдет. Или, может, еще что-нибудь убрать?..

— Хочешь попробовать шоколадку? — спросила Наташа, косясь на половину оставшейся плитки.

— Да ну ее! Ты вот только скажи, сколько мы еще будем терпеть все это?! Я прекрасно понимаю, что мне ничего не удастся сделать... но ты слушаешь новости? Там самолет рухнул, полный пассажиров, там дом взорвался, горняков завалило на шестисотметровой глубине, теракты в московских троллейбусах, теракты в метро, теракты на кладбищах, теракты везде... плиты надгробные крадут! Ты представляешь?

— А куда деньги идут? Тут и за примером далеко ходить не надо, возьми эти ваши постоянные дни города и фестивали. Я уже о них наслышался, дальше некуда. Только и разговоров, скорей бы ел год, чтобы напиться под кустом и официально. А деньги крадут у нас. Законно крадут. Налоги, удержания, пени, взносы — это вполне официальный рэкет. Власть, у которой денег почти нет, борется с предприятиями, заводами и фирмами, у которых деньги есть, но отдавать они их не хотят. Эти люди с деньгами, они не бандиты, не мошенники, хотя в семье не без уroda... Но эти люди будут лучше сжигать по маленькой такой пачке баксов каждый день сипя у камина, нежели будут отдавать ее государству.

Потому что с государством они встречаются каждый день в лице его представителей — маленьких, в большинстве лысых человечков, садящих в огромных кабинетах с зелеными от жадности лицами, и готовых за деньги продать не то что государство... Естественно, что с ними остается делать. Им дают и их презирают. Как оборванных шакалов. И точно так же презирают все государство.

— И что же делать? — спросила пораженная Наташа.

— А ничего. Пить ликер. И делать свое дело. Еще можно понадеяться на мефического Столыпина или богатенького Кейнса.

— А кто это такой?

— Английский экономист, ну, типа наших, ты их знаешь, только учился не на тройки и свое богатство не своровал. Маленькая бесполезная разница. Как говорил наш великий

предок, настал тот момент, когда верхи не могут, а низы не хотят...

— Ну это уж, допустим, больше по моей специальности, — она хитренько засмеялась и Василий расхохотался вместе с ней.

— Так что, дорогая Наташа, будем молиться, чтобы следующее тысячелетие... — Василий запнулся, — короче, ты сама понимаешь, что я хочу сказать.

Они чокнулись и выпили. В тот момент, когда Василий делал последние глоток, звонок предательски зазвонил, сотрясая квартиру одним баллом по шкале Рихтера.

— Кто это? — приподнявшись, спросил Василий, но Наташа уже стремительно вскочила и побежала открывать.

Отрывистый щелчок замка, шорох закрываемой двери и, наконец, два голоса из прихожей, один Наташин, второй незнакомый. Василий понял, что он не единственный сегодняшний гость.

Женские голоса сначала с минуту пробыли в прихожей, потом, незаметно удаляясь, переместились на кухню, и минуты через три, когда Василий решил прикончить еще стопочку ликера, словно назло, представили своих обладательниц.

Одна, понятное дело, была Наташа, а вторая, по всей вероятности, Наташей не была никогда.

Повыше ее сантиметров на пять, девушка привлекала внимание с первого взгляда. Так сказать, рокового. Кто когда-нибудь видел, тот знает, о чем идет речь.

Светлые, слегка вьющиеся волосы, ниспадая на плечи, там: закруглялась пикантными барашками. Лицо ее, идеальной симметрии и формы, спокойное и ровное, покрывал легкий, ни к чему не обязывающий румянец, какой можно увидеть у девушек на старых японских картинах. Ее носик вполне мог служить образцом для известного скульптора, ваяющего голову несравненной Нифертити, как, впрочем и все тело тоже.

Однако, в ней не чувствовалось сколько-нибудь искусственности и нереальности, как бывает, когда наблюдаешь (но телевизору, конечно) всяких там фотомоделей и разных мисс...

Василий удовлетворенно причмокнул и вопросительно взглянул на стоящую чуть поодаль Наташу. Незнакомка, уставилась на него огромными серыми глазами, словно увидела Майкла Джексона со штангой в руках.

— Познакомься, — Наташа, наконец, вспомнила русские слова, — это моя сестра Таня. Василий нехотя приподнялся.

— А это — Василий, — она неопределенно показала рука в сторону дивана. — Мой друг.

Таня слегка кивнула и плавно села на диван. Василий остался стоять, соображая, что ему делать, то ли подать руку, то ли поклониться, то ли бог весть что еще.

Когда он, наконец, сел, на столе уже стояла третья рюмка. Тем самым вопрос отпал сам собой. Наполнив все три, Василий кивнул Наташе и произнес короткий тост:

— За знакомство. Таня недовольно сжала губки.

— Я же не пью, ты знаешь, — сказала она, обращаясь к Наташе, но все-таки подняла свою рюмку. Он тут же нашелся.

— За знакомство не выпить — тяжки грех. — его прозвучало как рекомендация молодого протоирея, проводящего длинные вечера в общении с героями Библии сидя в церковном винном погребе. Стало весело.

— Что то вы не похожи на сестер, — заметил Василий, доглядывая на сидящую слева

Танк.

— А мы не родные сестры, — ответила она. — Так, иногда встречаемся...

— Что ж вы за сестры, если в одном городе живете и почти не встречаетесь?

Милосердия что ли?

— Двоюродные. Работа такая, у меня в аэропорту, у нее — в поликлинике.

— Пока до дома доберешься, уже ничего не хочется. — Таня говорила звучным, даже слегка резким голосом.

— А что ты в аэропорту делаешь? — Василий понял, что смотрит на нее не отрываясь.

Она заметила его взгляд.

— В киоске работаю, сувенирном. Матрешки, картины, иконы...

— А зачем это там, в аэропорту? Кто все это покупает?

— Ну, конечно, — Таня улыбнулась его неосведомленности, — аэропорт международный теперь стал, это раньше — Москва, Питер, Краснодар... Сейчас куда только не летают. А ты разве не знал? Василий ухмыльнулся.

— Я совсем недавно в Калининграде. А так, я из Бишкека, может слышали.

Наташа встрепенулась и положила ногу на ногу.

— Лучше его и не спрашивай, — посоветовала она Тане. — Таких страстей нарасказывает, всю ночь спать не будешь. Я уже на себе испытала. Таня с интересом взглянула на Василия.

— Ну, ты потом как-нибудь расскажешь, если это и впрямь так страшно. Хорошо? Я люблю такие истории, от которых волосы дыбом.

— Вот-вот, — подтвердила Наташа. — Не сомневайся. Василий смотрел на Таню и думал, что как только у него выпадет окно дежурстве, он сядет на автобус и поедет в аэропорт. В этом он не сомневался.

Василий разлил остатки ликера и поставил опустевшую бутылку на пол. Стало жарко. Он почувствовал, как начинают гореть щеки и уши.

Таня молча сидела на краю дивана. Ее пуловер грубой деревенской вязки ни серую пряжи вносил в комнату какое-то свежее очарование, не омраченное городской суетой и дразгами. Василий решил, что она не из города, скорее из глубинки, где люди подчас не очень то знают, какое сегодня число.

Еще немного посидев, Василий решил, что пора идти домой, в общежитие. Он попрощался с Таней, окинув ее долгим многозначительным взглядом.

Когда он вышел во двор, уже стемнело. Осенние морозец неприятно освежал. Далекие синие звезды весело подмигивали, словно издеваясь.

Засунув руки поглубже в карманы куртки, Василии побрел по скупо освещенному тротуару.

Глава 14.

Архипов сидел в своем кабинете на Советском проспекте и разглядывал новый конверт. Он уже забыл, что такое нормальный сон и большие синие мешай под глазами подтверждали этот факт. Если он не справится с этим челом, его ожидают большие неприятности, да и Литвинова тоже. Но Андрей не продвинулся ни на дюйм. Вот уже пятый месяц.

Он открыл конверт. Кроме двух, очень маленьких строчных букв, там ничего не было. "Странно", — подумал Архипов. "Е" и "Н".

Что это? Новая жертва? Месяц прошел и Архипов, в принципе, ждал этого послания. "Раз в месяц, будь он неладен."

Он поднял трубку телефона и набрал номер.

— Деев и Троицкий, зайдите ко мне.

Подчиненные явились через пять минут.

— Что нового? — спросил Архипов.

— Очень мало, Андрей Николаевич, — ответил Троицкий. — Прощлое письмо было опущено в ящик возле Северного вокзала.; нашли почтальона, которая забирала это письмо. Она его очень хорошо помнит, говорит, странное, мокрое какое-то и цвет у него был неважный...

— Но это, так сказать, к делу не пришьешь, — сказал Архипов.

— Это точно, — вздохнул Деев. — Я, наконец, опросил все общежитие этой Коноваловой. Только пара человек видели, как она, около пяти вечера вышла с каким-то молодым человеком. Их удивил этот факт сам по себе, поэтому, говорят, и запомнили. У нее ведь не было парня.

— А приметы? — встрепенулся Архипов.

Деев усмехнулся.

— Одет в серое или черное, волосы черные, среднего роста. Вот пожалуй и все. В этом проклятом общежитии половина таких. Я сам убедился. Архипов чертыхнулся.

— Смотрите, — он кинул им конверт. — Сегодняшнее.

— Е и Н. — Деев помрачнел. — Четвертая?

Все промолчали.

— Кто-нибудь сводки последние видел? — спросил Архипов.

— Я постоянно их смотрю, — сказал Троицкий. — За последнюю неделю ничего.

— Значит скоро будет, — сказал Архипов. — Если не сирота. — Возникла пауза. — Что будем делать, господа присяжные заседатели? — Он окинул всех долгим взглядом.

— Дюссельдорфский убийца, — еле слышно произнес Троицкий.

— Что-что? — переспросил Архипов.

— Я говорю, дюссельдорфский убийца. На нем было человек восемнадцать или двадцать, искали больше двух лет. Хитрый, гад, был.

— И нашли?

— Да.

— А как?

— Случайно.

СЛУЧАЙНО. Это слово стало для Архипова велим. Только случай мог привести их к убийце. Андрей выписал буквы на листок и попал Дееву.

— Ты сходи в ФСК, к шифровальщикам, дай бог, что-нибудь подскажут.

— А ты, — он кивнул Троицкому, — собери всех патрульных, пусть повнимательнее за серыми-черными среднего роста, да еще с женщинами. Это, конечно, глупо, но выхода нет. И... начинаете вместе с жЭЖами прочесывать квартиры.

— У нас людей не хватает, — сказал Троицкий.

— Ничего, помаленьку. Где будет возможность, присутствуйте, а нет, пусть ЖЭЖи сами смотрят. Только, чтобы все тихо.

— Хорошо, — отозвался Троицкий.

Они поспешно вышли. Архипов остался один. Вместе с письмом. ИК, ФН, АТ, ЕН. Буд

он Шерлок Холмс, дедукция, индукция, черт возьми! Он, наверное, быстро бы разобрался, что это означает. Инициалы? Да, это были инициалы, но... Ему казалось, что здесь какой-то подвох. Маленький подвох из-за которого убийца остается неуловимым. И к тому же смеется над их потугами. Архипов на сто процентов был уверен, что убийца прямо-таки заходится от смеха, наблюдая за ними.

Архипов попробовал переставить буквы. Получалась полная белиберда. Ничего толкового, он чувствовал, что бьется головой о каменную стену, зря бьется.

Архипов сидел, склонив голову и смотрел в распахнутое окно. Осень благополучно завершилась, жди дождя, ветра, слякоти, заморозков. Настроение — хуже некуда. Предстояло идти на доклад к Литвинову и Архипов представил себе его ярость. Пять месяцев — и ничего. Ни одной зацепки. Люди продолжали пропадать словно в казенном веке — без каких-либо следов. Премия к новому году растворилась как голубой туман. Он нехотя поднялся, закрыл кабинет и направился к начальнику.

Глава 15.

В четверг, с утра, Архипов, как обычно, находился в своем кабинете. Ни одна из добытых деталей не вставала в общую картину. Как назло. Провели сотни выездов, задержали десятки преступников, так сказать, по пути, но те не имели и делу никакого отношения. Наверное, только за эту, второстепенную работу, его не выгоняли с работы.

Хотя его прямое дело и не считалось закрытым, в управлении его считали гиблым.

Дверь приоткрылась.

— Это, наверное, к вам, Андрей Николаевич, — дежурные подтолкнул девочку лет двенадцати... худущую и грязную, похожую на бомжонка. — Заходи, смелее, — сказал он ей.

— Я не занимаюсь детьми, лейтенант Канцев, — Архипов раздраженно посмотрел на дежурного. — Это по коридору налево.

— Туда я уже водил, товарищ капитан. Смирнова сказала — к вам. Архипов удивленно взглянул на него.

— Смирнова?

— Так точно!

— Ладно, оставляй. Поговорю. лейтенант удалился, а девочка застыла у двери, опустив голову.

— Садись, — Архипов пододвинул ей стул. — Не бойся.

Она села и закашлялась, потом с вызовом посмотрела на него.

"Глаза волчонка", — подумал Архипов, с трудом перенося ее взгляд.

Он хотел начать разговор, но она опередила его.

— У вас сигаретка найдется?

Архипов молча протянул ей сигарету, понимая, что перепалка сейчас бесполезна. Она задыхалась совсем по-взрослому.

— Где-то месяц назад, — начала она, — у меня пропала сестра. Старшая. Она меня кормила и одевала, я теперь я одна. Капитал встрепенулся.

— Откуда ты знаешь, что она пропала?

— Она не пришла и все. Хотя всегда приходила.

— А где вы живете?

— В сторожке, на стройке. Там добрый сторож. Он пускает нас на ночь.

— Как тебя зовут? — спросил Архипов, делая пометки.

— Дона.

— А сестру твою?

— Маша. Маша Земская из Рябиновки.

— Сколько ей было лет?

— Двадцать три.

— Она, работала? Бочка спокойно посмотрела на него.

— Да. На Ленинском проспекте. Я сменила ее. Архипов чуть не слетел со стула.

— Ты?!

— Да, а что? — Ее глаза блеснули. — Я умею ничуть не хуже, чем она. Мне как-то жить надо. Андрей взял себя я руки, сесть это было нелегко.

— Ну тебе не очень-то много платят, а?

— Боятся... — она пожалала плечами. — Покормят зато, фруктов купят. Ну, и немного денег, тряпки всякие могу купить, не то что раньше... Мне сестра запрещала, говорила, убьет, если этим стану заниматься. Архипов быстро открыл блокнот в нужном месте и посмотрел буквы. М и З.

Таких не было. Но человек то пропал. Может, это не его рук дело, хотя, почти в то же время и пришло письмо. Странно... Но зацепка, правда и очень маленькая, появилась. Расколоть проститутку было делом не трудным, но прошло довольно много времени. Он посмотрел на девочку. А что с ней делать? В приемник?

Он вызвал дежурного.

— Лейтенант, запишите ее куда-нибудь, пока меня не будет.

— Есть!

— И, вот вам двадцать тысяч, купите ей поесть.

— Хорошо, товарищ капитан. Девочка с сожалением поднялась со стула.

— Вы меня арестуете? — спросила она Архипова.

— Нет... нет. Мы с тобой еще должны побеседовать. А пока, иди с лейтенантом.

Они вышли.

Архипов спинным мозгом чувствовал, что в этот раз пустыми докладными дело не ограничится. Проститутки, а особенно сутенеры, новеньких сразу подмечают. Может, это и их рук дело, но Архипов хорошо знал, что до физического устранения конкуренток доходило крайне редко. Проще всем договориться, спрос намного превышал предложение.

Андрей предупредил Троицкого, чтобы тот заехал за ним ближе к одиннадцати вечера. На немой вопрос подчиненного он ответил:

— Сегодня привели девчонку, она говорит, что у нее пропала сестра. Проститутка. Помнишь, месяц назад было письмо? Троицкий кивнул.

— Она говорит, что примерно с месяц назад сестра и пропала. Но инициалы не сходятся. Совсем.

— Может, это не он, — предположил Троицкий.

Я уже думал об этом, но мне кроются, что он.

Ближе к полдвенадцатого они уже объезжали Ленинский проспект. "Улица красных фонарей", — подумал Архипов, вспоминая Амстердам. Девочки, наркотики, рок-н-ролл. Вот и мы докатились до развитого капитализма. Малолетняя проституция. Групповуха, пьяные оргии. В Амстердаме все это присутствовало в еще большей, даже какой-то гротесковой форме, нежели здесь. Но российская реальность, дворовый совковый быт, помноженный на

криминал, не поддающийся никаким законам, образовали такую грязную и уродливую действительность, что обитатели Гарлема или Куинса не смогли бы прожить здесь и дня. Впрочем, Архипову было наплевать.

Проститутки находились в нескольких местах проспекта. От остановки возле "Инвестбанка", до моста, от магазина "Ромашка" до бара "Италия", и от фотоателье до универмага "Маяк".

"Где она могла стоять?" — подумал Архипов, разглядывая напомаженные лица. Скорее всего, от "Ромашки" до бара, более известное место для приезжих.

— Давай туда, — скомандовал Андрей. Они подъехали к группе девиц, которые с интересом посмотрели на них.

— Эй, иди сюда, — позвал Андрей высокую полную блондинку в мини-юбке.

Она, покачивая бедрами, медленно подошла.

— Чего надо?

— Месяц назад новенькая, молодая, здесь была? Она задумалась, переваривая вопрос.

— А зачем она тебе? Мы не хуже... смех был такой же искусственный как она сама.

— Мне нужна та. Знаешь ее?

— Не-а. — Она повернулась и пошла обратно.

Архипов прекрасно знал, что если достать корочку, то что-либо узнать он вообще не сможет. Ни сейчас, ни потом. Умные стали, у всех уголовный кодекс под подушкой. Поэтому он достал двадцать баксов.

— Эй девчонки, — крикнул он. — Двадцать баксов за информацию.

Разговор моментально смолк и лица опять повернулись к нему.

Конечно, жалко расставиться с деньгами, но что поделать, в жизни, как и в детективах, это действительно вырuchало. Было слышно, как толстую блондинку подталкивают.

— Ну иди, скажи ему... Шампанского купим... а то совсем на нуле... Она, подумав, вернулась к машине.

— Сперва деньги.

— А если ты не знаешь?

— Тебе надо или нет?

— Хорошо, — он протянул ей купюру. — Говори.

Девушка спрятала деньги в сумочке размером со спичечные коробок.

— Та, новенькая, была здесь нечасто, поэтому ее никто не трогал. Так себе... — она скривилась. — деревенская, видно, если ты ее так сильно хочешь, то ее к уже почти как месяц нет.

Удивившись легкому заработку, она стояла возле машины, ожидая, что ее пригласят внутрь.

— Когда последний раз она была? — спросил Архипов.

— Ты что, мент? — сказала она и отошла на шаг.

— Муж. — Он постарался, чтобы его голос звучал взволнованно.

— А-а. Я-то думала... Да уехала она с одним, красивый, в очках, с тебя ростом будет. Я и сама то хотела его закадрить, но он идет, как будто ничего не видит. Ну, заметил ее, и сразу к ней. "Киска" — говорит. Шампанского, шоколадку купил. — Она посмотрела на Архипова и с удовольствием отметила, какую "боль" причиняет "мужу". По его лицу прокатывались волны горя. — А дальше в тачку брыкнулись и укатили...

— А куда, куда? — нетерпеливо спросил Архипов.

— Откуда ж мне знать? Сели и уехали... а вообще постои... кажется, что-то про кино говорили.

— Про кино?

— Ну да, что-то такое. Но я не помню точно.

— А машина какая была?

— Машина? Да... такая старая, я еще заметила, какая баба, такая, думаю, тебе и машина. Москвич, кажется. Красный или темный такой... Архипов подумал, что про номер спрашивать не стоит.

— Ты постоянно здесь? — спросил ее Архипов?.

— Да... а что?

— Ты мне понравилась, — сказал он и захлопнул дверь. В недоумении она отошла от машины.

— Давай, в управление. Троицкие надавил газ.

Через двадцать минут они сидели в кабинете. Архипов достал бутылку коньяка.

— Выпьем? Немного?

Деев уже тоже вернулся.

— Давай, рабочий день окончен. — Все вместе посмотрели на часы. За окном стемнело.

— Что у тебя? — спросил Архипов у Деева.

— Немного. Ребята там сидят, конечно классные. Шифровальщики, как говорится, от бога. Посмотрели, забили в компьютер, но... говорят, на девяносто процентов это все-таки инициалы. А на десять — что-то еще. Один из них вспомнил случай из зарубежное практики, тоже примерно так было, только там буквы означали название места, где спрятаны трупы.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Но толком они ничего не смогли сказать? — Архипов разлил коньяк и пододвинул металлическую пепельницу.

— Нет. Или это совсем что-то другое или недостаточно информации. Я с ними договорился, что если появятся новые буквы, сразу поставлю их в известность.

— Все-таки они не исключают возможность, что из букв должно что-нибудь получиться? — спросил Троицкий, пробуя коньяк.

— Вариантов очень много, а если буквы будут прибавляться, то их стает еще больше и распутать все это можно будет только на компьютере. Так они сказали.

— Ясно. — Архипов опрокинул стопку в рот. — А мы нашли след последней жертвы. Проститутка. Теперь мы имеем — москвич и кино. Где можно посмотреть кино в одиннадцать вечера?

— Дома, — сказал Деев. — Все закрыто. В это время только дискотеки начинают открываться...

— А видеобары, видеокафе? Что у нас есть?

— Сейчас таких уже нет, это вот раньше, в Доме быта... — мечтательно протянул Деев, посасывая коньяк. Его зарплаты не хватало, чтобы купить видеомагнитофон, как, впрочем и Троицкого тоже.

— Постои, постои, — Троицкий оторвался от рюмки. — А видеоцентр?

— Он разве не закрылся? — спросил Архипов, но через секунду взял телефон и набрал номер справочной.

— Девушка, видеоцентр.

Она сказала номер и Архипов сразу же набрал его.

Ответил приятный мужской баритон.

— Да, я слушаю.

— Скажите, это видеоцентр?

— Нет, это дискотека.

— А видеоцентр работает?

— Закрылся двадцать минут назад, — с неохотой произнес мужчина. Архипов торопился, чтобы собеседник не повесил трубку.

— Извините, а завтра там можно фильм посмотреть? Вечером?

Человек на другом конце линии наверняка был сильно озадачен.

— Ну конечно, с трех часов дня. Линия разъединилась.

— Я ему надоел, — сообщил Архипов, но все уже поняли, о чем шла речь. Значит, скорее всего, они были там. На квартиру он не повез бы ее из соображение безопасности. Мало ли что, соседи и тому подобное...

— Если завтра мы там что-нибудь узнаем, то и Москвич, в принципе, нужен, — сказал Троицкий.

— Кто знает... — Философски откликнулся Деев. — Бывает, что, вроде, все — вот оно, в руках — и тут какая-нибудь случайная мерзость нарушает все планы. Не так, что ли?

Архипов знал всю истинность этих слов и поэтому старался не думать о будущем дне. Сколько еще это продлится? Неделю, две? А может два года как говорил Троицкий про дюссельдорфского убийцу.

Случайность... только на случайность приходилось рассчитывать. Убийца ошибок не допускал. Единственная его помеха состояла в том, что город еще не разросся до московских размеров. Здесь искать было, несомненно, легче.

— А Дюссельдорф — большой? — неожиданно спросил он у Троицкого.

— Ты не поверишь, — ответил тот, — такой же как и Калининград. В конце прошлого или начале этого века. Это сейчас он заметно расширился.

— Я постоянно думаю, — начал Деев, теребя край своего костюма. — Что же движет этим придурком?

— Даже не пытайся, — посоветовал Троицкий, — он как медуза. Плывет по течению, разве он руководствуется какими-нибудь принципами? Убил и съел. Потому то мы и не можем его поймать, что у него другая психология. Или ее отсутствие. Например, ты можешь сказать, почему собака побежала туда или сюда? Вот-вот, и она не может этого сказать. Просто побежала и все.

— Но он довольно хорошо бегают, — возразил Архипов. — Он знает, куда бежит.

— Это все ерунда. Еще товарищ Павлов изучал такие вещи. Врожденные и приобретенные рефлексы. Он рожден убивать, хочешь ты этого или нет, надо смотреть на подобные вещи его глазами.

— В таком случае, — медленно произнес Доев, — я вижу довольно мрачную картину. Как-будто у него не было другого выбора в жизни. Вряд ли. Что-то подвигло его этим заниматься, и таких причин, по-моему, не очень много. Он может быть психически больным и пытаться сделать мир по своему образу и подобию, таким, каким он его видит в своих бредовых фантазиях. С таким же успехом он может быть религиозным фанатиком — таких случаев можно привести миллион. Не исключено, что он наркоман.

— Но он не убивает их с целью ограбления, — сказал Архипов.

— Мы точно этого не знаем, — Деев продолжал, — а скорее всего, что все сразу в нем сплелось. Все пороки человечества. Еще секса добавить для полной картины.

Никто не сказал ни слова.

— А если его в детстве изнасиловали, а теперь он затаил злобу на весь мир? — Архипов тоже многое бы отдал, чтобы понять, что им движет.

— И такое возможно, — вздохнул Доев.

На город опустилась глубокая ночь, по подоконнику зашелестел не то дождь, не то снег.

— Еще жажда славы, известности, — после некотором паузы сказал Деев.

— вспомните Ли Харви Освальда. Он прославился на весь мир благодаря одному выстрелу, правда нигде не доказано, что стрелял именно он, но факт остается фактом, парень заработал своей семье состояние.

— Короче, предпосылок полно, а у нас на руках одни буквы, — подытожил Архипов. — И мы не знаем, что с ними делать.

Глава 16.

На следующий день в шестнадцать ноль ноль Архипов и Деев стояли на ступеньках видеоцентра. Встроенное помещение в прошлом служило местом сбора всех городских видеоманов. Здесь можно было купить и запрещенные фильмы и порнографию. Теперь тут размещалась дискотека и несколько кабинок для просмотра фильмов по заказу. Фильмы то конечно редко кто приходил смотреть, но занять кабинку на полтора часа за мизерную плату и безо всяких документов желающие находились.

Они прошли в холл. Уставленное зеркалами помещение создавало впечатление внушительного пространства. В углу холла произрастал огромный зеленый фикус.

Словно из под пола перед ними появилась маленькая старушка, с ног до головы закутанная в серый пушистый платок.

— Хотите что-нибудь посмотреть? — быстро сказала она, протягивая каталог. — Выбирайте. Просмотр — пятнадцать тысяч. — Сказан это, она исчезла в гардеробе.

— Бабуля, — позвал ее Архипов, — мы по делу.

— Что? — высунулась она из-за двери, не расслышав. — Уже выбрали? Так быстро?

— Я говорю, по делу мы. Бабка вышла, вопросительно глядя на двух молодых людей.

— Что такое?

— Где то месяц назад, — с ходу начал Архипов, — мужчина в костюме, в очках, стройный, с шампанским и девушка, молодая, лет двадцати двух, к вам не заходили? Вечером, часов в одиннадцать?

Бабка насторожилась.

— А нам какое дело, ходят тут... не знаю. Не помню. Архипов достал красную книжицу и сунул ей под нос.

— Уголовные розыск, потрудитесь, все-таки вспомнить. — Он принял важный и озабоченный вид.

— Да у меня столько народу бывает, — испугалась она. — Но если я правильно все помню, то, кажется, были такие. Мы уже закрывались, но я разрешила им посмотреть.

— Что они смотрели, не помните?

— Ну как же! — бабка обиделась. — Новый фильм, сейчас его все смотрят. Дайте каталог, — она забрала каталог у Деева и открыла его на последней странице. — Вот, триста первый. "Прирожденный убийца." Архипов и Доев переглянулись.

Бабка почувяла неладное.

— А что, убили кого-то? Не дай господь! Но я ничего не знаю, бог — свидетель. Пришли, посмотрели и ушли. Девушка сияла от счастья, я и подумала, молодожены небось, угла то своего нема, так они сюда... Архипов применил старую тактику.

— Замужняя та девушка. Сбежала, а нам искать...

— Вот молодежь! Куда смотрят?! Я сразу подумала...

— Вы не запомнили мужчину? Как он выглядел? — прервал ее изливания Деев.

— Ну как же! Респектабельный такой, костюм строгий, а лицо тонкое, интеллигентное такое, да и руки... Он когда расплачивался, я внимание обратила, пальчики тонкие, холеные, как у пианиста...

— А девушка?

— Она как Рее сейчас... расфуфыренная вся, в миниюбке, накраденная... Бесстыдница, одним словом.

— Если этот мужик еще раз заявится, вы его сможете узнать?

— Ну, конечно. Такого за километр видно. Архипов написал свой телефон и протянул ей.

— Если что, позвоните.

Бабка утвердительно закивала головой.

Обязательно, товарищ Архипов.

— Откуда вы знаете мою фамилию? — удивился капитан.

— У вас в удостоверении написано.

Они вышли из видеоцентра и Архипов рассмеялся.

— Ну, миссис Марпл! Итак, они здесь были. Девушка и моложавый ублюдок. Что теперь? Опять же, мы не знаем, ни фамилии, ни имени, ни куда они поехали потом. Сплошной мрак.

Литвинов подошел к подробной карте области, висящей напротив окна и подперев седую голову рукой, задумчиво вперился в нее взглядом.

— Такая маленькая, — подумал он, а столько всякого дерьма происходит. Слишком уж много для такой маленькой.

Он перенес тяжелый взгляд на восток, потом на юг и вздохнул. Хотелось и туда и туда, а еще больше хотелось отдохнуть. Припомнилась маленькая деревушка на юге Украины, не отмеченная ни на одной карте, могилы родителей, забытые и заросшие травой.

Суверенная Украина, теперь туда так просто и не проедешь, словно железный занавес перетасили в другое место. Могила родителей там, а он здесь. Все до ужаса просто. Ведь Украина то наверняка проживет без нас, и пусть там жестокий голод, почище, чем в осажденном Ленинграде, безработица, разруха, взрывы, катаклизмы... но причем же здесь могилы его родителей! Они, наверняка, и помыслить не могли, что окажутся другого гражданства, чем их сын, который теперь не может почтить родительскую память без зеленого штампа в паспорте и унижающего шмона на границе.

Его глаза автоматически вернулись к самой крупной точке на карте. Калининград.

Дел прибавилось. В особо важные он вникал сам, перечитывая их до изнеможения, другие отправлялись следователям, ведущим одновременно по десять-пятнадцать дел.

Но его сейчас волновало другое. Если Архипов не справится с исчезновениями,

неминуемо разразится скандал на всю Россию. Газеты поднимут невероятный шум, сверху начнут все сильнее и сильнее стучать кулаком, нагрянет масса проверок, разве это все интересно? А до пенсии осталось совсем немного, кому охота, чтобы его выгнали по статье? Тем более, наверняка начнут в управлении копать, и откопают, черт возьми! Много чего можно найти. А кто сейчас чистенький? Никто.

Иван Дмитриевич нехотя, словно не веря самому себе, подошел к телефону и вызвал Архипова.

Тот вошел через десять минут, свежий, гладко выбритый, в дешевом гражданском костюме.

— Здравствуйте, Иван Дмитриевич, — он стиснул протянутую руку, не заметив, как сузились глаза подполковника.

— Здравствуй. Садись. Ты что в таком наряде, как колхозник в городской бане?

— Так другого нет, — Архипов виновато погладил серые в полоску лацканы пиджака. На одном из них гордо красовался значок ВЛКСМ.

— Как там Батурин работает? Ты сделал, то что я тебя просил, год на патрульное для него это все-таки многовато... Я очень хорошо знал его отца, он мне во многом помог в свою бытность секретарем парткома рыбзавода.

— Семенов не очень хотел с ним расставаться. Парень попался, что надо. Работает то месяцев пять или шесть, а показатели, как у некоторых — годовые. Выдержанный, а главное, с мозгами. Это в наше время — большая редкость.

— Так ты сделал? — Литвинов нетерпеливо переложил пачку сигарет с места на место.

— Конечно. Дежурства ему сократили до минимума, в свободное время я постепенно ввожу его в курс, чем мы занимаемся.

— А про это дело, — подполковник постучал пальцем по тонкой картонной пачке, — вы уже говорили?

— Сегодня с утра немного я ему рассказал. Да там и рассказывать особенно нечего. А для начала я дал ему дело Шестаковича, оно не выглядит через чур громоздким. Пока не выглядит.

— Это что-то с птицефабрикой?

— Да, когда контору взломали. Там остались небольшие неясности. — Архипов достал сигарету и закурил. Кабинет наполнился белыми парящими кусками дыма. — Кстати, он подкинул идею подумать над тем, кто бы мог быть заинтересован в исчезновении девушек. Литвинов усмехнулся и тоже закурил.

— По-моему, мы над этим думаем уже полгода. Кто они такие, чтобы ими кто-то заинтересовался. Через них не проходило больших денег, насколько мы знаем. Они не имели доступа к каким-то тайнам, никого не шантажировали. Кто же так сильно о них мог беспокоиться?

— А страховые кампании?

Подполковник взглянул на Архипова и в его мозгу пронеслась быстрая пребыстрая мысль. А почему бы и нет?

— Это он тебе подсказал?

— Да.

— И что?

— Я обзвонил сегодня тридцать четыре кампании. И в одной из них мне отказались дать данные — Архипов выпустил плотный клубок дыма.

— А остальные?

— Остальные ответили, что такие у них никогда не страховались.

— А эта, последняя, как она называется? — Литвинов откинулся в кресле и нервно затеребил пальцами сигарету.

Архипов раскрыл лежащую на коленях черную дермантиновую папку и отыскав нужный листок, исписанный карандашом, прочел:

— "Небо и земля". Вообще то у них английское название, но переводится конце три буквы — "лтд". То есть, ограниченная ответственность.

Литвинов подумал, лучше подходит, чтобы страховать покойников. Надо бы перечитать "Мертвые души", что там Чичиков с мертвыми душами придумывал.

Капитан заметил, что шеф переменялся в лице, затушил сигарету в фарфоровой пепельнице, потом снова зажег ее.

— Да вы не думайте, Иван Дмитриевич, это не самое идиотское название. Есть и похуже. Я когда столкнулся, сам не поверил...

— А почему они отказались сообщить сведения?

— Там ответили, что это составляет коммерческую тайну, и касается только их и их клиентов. Даже когда я сказал, откуда звоню, они наотрез отказались разговаривать. Литвинов налился яростью.

— Что, эта чертова контора не хочет с нами разговаривать? — Он схватился за телефон. — Ничего, сейчас они с налоговой полицией пообщаются.

Капитан остановил его взмахом руки.

— Не спешите, Иван Дмитриевич. Я уже пробовал. Не так категорично, правда, но все равно. Я поговорил с ними, с инспекцией, они ответили, что выезжают немедленно. Поблагодарили даже. А через час перезвонили и сказали, что слишком заняты, нет машин, и в конце прибавили, что вообще то эту компанию они недавно проверяли и там все в полном порядке.

Литвинов недоуменно уставился на капитана.

— Ты хочешь сказать, что это "Небо" кто-то прикрывает? Так что ли? — Его слова звучали медленно, как будто он боялся ошибиться.

— Это очевидно. Впрочем, если вы не верите, попробуйте сами. Подполковник покачал головой и затушил очередную сигарету.

— Зачем? Так мы только можем повредить делу Или вспугнуть или нарваться на действительно серьезную и ответственную компанию. Одно другого не лучше. Но даже если допустить любое участие этой фирмы, то, что по-твоему, прежде чем исчезнуть, эти женщины заходили туда и страховались, предчувствуя свою кончину?

— Не обязательно. Они вполне могли сговориться. Мы же не знаем, о какой сумме идет речь. Если деньги достаточно велики, то можно пойти и на крайние меры.

Архипов поерзал на стуле и снова закурил.

— О чем ты говоришь? — спросил Литвинов, постукивая зажигалкой по столу.

— Представьте себе, что все они, не сразу конечно, сговорились с кампанией. Скорее всего через посредника, который организует все так, чтобы создавалась видимость правдоподобности. Речь идет, видимо, о крупных суммах, иначе игра не стоит свеч. Потом они исчезают. Как и куда, это уже второй вопрос. Через три года по нашим законам они признаются умершими.

Литвинов усмехнулся, но продолжал слушать.

— И страховая компания должна выплатить полную сумму страховки. Вы смотрели недавно "Поле чудес"? Там одного парня застраховали на один миллиард рублей. Здорово, да? Так вот, три года, это крайний срок, это очень долго. Деньги же хочется получить быстро и по возможности все сразу. А теперь самое главное. Письма. В каждом из них инициалы и какая-нибудь часть тела. В последних письмах кровь. Какой суд признает, что женщина жива, если в конверте ее инициалы и часть ее тела? Никакой. Вот и получите страховку намного раньше положенного времени, пока мы ловим убийцу. А достать уши, носы, пальцы — это сейчас не проблема.

Литвинов застыл как покорный генсек и только минуты через две открыл рот.

— А как же все-таки убийца? Ведь его видели... Архипов сидел, склонив голову, что-то обдумывая.

— Возможно, это покажется слишком сложным, но мне кажется, что они вполне могут все это симулировать.

— То есть как?

— А так, что если у нас в деле будут только эти письма и ничего больше, то, скорее всего, мы бы быстро потеряли к ним интерес. Шутка кого-нибудь психопата, да мало ли... так ведь? Литвинов кивнул.

— Но добиться им надо совсем другого. Им нужны свидетельства о смерти. Поэтому они закатили спектакль с убийцей, который подстерегает своих жертв как маньяк, ну и с прочими атрибутами. Кстати, будет совсем неудивительно, если на случай возможного провала они пошли еще дальше. Вдруг, все это раскроется? Такое ведь можно предположить, кто-нибудь сболтнет лишнее, увидит что-нибудь... Тогда пострадает все. И они сами, и компания, в лице посредника. Компания сама по себе может ничего и не знать. А может и знать. Я имею в виду руководство. Так вот, этих женщин помещают к такие условия, которые с виду раем не покажутся и держат там соответственно, чтобы они походили на жертв похищения. В этом случае, все остаются на свободе и с деньгами. Компания не посмеет им не выплатить, да и в договоре, наверняка, есть что-нибудь этакое.

— То есть, — произнес Литвинов, обращаясь словно к самому себе, — закрывая дело, мы ставим последнюю, самую главную подпись.

Архипов кивнул.

— Но это еще из области версий, — сказал он. — Надо проверить страховую компанию, но лично мне кажется, что совпадений, вернее исключений из правил в таких случаях не бывает. Если все дают информацию, а одна скрывает, этостораживает.

Кабинет затянуло стойкой завесой дыма, образующего под потолком причудливые формы. Тяжелые шторы на окнах были раскрыты и пропускали в комнату белесый дневной свет, рисующий на крашенном полу вялые блики. С пыльной полки книжного шкафа красными буквами подмигивал Уголовный кодекс и томик Фридриха Незнанского. Остальное свободное пространство занимали многочисленные стопки разноцветных папок, к которым не прикасались, по крайней мере, последние три пятилетки. Что в них содержалось — оставалось только гадать, может быть, пророчества бывшего хозяина кабинета.

— Знаешь, что, — после некоторого раздумья сказал Литвинов, — пусть Батурин этим и займется. А ты поезжай на птицефабрику и быстренько закончи там все дела.

Архипов покосился на шефа, который не переставал вертеть сигаретную пачку.

— И все-таки, постарайся узнать поточнее, что это за компания, кто директор и так

далее, чем больше, тем лучше. А там мы разберемся, в какую сторону ветер дует.

Глава 17.

Был уже вечер, когда Макс, покончив с делами, приехал на вокзал. Кишащий бомжами, проститутками и прочими отбросами, вокзал вызывал у него сильное отвращение.

— Дяденька, дай сто рублей, — кто-то тронул его за полог плаща. Он обернулся и увидел грязного оборванного пацана с рукавами навывпуск.

Макс достал из кармана мелочь и с омерзением бросил бомжонку. Тот сразу отстал. Впереди шли цыгане, и Макс предпочел обойти их.

Слева и справа тянулись ряды коммерческих палаток. Вездесущие бабки делали бизнес, расхваливая пирожки, горячую курочку и прочую дребедень.

Возле входа в вокзал стояли девицы неопределенного возраста. Недалеко от них лежал пропитый алкоголик в луже собственной мочи. Милиционеры из линейного отдела не обращали на него никакого внимания и чуть поодаль грызли семечки, помахивая резиновыми дубинками. Им смертельно надоела работа и они ждали окончания смены.

"Тут будет чем поживиться", — подумал Макс, стараясь побыстрее войти в здание вокзала.

Он был одет в светлый костюм, белую рубашку с синим в полосочку галстуком и бежевый плащ. Небольшого размера лакированные туфли и золотые очки довершали картину респектабельного молодого человека...

Макс взглянул на расписание движения поездов.

"19.45 Калининград — Москва № 109 " — прочитал он в самом низу. "Платформа № 3". Это то что надо.

Макс неспеша пересек вокзал, стараясь не бросаться никому в глаза, посмотрел на часы — "19.18". Значит поезд уже должен стоять. Он взбежал по ступенькам на нужную платформу. Поезд, действительно, уже подогнали и проводницы, морщась от осенней прохлады, повылазили из вагонов.

Макс медленно шел вдоль поезда, наслаждаясь вечером. Где-то внутри мозга уже ожил червячок, предчувствуя скорую обильную трапезу. Макс внимательно рассматривал уже подошедших людей, оберегающих свой багаж и наблюдающих за ними безразличных проводниц.

Возле головы поезда пассажиров еще не было, и Макс, ускорив шаг, направился туда. Издали он увидел молоденькую, наверное, только после школы или курсов, проводницу, которая одиноко стояла возле открытого вагона.

Придав себе вид запыхавшегося человека, он широкими шагами подошел к девушке.

— Извините, — Макс старался, чтобы его голос звучал с европейским акцентом. — Это поезд на Москву?

— Да, — ответила проводница, разглядывая его.

— Тогда я к вам. — Макс вынул из кармана бумажку и сделал вид, что читает. — Восемнадцатый?

— Да, восемнадцатый, купейный, — девушка заинтересовалась немного странным пассажиром.

— Слава богу! — Макс засмеялся. — Как это по-русски? Проводница тоже улыбнулась.

— А я поехал на Северный вокзал, и ждал там. Если бы не случайность, опоздал бы.

— На такси тут быстро, — возразила проводница.

Пассажир опять рассмеялся.

— Я с группой из Гамбурга. Детей везу в Москву. Один совсем замотался. Но в Москве нас атташе по культуре встретит...

Он засуетился и посмотрел на часы.

— О! Не успею всех довести, им ведь все дай посмотреть, дети... — Он с мольбой взглянул на проводницу. — Вы не поможете? Я естественно все оплачу, вашу помощь... атташе будет очень благодарен...

Девушка с сомнением посмотрела в середину поезда. Начальника видно было. Да и немец ей определенно понравился.

Вообще то правилами категорически запрещено отлучаться, но она подумала, что начальник поезда будет даже рад, если она поможет детишкам.

— Хорошо, пойдете. Где они, ваши ребята? — Она закрыла вагон и посмотрела на соседний. Проводница оттуда еще не вышла.

— Там, внизу...

— На автостанции?

— Да, я помню, но не знаю, как это называется. Они прошли через здание вокзала и вышли в город. Уже стемнело. Девушка поежилась.

— Далеко они стоят? А то мы можем не успеть...

— Нет, уже близко. За углом.

Они вошли в темную аллею, ведущую к автовокзалу. Ни один человек не рисковал сюда заходить. Под ногами расплескивались лужи, перемешанные с мокрыми листьями.

— Мы уже пришли, — сказал Макс и когда она в недоумении подернулась, зажал ей рот и нос тряпкой, пропитанной чем-то вонючим. Проводница дернулась и тут же обмякла. Макс оттащил ее в кусты и опустил на землю.

Потом он побежал на остановку такси. Несколько одиноких машин безнадежно светили зелеными огоньками. Макс подошел к одной из них.

— Куда едем? — высунулась голова таксиста. Он был молод, наверное, двадцать два, двадцать три года. Длинная челка спадала на лицо.

"Такой вопросы задавать не будет", — решил Макс.

— У меня жена там, — взволнованно сказал он. — Ей плохо, надо быстрее в больницу. Не меня сонного выражения лица, таксист произнес:

— Сперва деньги, парень. Это будет стоить тридцатник.

— Я дам тебе пятьдесят, помоги ее донести, — умоляюще попросил Макс. Таксист с сомнением посмотрел на него, но когда Макс вынул из кармана полтинник, сразу же преобразился.

Взяв деньги, он живо вылез из машины.

— Давай, приятель, где она?

— Там, — показал Макс. Через три минуты они погрузили ее в машину.

— Что с ней? — любопытствовал шофер.

— Сахарный диабет, а инсулин закончился. Надо быстрее! — Макс понимал, что поиски начнутся немедленно.

— Куда едем?

Макс назвал адрес и таксист, заметно превышая скорость, покати по пустынным улицам.

Они остановились за несколько домов от нужного. Машина уехала. Проводница начала

приходить в себя и тихо постанывала.

Скоро она очнется и могут быть неприятности, — подумал Макс. Он достал шприц, наполнил его из маленького флакончика и закатав рукав, медленно нажал на поршень. Через минуту подействует.

Действительно, через некоторое время она пришла в сознание, если это можно было так назвать. Ее красивые глаза заволокла мутная дымка.

— Ты можешь идти? — спросил ее Макс.

— Да, — медленно ответила она.

Макс поднял ее на ноги и потащил к черному входу.

— Как красиво, — сказала она, глядя куда-то в пустоту. — столько огней и небо все — зеленое... где мы?

— В Москве, — ответил Макс. — Пойдем быстрее, нас ждут.

Но быстрее она не могла. Озираясь по сторонам, девушка постанывала от восторга.

"Хорошо, что на улицах никого нет", — подумал Макс.

Глава 18.

Утренний наст затянул асфальт в скользкий серебряный щит. По последним сводкам число аварий на дорогах резко возросло, чуть ли не на сто процентов. Имелись жертвы.

Василий переделся в гражданский костюм, начинающий отдавать нафталином, натянул недавно купленную зимнюю куртку — пуховик без единой пушинки и вышел на оживленную улицу перед общежитием.

На остановке, экономя остатки домашнего тепла и мужества, толпился народ в ожидании какого-нибудь транспорта. Как назло, дул пронзительный северный ветер, завывая в ветвях обледеневших деревьев. Серое небо с примесями дождя или снега хмуро перестраивало ряды едва видневшихся облаков.

Василий скептически оглядел мерзнущих людей и быстрым шагом пошел по тротуару, огибая глянец покрытых грязью и льдом луж.

Прошло ровно полчаса с того момента, как он покинул общежитие и поднялся на четвертый этаж большого административного здания в центре города, окруженное черным частоколом железного забора и вмещающее в себя сотни две различных контор.

На вахте его остановила шупленькая старушенция с хитрыми бегающими глазками, облаченная в синий, чуть ли не до пола длинный халат. Пока он подробно не объяснил, куда, к кому и зачем направляется, она стояла перед ним, как ракетносец "Петр Великий", полная решимости при случае дать достойный отпор. Ее снисходительность пришлось купить за пятьсот рублей. Столько стоил одноразовый пропуск.

В фойе первого этажа виднелись два лифта, но Василий предпочел ступеньки. Поднявшись на четвертый этаж, он увидел массивную черную дверь с белой табличкой. На ней было что-то написано по-английски, и, хотя он не изучал этот язык, сразу понял, что попал по адресу.

Оттуда доносилось несколько голосов, мужских и женских, но понять, о чем они разговаривают, было трудно.

Заметив неподалеку золотистую пепельницу на длинной изогнутой ножке, он неспеша выкурил сигарету и заодно посмотрел, чем балуется народ. Народ, наверное из бедности, курил исключительно Мальборо-лайт. И только пару раз кто-то попробовал Вог.

Теперь уже без промедления, Василий открыл дверь и вошел в большую, ярко

освещенную комнату, представляющую собой типичный офис. Как всегда, черно-белый, словно люди, работающие в нем — поголовно дальтоники, экстра-компьютеризированный и, естественно, со шторами-жалюзи.

На самом крайнем, ближайшем к двери, необъятном столе красовалась безлика, как на памятниках, табличка "Оформление страховок". С другого края стола стоял компьютер, принтер и в большом кожаном кресле сидел мужчина средних лет с вспученными глазами. Его строгая прическа и такой же официальный костюм только подчеркивали готовые вот-вот вывалиться белки. Выглядело все это смешно, но потом становилось неприятно. На его груди висел квадратик с надписью "Яков Семенович", и чуть ниже, "менеджер".

Абсолютно никто из большой, кипящей работой или ее видимостью комнаты не обратил на Василия никакого внимания, кроме Якова Семеновича.

Он, на удивление легко поднялся из кресла и поздоровавшись, спросил:

— Что вы хотели? — при этом его голос звучал ровно и спокойно, как у палача на эшафоте.

Василий уселся на стоящее перед столом кресло из алюминиевых труб и окинул взглядом помещение.

Яков Семенович, поерзав, воцарился на свое прежнее место.

— Так что вы хотели? — повторил он, нетерпеливо перебирая большими пальцами рук.

— Я, собственно, хотел застраховаться, — начал Василий. — В городе так много фирм, что глаза разбегаются, а хочется, чтобы не обманули, чтобы все солидно было, — он с сомнением взглянул на золотые запонки менеджера. Тот поскорее убрал руки под стол. — Я спортсмен, сами понимаете, постоянные поездки, травмы. Как лечиться начинал, половина заработанного идет на лекарства. А если что-нибудь произойдет... Родители не выдержат.

Менеджер понимающе склонил голову.

— А каким спортом вы занимаетесь?

Василий достал разрядную книжку альпиниста.

— Кандидат в мастера спорта. В погранвойсках пришлось стажироваться.

Яков Семенович внимательно изучил удостоверение и положил его на стол.

— Да, — спорт опасный, — согласился он. — Значит вы хотите застраховаться?

— Не помешало бы, — Василий засмеялся и спрятал книжку в карман, — от несчастных случаев, ну и от... смерти.

В комнату вошли посетители, но, увидев, что место занято, тут же вышли. На потолке, гоня воздух вокруг себя, стрекотал вентилятор.

— Тем более, я, наверное, не ошибусь, выбрав вашу кампанию, вас страховалась моя сестра.

— Да?! — удивился пучеглазый, — давайте посмотрим, как фамилия? — Он придвинулся к клавиатуре и выжидательно посмотрел на Василия.

— Коновалова. Ирина.

Менеджер машинально набрал имя и ввел его в компьютер. Несколько секунд он молча смотрел на экран, потом медленно перевел взгляд на Василия.

Казалось, что глаза у него держатся на одних ниточках.

— Здесь какая то ошибка, — наконец он раскрыл рот. — Вот, посмотрите сами... Она никогда у нас не бывала.

Василий перегнулся через стол и взглянул на экран. Он выглядел абсолютно пустым, не считая окна действующем программы.

— Странно. Она мне вроде бы говорили, что пойдет.

— А что за сестра? — поинтересовался менеджер.

— Двоюродная.

— Нет, такой у нас не было, — он откинулся в кресле и кивнул ни компьютер, — там ничего ни потеряется. Это раньше, бумаги, бумаги, все постоянно теряется...

— Ну ладно, — Василий поднялся, — тогда я пойду. Честно говоря, времени сегодня маловато.

— А как же страховка?! — встревожился Яков Семенович, потирая ладони.

— Зайду на днях, — ответил Василий и вышел. В коридоре стояло человек пять, читая правила страхования.

Он спустился вниз и под зорким взглядом старухи покинул здание. Все-таки, они что-то скрывают, — подумал Василий, пересекая улицу и выискивая телефон-автомат.

Наконец, после пятой попытки работающий телефон нашелся. Та часть, к которой прижимают ухо превратилась в смятое железо и разбитую пластмассу, но гудок каким-то чудом оставался ровным и мощным.

Попеременно, Василий набрал номер Архипова, затем Литвинова. Ни того ни другого на месте не оказалось. Длинные звонкие гудки падали на дно уха и тут же затихали.

Он повесил трубку и решил позвонить позже, а пока можно пройтись по городу.

Когда неделю назад его вызвал Архипов, Василий был слегка удивлен, но услышав фамилию Литвинова, сразу все понял и мысленно поблагодарил старика.

В патрульно-постовой тоже неплохо, но в итоге есть риск растерять все мозги, если они у тебя были. Ходишь с дубинкой, как болван, собираешь пьяниц или полночи отсиживаешься по знакомым палаткам и барам, вместе с водочкой, разумеется. Иначе там не живут. Знакомый патрульный в этой среде — что-то вроде полубога. И защитит и кое на что закроет глаза. Разумеется не за так.

Ему такая жизнь начинала надоедать, и Литвинов, похоже, понимал это. То, что Василий подсказал Архипову, наклюнулось как-то само собой. Когда что-то кажется слишком сложным, значит оно очень просто. Архипов воспринял его совет без энтузиазма и Василий понимал его. Он свернул на Ленинский проспект.

Стаи машин большими порциями жужжа и рыща пронеслись в обе стороны. Возле ресторана "Атлантика" инспектор Гаи, распухший от одежды, зорко всматривался в поток рентгеновским взглядом, и том месте все водители понижали скорость до черепашьей, старательно отводя глаза от человека с жезлом. Он, видимо, принимал это как должное и стоя почти посередине дороги не обращал внимание ни на троллейбусы, идущие прямо на него, ни на резко увеличивающиеся обороты двигателей позади его. Так сказать, контрольно-пропускная полоса.

Обогнув ресторан, Василий зашел в магазин электроники полюбоваться японским чудом. Чуда особенно не наблюдалось, но микроволновки, пылесосы и видеки покупали довольно бойко. Он постоял возле витрины с фотоаппаратами, любуясь, в основном, ценами, которые доходили до двух миллионов за экземпляр. Может быть даже они того и стоили. Потолкавшись еще немного, он вышел, глубоко вдыхая холодный воздух.

С неба посыпался мелкий снег, похожий на крупу. Дороги моментально намокли и шум машин сделался невыносимым.

Еще раз бесполезно позвонив в управление, Василий направился в общежитие.

Он решил не огибать Северный вокзал, а спуститься и пройтись по путям, тем самым

сокращая путь вдвое.

Уже почти в самом конце, у автостоянки, его окликнул запыхавшийся голос, что-то спрашивая.

Василий повернулся и успел заметить приближающуюся к его голове бейсбольную битку. Рефлекторно отворачивая лицо, он почувствовал, как разлетается его затылок на тысячу маленьких твердых осколков. В мозгу прокатилась яркая волна колючей боли и он отключился, увидев только битку и больше ничего. Пластиковую черную битку, которые продаются в "Спорттоварах" за сто семьдесят пять тысяч рублей.

Глава 19.

Архипов вошел в кабинет шефа в шесть вечера. Уже стемнело, но снег, зарядивший днем, только усилился, постепенно одевая город в белые одежды. Почти все работники уже разошлись по домам, остались дежурные и оперативники. В здании свирепствовала тишина.

— К вам Батурин не заходил? — спросил он Литвинова, застывшего над стаканом воды.

— Нет, не видел.

— Странно, но я тоже. Он сегодня должен был пойти в страховую компанию.

— А потом?

— После сюда. Но меня некоторое время не было. Ездил на птицефабрику. — Архипов посмотрел на мокрое пальто и стряхнул остатки тающего снега.

— Меня тоже не было. Он скорее всего в общежитие пошел. Чем ему еще заниматься? — Литвинов наконец то допил воду.

— В том то и дело, что нет. Я звонил. Он даже не приходил.

— А сколько времени?

— Уже почти шесть. — Архипов беспокойно закурил.

— Придет, — сказал Литвинов. — Какие его годы? — Он подмигнул капитану.

— С утра я кое-что нашел, — Архипов достал из папки листок. — Позвонил в Госстахнадзор и аккуратно выяснил, что эта компания существует месяцев восемь. Хотя она и является страховой, своим капиталом не обладает и заключила договор с одним крупным английским страховым обществом, а те перестраховывают все договора. Короче, действуют, как посредники. Как им это удалось — неясно, об этом мечтает большинство подобных компаний, но выйти на серьезных перестраховщиков очень трудно. Окольными путями эта фирма связана с самим ЛЛОЙДОМ. Так что, скорее всего в их отношениях мы ошибались. Это слишком серьезная компания. Директор — Карташов. Но его сейчас нет, он в Германии.

— Это который историк? Не тот случайно? — поинтересовался Литвинов.

— Точно. А вы его знаете?

— Как свои пять пальцев. Он вне подозрений. Умный, но честный человек, таких сейчас мало. Теперь у меня не осталось сомнений, что мы обознались.

Архипов внимательно посмотрел на шефа.

— Вам конечно, виднее, но не мешает с ним переговорить.

— Конечно, съезди поговори, исключительно интересный человек.

— А Батурин? — с тревогой спросил Архипов.

— Явится твой Батурин. Свободу получил, кто ж откажется погулять? Так что не забивай себе и мне голову чепухой. — Литвинов словно очнувшись, махнул рукой. — Подключай Василия и продолжайте заниматься старой версией. Там хоть что-то было не воздушное.

Глава 20.

Голова звенела многотонным медным колоколом, отдавая в виски и затылок оглушающими ударами. Глаза нестерпимо болели, пронзаемые яркими раскаленными иглами, доходящими до самого мозга. Где-то в районе левой щеки и уха саднило с такой силой, будто и щеку и ухо срезали не очень острым лезвием. Индейцы, например.

Мысли превратились в недоваренную манную кашу — они сбились в одну большую твердую кучу, которая никак не хочет вариться.

Кто-то раскладывает рассыпчатые комочки по маленьким зелененьким тарелочкам. А вот и огонек прибавился! Скоро вся кашка сварится. Ну же, детки, налетай!

Э! Мои старые знакомые! Наташенька и Танечка! А почему это у вас вместо носиков такие смешные хоботки? Не знаете? А я знаю! Это чтобы легче кушать было, давайте, налетайте!

Пучеглазый навис над ним всей своей противно рожей, только вместо двух, с его лица взирал, но какой! огромный и белый как снег глаз, из которого, извиваясь, сбегали покрытые красными коврами лестницы.

На самой вершине центральной лестницы толпились люди к форме и смотрели на необъятный экран в глубине глаза. Люди кричали, прыгали и хлопали в ладоши. Показывали бейсбол.

Со всех сторон все громче и громче доносилось смачное чавканье, перемежающееся с игрой на пианино.

Огромный выбивающий на экране, весь голый, но в квадратном шлеме, и в маске, закрывающей лицо, застыл в изготовке. Затем медленно бита начала перемещаться по плавной траектории снизу вверх. Зал притих в ожидании.

Он даже разглядел желтое название фирмы-изготовителя на черном корпусе биты. Игрок почти попал. Только вместо мяча летела его голова с искаженным от ужаса ртом.

Василий дернулся и разлепил глаза. Его мутило и очень хотелось пить, губы пересохли и покрылись трещинками. У самого горла стоял сладкий привкус тошноты, умиротворенно урчащей в желудке.

Голова лежала на чем-то шершавом и твердом. Под боком находился большой выступ, причиняя тупую боль. Ровно гудел мотор.

Василий пошевелил руками, обнаружив что они не связаны. Простору оказалось не очень то много. Сверху — железная холодная крышка, под ним — запасное колесо, куча тряпок, какие-то, железки. Воняло маслом и бензином. Одна из самых вонючих тряпок была заботливо обернута вокруг его лица и головы. Наверное, чтобы помягче казалось.

Значит багажник. Веселенькая перспектива. Интересно, кто за рулем, пучеглазый?

Он попробовал перевернуться на другой бок, чтобы пощупать замок. Под колесами безразлично шуршал асфальт. Никто не гудел, не свистел, не разговаривал и не проезжал мимо.

Мешала запаска. Василий втиснулся поглубже в багажник и стараясь не шуметь, перекатился на другой бок. Эта операция вызвала сильное головокружение и его чуть не вырвало. Сдержавшись, он глотнул пропитанный бензином воздух, отчего стало только хуже.

В кармане брюк должна лежать зажигалка, если ее кто-нибудь не приватизировал. Нащупав карман, он нашел зажигалку.

Слава богу! Только больно уж воняет. Василий несколько секунд пролежал с

зажигалкой в руке, раздумывая, рванет или нет. Черт с ним!

Пламя осветило синюю внутренность багажника. Замок располагался на середине и к нему приходилось тянуться. Он почувствовал, что еле-еле владеет дрожащими руками. Сухость во рту усилилась.

Минут пять он соображал, что конструкция замка очень проста. Если нажать на язычок, багажник тут же откроется. Нащупав рукой металлическую деталь Василий погасил зажигалку и замер.

Тошнота резко подкатила к горлу. Он зажмурил глаза и прижался щекой к внутренней обивке багажника.

Потом, уже почти не соображая и теряя сознание, надавил на язычок и перекатился через бортик.

Скорость была под восемьдесят. Он упал с глухим звуком; царапая и корябая тело протащило метров десять, прежде чем оно неподвижно застыло посередине дороги.

Василий с трудом приподнял голову. Лицо горело, левая рука не чувствовалась совсем, а из ноги сквозь разорванную ткань сочилась кровь. Позвоночник и все тело ломило и выкручивало самым жестоким образом.

Красноватые огоньки габаритов удаляющейся машины постепенно скрылись из виду.

Он облегченно опустил голову на ледяной асфальт. Было, конечно, темно, ни луны, ни звездочки, но все-таки не так темно, как в багажнике. И вдобавок, свежий воздух.

Василий лизнул уже успевший образоваться наст. Постепенно тошнота отходила, забиваясь в самый дальний угол под ударами холода.

Куртка-пуховик несколько смягчила боль при падении, но от замерзшего асфальта она не спасала.

Через несколько минут Василий различил дорогу, скрывающуюся в темноте, высокие, с белыми полосочками на боках деревья по обе стороны и подернутое местами белым поле, утопающее в ночи.

Потом он почувствовал ветер, не сильный, но промораживающий так, что пальцы отказывались сгибаться, а лицо задубело, превратившись в маску.

Лежать долго было нельзя. Можно замерзнуть заживо или дожидаться, пока в машине обнаружат его отсутствие. Здесь его спасла темнота. Водитель просто не заметил, что багажник открылся.

Василий оперся на руки и с огромным трудом поднялся, как будто первый раз в жизни. Сделав первый шаг, он чуть не упал, ноги отказывались идти, а голова — держать равновесие.

Ледяной ветер, словно почуяв жертву, моментально усилился и без труда проникал сквозь одежду, вызывая лихорадочную дрожь.

Шатаясь из стороны в сторону и сунув руки поглубже в карманы, он побрел по дороге, съезжившись и сторбившись. Нащупав в кармане сигареты, он сразу же закурил, еле удерживая сигарету в негибающихся пальцах.

Ни одной машины, ни одного огонька в обе стороны. Только неясно вырисовывающиеся телеграфные столбы со свисающими проводами.

Он так и шел, все время прямо и прямо пока дорога не превратилась в безбрежный, покрытый льдом океан. Завывающий ветер и разбитые глыбы льда, а он — среди них, бежит, ищет выхода, тепла, а их нет. И вдруг видит, что сам уже врос в здоровенный кусок прозрачной замерзшей глыбы и чукчи-ледорубы стучат по гладким стенкам своими

молотками. Он пытается крикнуть им... и не может.

Его за плечо тряс какой-то человек. Василий открыл глаза и ощутил на лице горячий воздух.

Молодой паренек несмело теребил его за плечо, заглядывая в лицо. На вид ему было лет девятнадцать.

Василий перевел дух, ему показалось, что он снова в той самой машине. Он с трудом отличал реальность от видений.

Паренек, увидев, что пассажир открыл глаза, облегченно вздохнул и положил одну руку на руль.

— Приехали, — сказал он. — Вылезай.

Василий ни понял, о чем идет речь.

— Куда? Куда приехали?

— Как куда?! — изумился водитель. — В аэропорт, в Борисово. Далековато вышло, но вы обещали заплатить...

Василий в недоумении уставился на малолетнего шофера. Тот старался не смотреть в сторону пассажира, кляня себя за то, что не разглядел его получше, когда сажал. Застывшая кровь на лице, разбитая голова, весь грязный, рваный. Болван! Ноги бы унести теперь...

— А как я к тебе попал?

— Вы меня остановили и...

— Где?

— Не доезжая Светлогорска, там до моря километров восемь оставалось. Вы из-за дерева вышли, резко так, чуть не упали. Я испугался, что собью и остановился. Вы потом сели в машину и сказали в Борисово ехать, в международный и сразу уснули. — Паренек решил умолчать о деньгах.

Василий покопался во внутреннем кармане и на удивление обнаружил там свою корочку. Водитель сразу успокоился, когда прочел ее содержание,

— У тебя есть что-нибудь попить? — Василий вспомнил про жажду. Парень протянул ему полторалитровую бутылку колы. — Ладно, ты завтра или послезавтра заедь в управление, отыщи меня, я заплачу.

Выходить из теплой машины не хотелось. Разбитое тело вообще отказывалось повиноваться, голова опять начала кружиться. В глазах поплыли огни освещенного аэровокзала.

Он кивнул водителю и с большим трудом вылез из машина. Счищенный с тротуара лед был сложен в большие неровные кучи. Ветер по причине отсутствия деревьев разгуливал с особенной щедростью.

Собрав последние силы, Василий дошел до дверей и приоткрыв их прошмыгнул внутрь. Струя теплого воздуха от вентилятора, встроенного в стену приятно ударила в лицо, расслабляя застывшие мышцы. С наслаждением он протянул отмороженные руки навстречу теплу. Закрыв глаза, Василий простоял бы так вечность.

— Эй, ты, пошел отсюда! — позади внезапно раздались тяжелые, не внушающие доверия шаги.

Он повернулся. Перед ним, помахивая дубинкой, стоял омоновец. Ноги на ширине плеч. Высокие шнурованные ботинки, плотная фигура и злобная рожа.

Василий медленно полез в карман.

Омоновец наблюдал за его движениями с презрительной полуусмешкой и

нескрываемым отвращением.

Откуда ему было знать, что Василий ободранной в ключья рукой вытащит удостоверение старшего лейтенанта областного уголовного розыска.

Омоновец с недоверием пробежал глазами по строчкам и несколько раз сверил оригинал с фотографией. С трудом, но сходилось. К его огромному сожалению.

Как-то неловко пожав плечами, он попятился назад, показывая, что путь открыт. Его мясистые губы беззвучно шевелились, выдавая напряженную работу мысли.

— Где сувенирный киоск? — спросил Василий, окидывая омовца долгим пронзительным взглядом с разбитой физиономии.

Тот замотал головой, словно разучился говорить и показал рукой вправо и вдаль. Там находилось несколько киосков под одной крышей. Все, кроме одного, были закрыты. Народу вокруг почти не оказалось, кроме небольшой группы, внимательно изучающей расписание. Большие электронные часы показывали без двадцати восемь.

Чувствуя на спине тяжелый взгляд омовца, Василий приблизился к сувенирному киоску, отбрасывающему на зал яркий отблеск света.

Все свободное пространство на витринах и внутри заполнили предметы народного промысла, картины и изделия под антиквариат, по цене приближающиеся к подлинникам.

Прижав руку к глубоко поцарапанному бедру, Василий взглянул внутрь.

Таня увлеченно читала книгу. Ее губы, обведенные неяркой помадой, тихонько повторяли увиденные слова. На ней было черное узкое вязаное платье с маленьким, таким же черным узором на сердце. С шеи змеилась тонкая золотая цепочка. Ниспадающие волосы почти касались левой руки, в которой находилась книга.

Василий замер возле стекла, боясь пошевелинуться. Он смотрел на нее и думал, что она ему нравится. Очень нравится. Что он очень хотел бы дотронуться до нее, провести рукой по мягким волосам, по шелковистой коже и утонуть в ее лучистых глазах. Навсегда.

Наверное, она что-то почувствовала, потому что взглянула через витрину и застыла от удивления и испуга. То, что она увидела, наверное, мог перенести только омовец, да и то с трудом.

Таня поднялась со стульчика и продолжала смотреть не произнося ни слова. Василий никак не мог припомнить, как встречают покойников, стоя или сидя. Наверное, все-таки стоя.

Она покраснела, покраснели ее тонкие ноздри, но она так и не нашлась, что сказать.

— Привет, — произнес Василий. — Ты кажется хотела страшную историю?

Ее губы разомкнулись.

— Привет. — И все. Тишина.

Впрочем, ему и этого было достаточно. Ноги подгибались от усталости, голова гудела, тело ломило — можно и умереть здесь, рядом с ней. Сейчас он только этого и желал, но омовец зорко следил из-за угла и наверняка бы не допустил суицида.

— Можно мне войти? — спросил Василий, опираясь на прилавок.

Таня открыла дверь киоска и отошла чуть в сторону. Ее испуганные глаза не мигая, оценивали размер повреждений. Пододвинув единственный стул, она скрестила руки на груди.

— Ты... ты, что ты тут делаешь?

Он пожал плечами.

— У тебя есть зеркало?

Таня покопалась в маленькой черной сумочке с плетеными длинными ручками и отыскав косметичку, протянула ее Василию.

Секунду Василий вглядывался в свое отражение и затем, удовлетворенно хмыкнув, аккуратно провел рукой по щеке.

— Могло быть и хуже, черт побери! Как думаешь?

— Что с тобой случилось?

— Застраховался от несчастных случаев. С утра.

— А к вечеру решил разбогатеть?

— Вроде того. Я между прочим, и не думал, что приеду сюда, это случайно получилось.

Таня отстраненно стояла у витрины с картинами. Весь ее вид выражал по меньшей мере неодобрение. Тонкие черные брови изогнулись, а в уголках рта появились озабоченные морщинки.

— Тебе не надо было сюда приезжать. Даже случайно. Шеф этого не одобряет.

— А ты?

— Я тоже... — она старалась не смотреть ему в глаза.

Василий перевел дух. Сердце гулко стучало, и он не знал, почему, то ли от боли в ноге, то ли от услышанного.

— Ты не догадываешься, почему я здесь? Признаться, будь я в сознании, когда называл адрес, то вряд ли б ты меня увидела. Просто я очень хотел встретиться с тобой еще раз. Слишком банально, правда?

Таня упрямо смотрела в пол.

— Но когда находишься в таком состоянии, — Василий помолчал немного, — то, поверь, условности как-то забываются. Я сегодня наткнулся на след, который очень плохо пахнет. Это когда я попробовал застраховаться. Очнулся в багажнике машины под Светлогорском... Еще чуть-чуть и все, кормил бы рыбок. Так что не думай, что я на что-то претендую, но после той встречи я все время думаю о тебе... ладно, извини. Я пойду. — Василий тяжело поднялся.

Таня смешалась.

Он закрыл за собой дверь и с трудом волоча ноги, поплелся в объятия омовца. На его затылке, смешавшись с волосами и грязью виднелась черная запекшаяся кровь, испачкавшая светлый воротник куртки.

О чем он думал? Таня молча смотрела ему вслед не зная, что делать. Обернувшись, она заметила на прилавке аккуратно свернутый листок в клеточку. Раньше его не было.

С замирающим сердцем она развернула страничку и прочла написанные мелким наклонным почерком стихи. Прекрасные, полные непреодолимой тоски и нежности. Вместо посвящения стояло одно короткое слово — "Тане".

Она с надеждой взглянула на дверь аэропорта, но там со скучающим видом слонялся только одинокий омовец.

Глава 21.

Где ты пропадал, черт возьми? — спросил Архипов, но тут же осекся, осматривая ободранное лицо Василия, занявшего единственный свободный стул напротив стола.

— Страховался. — Тот попытался улыбнуться, но саднящая щека превратила улыбку в перекошенную гримасу.

— Там что ли?

— Да.

— В таком случае, наши опасения оправдываются. Нужно побыстрее производить обыск, пока они не очухались.

Василий покачал головой.

— Уже поздно. Если что-то и было, то вчера вечером все уничтожили. — Он подробно рассказал про вчерашнюю прогулку в область, опуская разговор с Таней.

Архипов задумался, вращая в пальцах наполовину сточенный карандаш.

— А что была за машина?

— Я не знаю. Помню только синий цвет и все. Меня чем-то наспиговали, наркотики наверное. — Василий закатал рукав и показал две маленькие точки — следы уколов на месте сгиба локтя.

— Значит, все-таки, это афера со страховками.

Василий кивнул и выудив в лежащей на столе пачке сигарету, закурил.

— Будь это простое общество, получить сколько-нибудь приличную сумму не представлялось бы возможным.

— Вообще то, на сколько застрахуешься, столько и получишь, — сказал Архипов, потирая виски.

— Так то это так. Но если денег нет, то на сколько не страхуйся, получишь, в крайнем случае на бинт с зеленкой. Никак не на бутерброд с черной икрой. А имея договор с перестраховочным обществом и предоставив свидетельство о смерти, они, наверняка, сдирают солидный куш. На западе это могут быть сотни тысяч долларов. Но нам мягко посоветовали не влезать в это дело.

— Откуда ты знаешь про перестраховочное? — спросил Архипов.

— Я успел переговорить с Литвиновым. Он сообщил мне свои выводы.

Капитан с досадой посмотрел в окно.

— Мы пробовали чего-нибудь добиться официальным путем. Безрезультатно. Никто не хочет связываться с этой конторой. У них сильное прикрытие наверху. Есть надежда поговорить с директором, он сейчас в Германии, а когда вернется — неизвестно.

— А Литвинов? — Василий аккуратно потрогал пострадавший затылок.

— Он ничего не может сделать.

— А что можем сделать мы?

Прежде чем ответить, Архипов долго разминал в пальцах многострадальную сигарету. Казавшаяся такой спасительной, версия только усложнила все дело. Мало того, что люди пропадают, так оказывается, что их перед этим страхуют. Никто этих людей не видел и не слышал, так что иногда появляется сомнение в их существовании. Вдобавок ко всему, следствие натолкнулось на весьма сильное противодействие с неизвестной стороны. Если пресса что-нибудь пронюхает, скандала не избежать.

— Будем искать человека в черном. У нас не остается выхода, — ответил, наконец, Архипов.

— А пучеглазый? Он тоже что-то знает.

— С ним тоже следует поговорить, но вряд ли он выйдет завтра на работу.

— Почему? У нас против него ничего нет. Если он сбежит, то навлечет подозрения.

— Ты так думаешь? Но в любом случае, с ним надо поговорить, — Архипов закашлялся и отпил из стакана воды. — И еще, установить наблюдение за конторой.

Василий потер большую ногу и стряхнул пушистую палочку пепла.

— А что с этим "в черном"?

— Бесполезно. Насколько мы понимаем, он единственный исполнитель или посредник.

Находит людей, входит с ними в контакт, переправляет в безопасное место. Может быть, еще посылает письма. У нас есть несколько автопортретов, но они расплывчаты.

— Почему бы не показать их на телевизору? — спросил Василий.

— Потому что они разные. А еще может подняться паника.

— Так они расплывчатые или разные все-таки?

Архипов медленно выдвинул верхний ящик стола и бросил на стекло три автопортрета.

Друг на друга они походили примерно как кошка на собаку. То есть в общих чертах.

— Да... — протянул Василий. — Что же делать? Архипов криво усмехнулся.

— Отдыхать. Ждать. Тебе две недели отпуска.

— Но...

— Никаких но. Это приказ. Поправляй здоровье, а то на тебя жалко смотреть. Я сам доложу Литвинову, а как отдохнешь, продолжим...

Василий поднялся и кивнув вышел из кабинета.

Глава 22.

Уже целых полдня Василий околачивался возле здания, где располагался офис страховой компании. Шел густой медленный снег. Его хлопья были похожи на куски сахарной ваты. Крыша промокшего дома покрылась толстым белым одеялом.

Привычное послеобеденное многолюдье сменилось вечерним затишьем. Потемнело рано, где-то в районе пяти часов. Почти во всех окнах свет погас, кроме нескольких, в том числе и в компании.

За весь день к зданию подъехало с дюжину машин синего цвета. Василий старательно записывал их номера в блокнот. Ни в одной из них признать ту самую не представлялось возможным.

Весь предыдущий и сегодняшний день, считаемый началом его отпуска, он думал, кто бы мог его так подставить. Или пучеглазый, или те, кто стоит за ним. Не исключено, что люди, которые так старательно читали объявления. Вернее, один из них.

Он вспомнил тонкие сигареты в пепельнице. Пара штук. Может быть, их оставил посетитель, а может и тот, с кем он хотел бы поговорить лично.

Если они страхуют людей, которые исчезают, значит это выгодно. И им самим и так называемым потерпевшим. Но тогда они не стали бы прибегать к таким крутым мерам. Впрочем, все возможно.

В половину восьмого с автомобильной стоянки разъехались последние машины, пробираясь через навалившийся снег. Чуть позже, ближе к восьми, потух и свет. Здание погрузилось в кромешную темноту. Лишь у входа сиротлива горела желтая лампочка.

Василий подошел к двери и постучал. Через минуту раздались глухие шаркающие шаги. Лязгнув замок и в проеме появилось напряженное лицо старухи с полусонными глазами.

— Что надо? — коротко спросила она и тут же добавила, — уже закрыто, никого нет.

— Из милиции, — Василий сунул ей в лицо красное удостоверение.

Бабка долго его изучала, периодически потирая глаза с редкими ресницами и пожевывая. Наконец она изрекла:

— Что-то вы сегодня разъездились? Случилось что?

Василий не мог попомнить, чтобы к зданию подъезжала милиция. Вполне возможно, что они были в штатском и он не заметил.

— Да все нормально, можно войти? Старуха пропустила его и заскрежетала засовом.

— Я быстро взгляну и вернусь, — сказал ей Василий и начал подниматься по лестнице.

Она кивнула и направилась к тускло освещенному столу на котором дымилась чашка чая и лежала засаленная газета.

Свет наверху выключили и ему пришлось достать фонарик — авторучку. Знакомая пепельница оказалась очень пустой, даже какой-то вылизанной.

Василий подошел к двери страховой компании и прислушивался, поглядывая по сторонам. Слева, закручиваясь гирляндой, опускалась вниз лестница, справа темнел очень длинный коридор, усеянный по бокам множеством дверей. Еще дальше, в самой глубине, виднелось большое двустворчатое окно, такое же мрачное как и коридор. О его наличии он понял по слабенькому отражению фонарика в конце коридора.

Дверь общества казалась солидной. Даже очень. На трех петлях и с тремя замками, она весила не меньше пятисот килограммов.

Василий посветил на замок и усмехнулся. Открывать их нечего было пробовать. Гиблое дело.

Он взглянул повыше на стену, где штукатурка соприкасается с краской. Там тянулись телефонные провода. Два из них исчезали за дверью. Ничего похожего на сигнализацию Василий не заметил.

На всякий случай он тронул несколько раз здоровенную бронзовую ручку, которая лучше бы смотрелась на каких-нибудь дворцовых воротах и пошел к лестнице, удрученный неудачей.

Уже у лестницы он скорее почувствовал, чем услышал, тонкий, едва различимый писк, продлившийся каких-нибудь пару секунд.

Василий остановился и медленно повернул голову, направляя в ту же сторону доморощенный фонарик.

Дверь приоткрылась буквально на пять с небольшим сантиметров, однако он смотрел на появившуюся щель с чувством человека, который смотрит на приоткрывшийся сейф швейцарского банка.

Сердце переключило скорость и запрыгнуло в самый дальний свободный угол. Он развернулся и на цыпочках подкрался назад, к двери. Тишина. Такая плотная тишина, что на нее можно класть кирпичи.

Василий нажал на дверь и та уже беззвучно распахнулась во всю ширину. Внутри оказалось еще темнее, чем снаружи. Фонарик еле-еле пропахивал в темноте тусклые бороздки.

Где же искать?!

Если бы он знал, что именно нужно искать, то на этот вопрос ответ нашелся бы побыстрее... Вполне возможно, досье, договора... Хотя бы на эту, как ее там?..

Василий плавно перевел лучик на стол пучеглазого.

Яков Семенович мирно отдыхал на клавиатуре собственного компьютера. Его полуприкрытые двери сковала дремота. Улыбку на лице омрачало только одно. Рваный разрез от уха до уха.

На черном столе и клавиатуре крови почти не было видно, зато она в изобилии пропитала его дорогую рубашку и костюм.

Василий подошел ближе и дотронулся до него. Еще теплый. Максимум, час назад, когда снег резко усилился и он перестал обращать внимание на выходящих людей.

Кто-то знакомый, иначе бы он не улыбался, — подумал Василий, рыская по его многочисленным карманам и стараясь не запачкаться в крови. Ничего кроме бумажника с пятьюстами долларов при нем не обнаружилось. Ни документов, ни ключей — ничего.

Не долго думая, Василий засунул бумажник во внутренний карман куртки.

Значит, пучеглазый был в курсе. Василий припомнил его ошарашенное лицо во время недавней беседы. Решили, раз я сбежал, убрать лишнее звено. Которое вполне могло заговорить.

Интересно, зачем они его тут оставили? Проще было, как меня, в машину и в море. Или решили уже наверняка...

Но, всяк, если они решили оставить его тут, значит опасаться им в этом кабинете нечего. Скорее всего, самое важное давно лежит в другом месте... А тем не менее, пучеглазый заработался допоздна. Когда уже все ушли. Это говорит о том, что он или одержимый трудоголик, что по его виду не скажешь, или по вечерам он делает то, что надо скрыть от посторонних глаз.

Однако пучеглазый должен был подстраховаться — мелькнула у Василия быстрая мысль. — Евреи никогда, не отличались глупостью.

В этот момент, продираясь сквозь стены до его уха долетел протяжный вой сирен.

Когда звук приблизился к зданию, соображать, что это, скорая, которую вызвала бабка, отравившись чаем, или пожарная, времени не оставалось.

Выдернув из кармана носовой платок, Василий наспех вытер все, к чему прикасался и в последний раз посветил на пучеглазого. Тот уже никуда не спешил и улыбался чему-то своему. Засов внизу угрожающе заскрипел.

Василий кинулся по коридору, стараясь ступать мягко. У виска пульсировала жилка, но мозг работал трезво и расчетливо.

Направо вниз вела лестница. Далеко позади стучали кованые башмаки группы захвата. Василий перелетел через пролет и вышел в коридор второго этажа. Теперь ощущение создавалось такое, что звуки шагов и отрывистые голоса доносятся со всех сторон.

Прямо на него смотрела жирная буква Ж. Василий распахнул дверь туалета и подбежал к окну. Оно оказалось распахнутым настежь, видимо, проветривалось.

Внизу белел пушистый ковер снега. Василий моментально вспомнил, что с угла здания асфальта нет. Земля в том месте была приподнята и на ней находилось что-то вроде клумбы.

Ждать дальше становилось опасно. Никаких сомнений, что они перероют все здание.

Василий влез на скользкий подоконник и присев, прыгнул вниз. После приземления в несколько смягчивший удар снег, в области таза появилось сильнейшее жжение. Левая покалеченная нога снова заныла.

Лежа в снегу, он осторожно огляделся. Светлая куртка служила, хорошей маскировкой, но этим ее достоинства исчерпывались. Из-за угла и дальше по улице были слышны неясные голоса и более отчетливые переговоры по рации.

Василий поднялся и согнувшись в три погибели пошел прочь, хромя как ветеран гражданской войны. Только оставив позади несколько кварталов и свернув в темный проулок, он облегченно вздохнул.

Умышленное убийство, черт возьми! — подумал он. — И попробуй докажи, что ты находился рядом чисто случайно. Значит, за ним все это время следили, и раз не удалось

убрать его одним путем, решили следовать другим, более верным. А что, если и сейчас они... — Василий резко огляделся. Кроме желтых фонарей и снега никого.

Но теперь и впрямь ему начало мерещиться что со всех сторон невидимые глаза наблюдают за ним.

Василий выскочил на дорогу и поймал проезжающее такси. Шофер осторожно притормозил и сам открыл дверцу.

— Куда тебе? — коротко спросил он. Василий подозрительно посмотрел на него и удовлетворившись, сел.

— Куда едем? — повторил водитель, хмурясь.

— Прямо, — ответил Василий. — Давайте в ночной магазин.

Шофер чмокнул языком и надавил на газ.

Проспект опустел. Ряды маленьких голубых елей нарядились в пухлые снежные ватники. Никто и не думал приступать к расчистке дорог, покрывшихся скользким заснеженным настом. Почти вся правая полоса скрывалась в высоких неровных сугробах, местами резко обрывающихся на темные прямоугольники голого асфальта. Недавно э этих местах стояли машины.

У светящихся неоновых вывесок магазинов и баров, борясь со снегом и ветром иногда проскакивали запоздавшие прохожие. Облепленные с головы до ног снегом они старательно отворачивали лица от налетавших порывов и походили на солдат, держащих равнение направо.

Василий, откинувшись в удобном сидении опустил голову на высокий по подголовник. Водитель, держась за руль одной рукой, тихонько напевал себе под нос что-то из Шуфутинского. Играло радио, но на него, казалось, обращала внимание только резиновая красotka с желтыми завитыми волосами, свисающая на тонкой блестящей ленточке с зеркала заднего вида. Она неистово раскачивалась во все направления, частенько сбиваясь с ритма.

Они ехали к Северному универсаму. Василий понял это, когда заметил здание прокуратуры на Горького. Невысокое и массивное с множеством окон и оконцев, оно вызывало различные чувства, но только не радость.

Василий молчал. Ему было о чем подумать, но в голову, как назло, не лезло ни одной толковой идеи. В глазах до сих пор стоял улыбающийся пучеглазый. Вернее, сидел. Василий похлопал себя по многострадальной куртке. Локоть и край переда были мокрыми и опять в чем то вымазались, наверное, при падении.

Однако, бумажник на месте. Он чувствовал исходящее от кожаного прямоугольника тепло. Пятьсот баксов.

Внезапно радио как-то странно захрюкало, песня оборвалась и наступила молчаливая пауза, прерванная шелканьем и тонким шипением. Затем из динамиков полился чистый мужской голос, похожий на Капеляна.

— Внимание жители города и области. За совершение тяжкого преступления разыскивается Батулин Василий Аркадьевич, бывший работник милиции. Обвиняется в убийстве с целью ограбления. Приметы... — далее шел словесный, очень точный его портрет. — Час назад его видели в районе улицы Пролетарской. Граждан, что-либо знающих о месте нахождения этого человека просят позвонить по телефонам... Вознаграждение гарантируется.

Василий похолодел. По спине поползли мурашки. Все тело, руки, ноги, и даже волосы

словно онемели. Он с трудом сглотнул показавшуюся горькой слюну. Василий отказывался верить в услышанное, но сообщение прозвучало еще раз, возвращая его к действительности. Он боялся повернуть голову. Шею сковало стальным обручем. Однако водитель, не меняя позы, продолжал тихонько насвистывать. Теперь Василий угадал что-то про лесоповал. Как нельзя кстати.

— Значит, Василий, — еле слышно произнес шофер и умолк, пропуская стайку машин на светофоре.

Василий счел за лучшее не отвечать. Кисти рук сцепились друг с другом словно в предсмертной схватке. Пытаться что-либо предпринять не имело никакого смысла. Наверняка рука шофера любовно поглаживала монтировку.

— Что натворил то? — спросил водитель, краем глаза поглядывая на пассажира. Наткнувшись на глухую стенку молчания он покачал головой и закурил, протягивая сигареты Василию. — Бери. Успокойся, никто тебя сдавать не собирается. Сам только как три месяца на свободе. Ненавижу.

Василий закурил. Руки мелко дрожали.

— Замочил кого? А? — не унимался водитель.

— Нет. Подставили.

— Кто, свои?

— Не знаю, Свои поверили. Или их заставили поверить. — Василий пощупал карман куртки. Фонарика не было. Он исчез. Скорее всего, в суматохе потерял. Лучше бы в снегу, когда выпрыгивал. А если забыл на столе? — Он почувствовал как волосы встают дыбом.

Они подъехали к ночному магазину. Пластиковый бело-красный корпус, огромные окна, выплескивающие наружу яркий свет, расчищенные мраморные ступеньки и народ...

Людей было много, самых разных, молодежи, стоящей прямо у входа и несмотря на холод, развлекающуюся пивом, домашних хозяек в накинутых поверх домашних халатов демисезонных пальто, спешащих за свежим хлебом, постоянных клиентов — забулдыг, обмотанных потерявшими свой цвет и форму одеждами и затравленно наблюдающих за полкой со спиртным и множеством других людей, в силу различных причин оказавшихся рядом с магазином.

— Шофер притормозил метрах в тридцати.

— Тебя ищут, — сказал он. — Полгорода уже знает, как ты выглядишь. А в магазинах радио работает круглые сутки. За вознаграждение в наше время... — он многозначительно замолчал и вздохнул.

Василий протянул пятьдесят тысяч.

— Возьми, пожалуйста, коньяка и поешь что-нибудь. И сигарет. Шофер кивнул и вылез из машины.

Если они уже узнали его имя, значит связались с управлением. А там дали добро. Своих так быстро ни сдают, чтобы не произошло. За этим кроется что-то очень серьезное. Второй раз ребята сделали промашку, но теперь он почти что в клетке. Бандиты, милиция, — все хотят его увидеть. Очень хотят. И все из-за того, что он знает, что страховая фирма страхует не по правилам. Или трупы страхует, или черт знает что еще. Пучеглазый, наверное, оказался слабым звеном. Они решили, что он проболтался и убрали парня. А теперь никуда не сунешься, чтобы по носу не получить. Если поймают, разговор будет короткий. Да... — Василий поглядел по сторонам. Мысли, мягко говоря, лезли не самые веселые.

Шофер вернулся довольно быстро с квадратным полиэтиленовым пакетом, набитым

доверху продуктами.

— Держи. — Он залез в машину, сразу же завелся и включил печку на полную мощность. — Куда теперь? Василий посмотрел на него, потом на пакет и пожал плечами.

— Тебе некуда идти? — шофер задумался, потирая руки. — Да с... влип ты парень... кому же ты так сильно насолил? Хорошо... У меня за городом есть хутор, от родителей остался... Поживешь там пока. Как немного развеется, что-нибудь придумаем. Сам не знаю, зачем это делаю. Наверное, потому что сам в это шкуре был. Чувствуешь теперь, что значит волком быть? Когда флажки, охотники, кругом стрельба, а у тебя одна надежда — на ноги, да на мозги. Но больше на ноги, думать, и основном, некогда. Бывает... — Он внимательно посмотрел на Василия.

Василий подумал, что водитель по всей вероятности ежедневно сталкивается с такими маленькими неприятностями, но, поблагодарил Бога, что подвернулся такой человек.

— А сам где живешь? — спросил Василий.

— Я в городе. На квартире у жены. Сам не верю — дождалась ведь. Остались ведь еще люди...

Василий не понял, что он имеет в виду, но на всякий случай кивнул. Машину занесло на извилистом повороте и задние колеса заскользили, потеряв опору. Проходивший мимо по блестящему тротуару пьяница со всколоченными волосами и белым от падения левым боком вскинул руки и вспоминая дальних родственников опрокинулся на спину. Выставив руки вперед он замотал головой — ему показалось, что машина уже раздавила его. Все обошлось, но он так и остался сидеть, переживая увиденное.

— Останови, — вдруг сказал Василий. Они как раз проезжали главный вход центрального рынка, усеянный промокшими коробками и стоптанной грязью.

Водитель недоуменно посмотрел в его сторону, но все же притормозил. Желтый глаз светофора издевательски подмигивал, как будто у него случился нервный тик. Василий протянул полтинник.

— Пойдет? — не получив ответа, он положил купюру в углубление перед лобовым стеклом. — Где тебя найти, если что?

Записав адрес, Василий вылез из теплой машины и ступил ногой в снежную кашу. Машина немного постояв, несмело дернулась и исчезла за поворотом.

Пакет с коньяком и продуктами оказался довольно тяжелым. Сверху из него аппетитно ворчала французская булка чуть ли не метровой длины.

Гнусный желтый свет фонарей едва-едва пробивал мглистый снежный сумрак. Люди проходили и исчезали в подворотнях словно тени, не оставляя о себе никаких воспоминаний, кроме неуверенных отпечатков ног. Нереальность происходящего горела в мозгу сонливой надоедливой лампочкой.

Василий вернулся немного назад и оставив слева спорткомплекс Динамо и тяжелые бетонный забор, увешанный бесчисленными рекламными плакатами, вышел и Северному вокзалу, вздымающему над собой снопы белого света.

Палатки и магазины позакрывались, переводя дух до завтрашнего дня.

В глубине вокзала, за мрачным подземным переездом шуршала милицейская рация. Там находился опорный пункт и Василий обошел его с левой стороны, там, где здание вокзала стыдливо прикрывало свою грязь и пошлость обшарпанной бывшей гостиницей для моряков.

Площадь белела своей громадой и простором. Освободившись от дневного гнета автостоянки, она на несколько часов сбросила свою непристойную мелочность и

суетливость и теперь была тем, чем она и должна быть, свободной, ровной и гордой, как в былые времена.

Юркнув в крошечную темноту улицы Генделя, Василий почувствовал себя посвободнее, несмотря на то, что справа теперь возвышались стены некогда всемогущего КГБ.

Глава 23.

Наташа открыла дверь и ее полный ужаса взгляд неподвижно уставился на него. Она была в сиреновом халатике с мелкой янтарно бахромой и домашних тапочках на босу ногу.

— Привет, — сказал Василии, — можно?

Она мгновение что-то решала, при этом ни ее личике отразилась жестокая борьба добра и зла. Василий так и не понял, что же в конце концов победило, но она отошла к стороне и закрыла за сабо дверь.

— Что случилось? — спросила она. Ее голос звучал приглушенно и с некоторой хрипотцой. — Тебя ищут. По радио несколько раз передавали... Это же ты? Да?

— Да. К сожалению, это я, — Василий разделся и подмигнув ей, отчего она чуть-чуть отшатнулась, прошел в комнату, волоча за собой пакет.

Наташа вошла за ним следом. Ее бледные глаза очень подходили к халатику. Василий поставил на стол бутылку и немедленно ее откупорил. Телевизор молчал, молчало и радио вместе с Наташей.

Говорят, что женщина хороша, если она большее время молчит, но сейчас Василий многое бы отдал, если бы у Наташи прорвался ораторский талант. Но этого не происходило. Она просто прислонилась к косяку с застывшими каплями краски и смотрела на него не произнося ни слова.

— Сядь. — Сказал ей Василий. — Достань рюмки и сядь.

Она подошла к стенке и извлекла оттуда рюмку. Одну. Потом присела на краешек кресла. Очень трогательно и целомудренно.

Василий хихикнул, нервы начинали сдавать.

Наполнив рюмку, он выпил ее не закусывая. Через минуту повторил. Тревога постепенно начала сдавать звон позиции и подталкиваемая алкоголем, вскоре вообще исчезла.

Наташа очень старалась выглядеть немо и спокойной. Первое получалось, а второе с трудом.

— Я никого не убивал, — наконец сказал Василий. — Так получилось, что меня подставили. Просто взяли и подставили. Знаешь как это делается?

Наташа кивнула головой.

— Знаешь... Видела в фильмах. — Там это интересно, думаешь, как же этот парень теперь выкрутится, когда все против... Вот также теперь и я. Только не понарошку, а в жизни. Теперь каждая собака меня узнает, если увидит. Большое хоть вознаграждение?

— Десять тысяч, — произнесла Наташа и закашлялась.

— Ничего. Для лейтенанта с полугодовым сроком службы — вполне нормально. Как ты считаешь? Не хочешь, кстати, подзаработать?

Она встала с кресла, подошла к нему и с чувством залепила по щеке. Ее покрасневшее лицо напряглось, а сама она готова была вот-вот разрыдаться.

Василия никогда никто не бил по щекам, но он часто видел, как это делается в кино.

Странно, но он почувствовал облегчение, словно вдруг смешавшиеся понятия чести, добра, дружбы снова заняли свои надлежащие места.

— Спасибо, — сказал он беря ее за руку. — Просто мне надо было знать.

Она выдернула руку и достав еще одну рюмку снова присела на кресло. Василий, теперь уже неспеша, разлил коньяк.

— Ты хочешь знать, что произошло на самом деле, правда?

— Да.

— Если смотреть снаружи, то все просто. Архипов, то есть теперешний мой начальник, рассказал мне про одно дело, над которым он бьется вот уже семь или восемь месяцев. Короче, люди пропадают. Никакой системы, никакого подбора, абсолютно разные, но обязательно молодые. Женщины, я имею в виду. Он мне сказал, что перерыли весь город, но следов найти не могут, представляешь? Я сперва подумал, что их продают в рабство и увозят в нелегальные публичные дома. Это — самая первая мысль. Но Архипов сказал, что эту версию проверяли чуть ли не первой. Поговорили с местными турками, немцами, литовцами, в общем со всеми, кто этим руководит, но никто из них такими делами не занимается. Вернее, занимаются, но методы другие. Впрочем, они могли и соврать, но есть маленький нюанс. После исчезновения каждой приходило письмо с инициалами и какой-нибудь частью тела. Небольшой, разумеется. Конечно, подобной наглости торговцы живым товаром себе позволить не могут. Все-таки они делают бизнес, зачем так себя подставлять? Сразу на ум приходит маньяк. Вроде Чикатило. И характер и почерк и мания — все присутствует. Признаться, до сегодняшнего дня эта версия мне нравилась больше всего. Знаешь чем?

— Чем? — спросила Наташа. Ее глаза лихорадочно блестели.

— Отсутствием улик. У нас нет ничего или почти ничего. Так может работать одержимый. Или... — Василий задумался. — Или профессионал. Маньяк, в отличие от профессионала не думает, чтобы кого-то подставить. У него это, конечно, может выйти неумышленно, но он вряд ли будет думать о ком то конкретно. Он просто делает свое дело, безошибочно, не оставляя никаких следов. Маньяк может путать следствие, делать ложные ходы, что-нибудь посылать — но все это лишь следствие его мании или комплексов. Рано или поздно, он попадает, потому что у него нет конкретной практической цели. А вот профессионал — то может бегать всю жизнь.

Так вот, случайно в то время я читал книгу про страховые делишки и подумал, а почему бы и нам не проверить такое дельце. В нашей стране еще плохо налажена борьба с такого рода мошенниками и им подобными, нет хороших специалистов по страхованию. На западе, между прочим, в сфере страхования — один из самых больших процентов финансовых преступлений.

Мы обзвонили все наши страховые конторы. Заинтересовала одна. Сначала они сплеховали, сказали, что сведений не дают, а потом исправились и стали говорить, что никого из пропавших знать не знают. Я поговорил с менеджером, а сегодня вечером он оказался мертв. Причем я его труп обнаружил первым. Совпадение? Как бы не так. Милиция словно ждала за углом, пока я его найду. Бабка — дежурная, конечно, могла описать им мою внешность, но фамилию она вряд ли могла запомнить. Хотя, возможно и такое. Мне же кажется, что кто-то следил за мной и стукнул в самый неподходящий момент.

— А грабеж? При чем тут грабеж?

— Я забыл там свой фонарик. Он естественно с отпечатками. И еще — это. — Василий

сходил в прихожую и вынул из кармана бумажник, бросив его на стол. — Пятьсот баксов. Оставлять жалко было.

— А откуда они узнали про него?

— Я не знаю. Кто-то очень близко сотрудничает с этим обществом. Слишком у них все быстро и толково получилось. Перед большими деньгами никто не устоит. Меня быстренько отправили в отпуск и как только я снова начал копать, решили приструнить. А письма мог посылать тот же пучеглазый, то есть менеджер. В порядке страховки.

Наташа легонько постукивала пальчиками по деревянным подлокотникам кресла. Она немного успокоилась, но все услышанное не вызвало у нее реакцию бурного восторга.

— И что ты теперь собираешься делать?

— Не знаю. Нужно как-то выбираться из всего этого. У тебя можно пока остаться? Пока не подыщу что-нибудь получше?

Ее лицо стало серьезным как у монашки во время причастия.

— Куда ж ты еще пойдешь? — сказала она. В ее голосе проскользнули материнские нотки. — Оставайся.

— Укрываешь преступника, — засмеялся Василий.

Она махнула рукой, словно защищаясь.

— Я радио не слушаю.

Глава 24.

Улица Катина располагалась на самом краю города. Василию потребовалось почти два часа, чтобы найти нужный дом. Это был особняк старинной немецкой постройки, обнесенный массивным литым забором из чугуна.

Покатая крыша, в отличие от всего дома, выглядела новой из-за красной, хорошо подогнанной друг к другу черепицы. Закопченная квадратная труба курилась жиденьким ручейком черного дыма.

С остальных сторон дом надежно прикрывался обклеенными снегом деревьями. Летом здесь, должно быть, райский уголок. С левой стороны двора, у стопки расколотых дров виднелась большая собачья будка.

Василий надвинул шляпу поглубже на лоб и поправив очки, сверил номер дома. Сходилось.

Прежде чем войти в дом, он долго изучал неподвижную конуру. Оттуда доносилось сытое чавканье.

Василий прошел по заледеневшей тропинке, обозначенной с обеих сторон рядками кирпичей. Ветхое крыльцо окутывали голые вьющиеся лианы, забирающиеся на крышу. чуть правее крыльца темнело грязное окно, по ту сторону которого стояли горшки с засохшими комнатными растениями.

Звонок прозвучал деловито и весело, но словно в другом мире, отделенном толстой стеной.

Долго ждать не пришлось. Послышались быстрые шаги и на крыльцо вышел мужчина средних лет, одетый в голубые джинсы и черный вязаный свитер. Его глаза смотрели цепко и настороженно, как у белки.

— Что вы хотели? — спросил он, оглядывая двор.

— Поговорить. Вы муж Натальи Феоктистовой?

Он напрягся и постучал ладонью по косяку.

— Да. Она исчезла. Вот уже полгода или больше. Нам не о чем говорить.

— Я думаю, что есть о чем. — Василий сделал шаг вперед.

Мужчина постоял еще с минуту, что-то обдумывая, и пропустил его в дом. Внутри было тепло. Пахло прогорклой кашей и салом. Вещи в беспорядке валялись по всему коридору... То же самое, наверное, было во всем доме.

— Кто вы такой? — спросил он, присаживаясь на пуфик, накрытый сверху ковриком с бахромой.

— Это долго объяснять. Некоторым образом я связан с вашей пропавшей женой.

Его глаза сверкнули и тут же потухли.

— Нет, — поспешил его заверить Василий, — конкретно я не видел ее и даже не знаю что с ней. Мне хотелось выяснить некоторые детали.

— В из милиции?

— Был из милиции. Те люди, которые знают, где ваша жена, подставили меня. Теперь чтобы выкрутиться, мне надо найти ее.

— Вы знаете, что с ней? — мужчина старался быть спокойным.

— Не. Пока нет. Но насколько мне известно, она не единственная в этом списке. — Василий посмотрел на его реакцию.

Он недоуменно потоптался и зачерпнул пятерней свои роскошные черные волосы. На его пальце сверкнул золотой перстень с бриллиантом.

— В каком списке?

— В списке исчезнувших.

Он выглядел искренне озадаченным.

— Вы хотите сказать... маньяк?

— Не знаю. Вы давно женаты?

— Восемь лет.

— Вы в курсе, чем занималась ваша жена?

— Да. — Он удивился. — Мы же работали вместе. Я- директор, а она — мой заместитель.

— И чем вы занимались?

— Сельхозпродукты. Выращивали, торговали.

— Скажите, а вы не застрахованы? — Василий следил за его лицом. Оно сохраняло известную невозмутимость.

— Нет. А зачем деньги переводить. Я считаю это глупостью.

— А ваша жена?

— Она, естественно, тоже. Мы как-то говорили об этом, но дальше разговоров дело не пошло. Мы этого не хотели.

Василий обвел взглядом прихожую. Во всем чувствовался недостаток, хотя беспорядок нарушал общую картину. Слева стояла специальная стенка для одежды, старая и тяжелая, как сам дом. Ее дубовые панели были инкрустированы деревом различных тонов. Мягкая пушистая дорожка скрывалась за темными, свободно висящими портьерами. Потолок пересекали деревянные балки, покрытые лаком. В них были вставлены матовые плафончики, из которых лился мягкий ненавязчивый свет. Справа, на стене висело огромное овальное, во весь рост, зеркало в раме из какого-то очень темного дерева. По его по бокам располагались изящные полочки, на которых когда-то стояла женская косметика, а теперь валялись отвертки и гвозди. Женщиной здесь и не пахло.

— А у вас есть ее фотография? Желательно посвежее? Мужчина подумал и скрылся за портьерами... Через пару

минут он вернулся, держа в руках цветной снимок.

— Это за неделю, как она пропала. На работе. Женщина на снимке была красива. Она сидела за столом с букетом роз. Ее лицо улыбалось. По ней не скажешь, что она готовила что-то серьезное.

— Я оставлю это у себя, хорошо?

— Да, да. Ради Бога, скажите только, надежда есть? Василий взглянул в его осунувшееся лицо и кивнул.

— До меня к вам кто-нибудь приходил?

— Нет. Вряд ли. Я же в основном на работе. Только милиция, но это было давно.

— А вы не помните фамилии человека из милиции?

— Нет... нет, не помню. Да он и не особенно представлялся. Приехал, показания записал и уехал.

— Он спрашивал вас про страховку?

— Нет. Он вообще мало вопросов задавал. Василий описал внешность Архипова.

— Он?

— Похож. Но я не уверен. Слишком давно это было. Мужчина сложил руки на груди. Разговор начал ему надоедать. Василий подошел к двери и открыл ее.

— Спасибо вам. Если что-нибудь выясню, сразу же поставлю в известность. До свидания.

Мужчина кивнул не меняя позы. Уже на крыльце Василий повернулся и спросил:

— А вала жена курила?

— Иногда.

— Какую марку сигарет?

— Женские. Кажется ВОГ.

— Спасибо.

Василий вышел на тропинку и поглядывая на конуру закрыл за собой калитку.

Если муженек что-то и знает, то скрывает это очень умело. Убитый горем муж. Ничего не скажешь, хорошая позиция. Впрочем, зачем он поделился фотографией? Может ему уже нечего терять?

Глава 24.

Примерно час потребовался на то, чтобы узнать где находится местное отделение "Госстрахнадзора". Василий вошел в трехэтажное здание брежневской постройки, начинающее потихоньку разваливаться на куски. Снаружи оно было выкрашено в розовый цвет, непонятно из каких соображений, то ли здесь жила мечта каждого гражданина, то ли просто другой краски не нашлось.

Потрескавшийся коричневый линолеум на ступеньках по краям свернулся в тонкие трубочки. Расшатанные перила при каждом прикосновении противно пищали.

Кабинет начальника находимся на последнем третьем этаже и возле него в рядок выстроилась дюжина умирающих стульев. В коридоре царил пустота, нарушаемая стрекотом пишущей машинки. Над стульями, приколотые к стене, большими блестящими кнопками нормативные акты и распоряжения. Почти на каждом из них стояла длинная неразборчивая подпись с причудливыми завитушками.

Дверь кабинета чернела добротной кожей. Василий толкнул ее и вошел внутрь, стрекот машинки моментально утих и на него устремились пара карих недоброжелательных глаз секретарши, — женщины средних лет в строгом, почти траурном, костюме украшенном с левой стороны янтарной брошью.

Внутри все оказалось выложено деревом светлого тона. С окна свисали многострадальные жалюзи.

— Что вам угодно? — спросила секретарша. У ней был очень большой рот и казалось, что слова чувствуют себя в нем не уютно.

— Начальник есть? — вопросом на вопрос ответил Василий. Это ей не понравилось. Она собралась было что-то сказать, но Василий не дожидаясь, прошмыгнул в дверь направо.

Секретарша дернулась, привстала, но потом махнула рукой и принялась снова печатать.

Начальником оказалась женщина лет сорока. Худенькая и тоненькая с заостренными чертами лица и слегка поседевшими волосами, стянутыми сзади в тугий пучок. Тем не менее, держалась она прямо и не производила впечатление мягкотелой.

Стол у нее был солидный. Очень солидный. Из-за чего директорша даже как-то еще больше уменьшалась в размерах. Справа от стола тянулся ряд шкафов, прогибающихся от тяжести бумаг. Позади нее по всей стене раскалилось что-то зеленое и вьющееся. Сам стол пустовал, если не считать трех замерших телефонов.

— Можно с вами поговорить? — спросил Василий. Она указала на стул.

— Присаживаетесь. — Ее брови качнулись вверх и в стороны. Они были настолько тонкими, что о них можно было порезаться.

— В общем то я из милиции, — рискнул Василий и извлек на свет удостоверение.

Она повертела его в руках и слегка наклонила голову. Василий не заметил, чтобы она что-то заподозрила.

— Что случилось?

— Пока ничего. Нас интересует информация о страховой фирме "Небо и Земля". Больше ничего. — Василий облокотился на край стола и замер в ожидании.

— Они у нас на хорошем счету. Почему они вас заинтересовали? — Женщина откинулась на спинку удобного кресла.

— У нас свои причины.

— Ну, разумеется, лейтенант Батулин. У вас, — она выделила это, — у вас свои причины, или вы думаете, что эти очки изменили ваше лицо до неузнаваемости? — Она с презрением посмотрела из-за своего стола.

Василий оцепенел. Она не могла знать, что он придет. Слежки за ним не было, он проверял несколько раз. Значит ее предупредили. Десять против одного, что в правом ящичке стола у нее пистолет.

— Вы не понимаете, с кем связываетесь, — быстро сказал Василий и вытащив пневматический пистолет, приобретенный им с утра, направил прямо ей в лоб.

Она побелела. Ее губы мелко задрожали. Наверное, ей показывали фотографию пучеглазого. После смерти, разумеется.

— Ну, что, теперь поговорим? Только не очень то руками дергаете, а то я нервный последнее время... Она, казалось, вросла в кресло и испуганно молчала.

— Кто директор этой фирмы? Рекомендую говорить быстро и только правду. В противном случае... — Василий чиркнул возле горла стволом пистолета.

— Карташов, — хрипло сказала она. — Карташов Юрий Афанасьевич.

— Где он ее час?

— Должен быть у себя. Но он редко бывает в городе. Он историк. — Она сбивалась, но все же говорила.

— Кто учредитель?

— Я не знаю.

Василий обошел стол и подошел к ней вплотную, приставив пистолет к виску. Она отшатнулась.

— Кто учредитель? — повторил он.

— Это иностранная фирма. Гражданин Англии, фамилию не помню.

— А вы попытайтесь вспомнить. Это очень важно. Она поднялась с кресла, медленно подошла к шкафу и минут пять там рылась. Наконец, она извлекла оттуда коричневую тонкую папку с белой наклейкой "Небо и Земля".

Тем же путем, не сводя глаз с пистолета, она вернулась за стол. Открыв папку привычным движением руки, она перелистнула несколько страниц.

— Учредитель — Лимас Фоух, гражданин Англии. Учредительный фонд — двадцать миллионов рублей.

— Где его можно найти?

— Он не живет в России.

— Как же он тогда зарегистрировал это все?

— Через адвоката.

— Фамилия адвоката?

Она приподняла голову и наткнулась на черное дуло. Тотчас ее пальчики забегали по бумагам.

— Вот... от имени Лимаса Фоуха, Александр Галтер.

— А этот живет в Калининграде?

— Да, он в коллегии адвокатов. Василий записал имя в блокнот.

— Какими видами страхования они имеют право заниматься?

— Всеми. Всеми видами. У них открыта большая кредитная линия, поэтому мы им доверяем.

— Что это значит — кредитная линия?

— Это значит, что они могут брать на себя риски, значительно превышающие их собственные возможности. Проще говоря, они выступают в роли посредников, страховых посредников.

— Кто ж им поверит на западе? — скептически спросил Василий.

— Не забывайте, учредитель, гражданин Англии...

— Он же все это и устроил? Она кивнула.

— Почему их все покрывают? Говори! — рявкнул Василий. Начальница начала заикаться.

— У — у... у них в мерии защита...

- Кто??!

— Н... Никитина. Она заместитель директора.

— Чем они там занимаются? Отвечай!

— Я не знаю... честно, — она опустила глаза, в которых стояли слезы. — Они нам платят и мы их не трогаем. Василий отошел чуть-чуть назад.

— Куда деваются застрахованные женщины? Начальница недоуменно покачала

головой.

— Я... я не знаю, о чем вы говорите.

— Кто вас известил обо мне?

— Это из милиции...

— Кто именно?

— Архипов. Да, Архипов. Он сказал, чтобы я...

— Чтобы вы...

— Позвонила ему, если вы появитесь.

— Вы, конечно, этого не сделаете?

— Нет, — тихо произнесла она.

— Хорошо, — сказал Василий. — Спасибо за информацию. В свою очередь, я вам скажу, что я никого не убивал. Меня подставили. В этой фирме проворачиваются большие аферы. Если вы считаете, что за некоторую сумму можете позволить себе посидеть в тюрьме, то валяйте, продолжайте? Как говорится, рано или поздно, все тайное становится явным. А то, что это уже не тайна, доказывает то, что я еще жив и уже много чего разболтал. Так и передайте своим благодетелям.

Василий резко вышел, хлопнув дверью. Секретарша проводила его ласковым змеиным взглядом. Нужно сматываться, пока они не вызвали сюда полгорода на подмогу.

Глава 15.

Архипов медленно поднимался в кабинет начальника. Под мышкой у него виднелась красная тисненая папка. Управление опустело. Прохладный воздух, проходящий в приоткрытое окно, шевелил листья фикуса.

Если бы кто-нибудь увидел капитана в этот момент, то, несомненно, подумал, что на того внезапно свалилась тяжелая утрата. Словно под весом папки он ссутулился и перебирал ногами как загипнотизированный лунатик.

Литвинов ожидал его у двери кабинета, опираясь на косяк. В его правой руке тлела сигарета.

— Что скажешь? — ровным голосом спросил начальник, когда они вошли в кабинет.

— Что говорить... Мы не могли всего предусмотреть, — ответил Архипов и опустился на стул.

— Ты все-таки думаешь, что это Батурин?

Архипов передвинул карандашницу и посмотрел на кусочек стола, свободный от пыли.

— Против него все факты. Мне очень жаль, но вряд ли он выпутается из этого. Если бы он не сбежал, может, что-то сделать и можно было... Батурин сам себя подвел.

— А ты на его месте стоял и ждал бы, а? Пока тебя сцапают возле тепленького трупа... Тем более, у него не было никакого резона убивать этого менеджера. С какой стати? — Литвинов выудил новую сигарету и закурил.

— Мы не можем знать всех причин.

— А что, эти причины, как ты их называешь, вообще существуют? — Литвинов косо взглянул на подчиненного. Ему очень не хотелось, чтобы Батурин оказался виновным. Тем самым он подставлялся под удар сам. Кто принимал Батурина на работу? Кто оказывал ему протекцию? По дело принимало плохой оборот. И Ленинградском отделе, который расследовал это дело, считали, что именно Батурин убил менеджера. Отпечатки пальцев на столе и на фонарике, показания дежурной — все вместе это походило на аккуратненькую

петлю, заботливо смазанную мылом и готовую в любую секунду затянуться на горле Батурина.

— Причины есть. Никто не отрицает, что это могла быть самозащита, например...

— Непохоже, менеджер выглядит слишком расслабленно. Он ни на кого не хотел нападать... К тому же, он улыбается. Значит убил его знакомый и приятный ему человек, которого он безбоязненно допустил к себе за спину.

— Его могли полоснуть и спереди.

— Вряд ли. — Литвинов выдохнул густое облако дыма. — Я узнавал у экспертов, характер раны такой, какой получается, когда режут сзади.

— Батурин мог его шантажировать. — Архипов вздохнул. — Когда я с ним разговаривал последний раз, мне показалось, что он что-то не договаривает. Причем существенное. Если здесь замешаны большие деньги, он мог на это пойти. Но менеджер оказался твердим орешком и пригрозил, что выведет на чистую воду. Батурин не знал, что менеджер чист и испугался. Вечером он пришел, убил его и скрылся.

— Кто же тогда позвонил в Ленинградский отдел? — Брови у Литвинова взметнулись вверх. — Не он же сам, мол, приезжайте быстрее, пока труп не остыл и я никуда не убежал! Архипов натянуто засмеялся.

— Могла позвонить дежурная.

— В том то и дело, что нет. Она говорит, что не звонила вообще никуда. В Ленинградском есть запись. Голос мужской, но он сильно изменен. И тому же мешается шум проезжающих машин. Звонили с большого проспекта. Наши эксперты только руками развели. Короче, этот момент посчитали не столь важным, но запись все-таки отправили в Москву.

— Звонивший мог видеть, как он убегает, — пожал плечами Архипов. — И у нас практически ничего нет, что бы его защитило... Литвинов вздохнул.

— Ты, наверное, прав, но, в любом случае, его еще не нашли. У него в городе практически никого нет, ой не может долго прятаться. Кстати, ты копии протоколов обыска этой конторы принес?

Архипов порылся в папке и положил на стол несколько листков, исписанных мелким почерком. От это ряби у Литвинова сразу же заболели глаза и он отложил листы на край стола.

— Ничего? Архипов отрицательно покачал головой.

— А картотеку смотрел? Застрахованных?

— Конечно. Все по закону. Там были еще люди из Росстрахнадзора. Они перерыли каждый листочек. Все чисто.

Литвинов погладил шероховатые листки подушечками пальцев. Ему было очень далеко до Кулагиной, которая руками определяла и цвет и запах и многое другое, но шестым чувством он не верил ни одному слову лежащего перед ним протокола. "Ленинградский ОВД капитан АВДЕЕНКО", — прочел он сверху.

— Ты этого Авдеенко видел?

— Конечно, он же мне и сделал эти копии. Шустрый малый. Сказал, что в два счета отыщет Батурина. У него на счет убийцы сомнений нет.

— А у тебя? — Литвинов пристально взглянул на капитана.

— Я не уверен, — ответил Архипов, — но я привык доверять фактам. Команда прибыла буквально через несколько минут. Никаких других следов, кроме как на заднем дворе, не

обнаружено. Прочесали все здание. Никого больше. Что тут еще можно добавить?

— Да... — вздохнул Литвинов. — Я, наверное, поторопился с его переводом. Теперь нужно его искать. И побыстрее. Но что же Батурин имел ввиду, когда упоминал связь между этой фирмой и пропавшими?

— Это была версия. Ничем не подкрепленная версия. Он, в принципе, мог узнать что-нибудь компрометирующее о них и используя власть, попытаться надавить. Если смотреть с такой позиции, становится понятно, почему он обмолвился об этом. Мы сразу по своим каналам начали узнавать, в чем дело. А для них это не замеченным никак не могло пройти.

— Но менеджер то мертв, — заметил Литвинов. — Значит, скорее всего, что-то знал.

— Или кто-то думал, что он знал.

— Кстати, откуда выяснили, что у него пропали деньги с бумажником? — спросил Литвинов.

— Вроде бы с утра работники вспомнили, что у него был такой...

— Да нет. Об этом было известно с самого начала, не с утра. — Литвинов потер покрасневшиеся виски. — Помнишь, — по радио как передавали? С целью ограбления...

— Да... — протянул Архипов. — не придавал этому значения.

— Вот, вот, кто-то об этом всем знал с самого начала. И он мог бы нам многое рассказать...

— Например, Батурин. Не сомневайтесь, что он проделал все это неспроста. Ему с самого начала было известно то, о чем он предпочитал умалчивать. Взять последний раз, когда он пришел весь избитый... Поневоле подумаешь, что парня преследует целая банда... Литвинов перестал гипнотизировать сигарету.

— Ты думаешь, он все подстроил? И сделал все так, чтобы мы думали, что его подставили? — Литвинов прикрыл глаза. — Тогда он же мог в принципе и в Ленинградский позвонить. Из ближайшего автомата. И полюбоваться работой оперативников. Это проясняет неувязочку с бумажником. Только непонятно, зачем? Зачем ему все это, он шел на сильный риск...

— Я сразу понял — что-то не так. Поэтому отправил его в отпуск и послал за ним проследить человека. Первый день он с утра до вечера торчал у здания фирмы. Потом вошел. Минут через двадцать приехали оперативники. Трое. Он как сквозь землю провалился. Позже нашли следы позади здания. Он спрыгнул со второго этажа. Литвинов изумленно уставился на капитана.

— Почему ты раньше мне об этом не сказал? Мы тут сидим, сказки сочиняем, а на деле все проще оказывается. Да... прогадал я. Поверишь вот так в человека, а тебе потом по голове все это оборачивается... Еще не известно, что он может натворить... Черт!! — выругался подполковник.

Через грязноватое окно лил робкий фонарный свет. Сверкающие ореолы, окружающие сгорбленные плафоны походили на нимбы святых великомучеников. Литвинов представил себе, как бы на том месте смотрелась его голова, но тут же решил, что вскоре она там и окажется. Красноватая жилка термометра стойко держалась на минус семи. Снизу иногда доносилось настойчивое дребезжание трамвайных вагонов. Автомобили, в отличие от трамваев, не шумели, а ехали словно крадучись, иногда попискивая клаксонами. Виной был гололед.

Подполковник наблюдал как маленькие белые снежинки неспеша падают вниз. Некоторые из них цеплялись за стекло и тут же застывали, образуя причудливые узоры.

— А Карташов присутствовал? — спросил он после пятиминутной паузы.

— Нет, — ответил Архипов. — Была Никитина, она его заместитель, оказывается.

— О боже, — проговорил Литвинов. — Какой тесны город. Она что-нибудь сказала насчет всего этого?

— Почти ничего. Только что менеджер работал у них почти с самого начала, был на хорошем счету, ни в чем не подозревался и претендовал на более высокую должность. О нем — больше ничего. Потом добавила, чтобы мы поскорее заканчивали, а то у них много работы. Не поверите, но Авдеенко все свернул за пятнадцать минут и убрался с глаз долой. Перед тем как уйти, они с Никитиной минут семь разговаривали в стороне. Затем он объявил, чтобы никто не волновался и что убийца почти уже найден. Я ушел. Никитина ушла сразу за ним.

— Она одна приезжала?

— Да, вроде бы одна. А уехала вместе с людьми из странадзора. Они о чем то спорили.

— По как же она ко всему этому отнеслась? — Литвинов вынул новую сигарету на забыл прикурить. — Я имею в виду убийство и все прочее... обыск?

— Нормально. Даже спокойно. Труп к тому времени уже убрали. Да его еще ночью отвезли. А обыск... Я бы не сказал, что она сильно волновалась, скорее наоборот. По ее внешнему виду ничего не скажешь — она сильная женщина. — Архипов поднес Литвинову зажигалку.

— Благодарю, — сказал подполковник. — То есть, скорее всего, ее устраивает официальная версия происшедшего.

— Скорее всего, да.

— А еще что-нибудь она сказала?

— Да, она сказала, что не хотела бы огласки. Это, де, помешает имиджу фирмы.

— Ясно. — Литвинов закашлялся. — Значит и она что-то может скрывать раз не хочет огласки.

— Сейчас многие скрывают, если не все. Они помолчали, раздумывая над этими словами.

— Насчет Батурина мыслей нет? Где его искать? — первым спросил Литвинов. — Если у него поехала крыша, то теперь он на многое способен...

— В общежитии нет и не появлялся. А еще... кто его знает, где он проводил сволочное время. Поговорю с напарницами. Литвинов кивнул.

— Ни твоим месте я не стал бы с этим тянуть.

— Я займусь этим завтра с утра.

— Да... — подполковник открыл рот, но видимо забыл, о чем хотел спросить, но сразу вспомнил: — что с этим маньяком? В черном? Архипов потупился.

— Ищем. Он оказался намного умнее и хитрее, чем мы считали. Проводницу поезда он свел перед самым отправлением, на глазах всего народа и других проводниц. Никто толком его не разглядел. Они ушли очень быстро он поддерживал ее за руку, как будто был давно знаком. Он, должно быть, очень умен, если вот так запросто уводит человека с рабочего места...

— И что, потом их никто не видел??

— Это же вокзал. Постоянные потоки людей. Там все стараются смотреть только себе под ноги, га на ручки своих чемоданов. По мы продолжаем там искать...

Литвинов злобно выругался и посмотрел ни свои погоны. Как раз на то место, где вот-

вот должна была появиться третья звездочка. Архипов тоже взглянул туда. Воцарилось неловкое молчание.

— Тебе и так многое прощается, — Литвинов посмотрел на капитана. — Так что, прежде чем делать, хорошенько думай.

— Понятно. Я стараюсь.

— Плохо стараешься. Ладно, иди.

Когда Архипов ушел, подполковник достал бутылку водки и граненый стакан.

— За звездочку, — сказал он Менжинскому, подмигивающему со стены, и залпом выпил.

Глава 26.

Василий сидел на кровати и следил за секундной стрелкой на больших, стилизованных под старину, часах, которые висели напротив. Равномерно, круг за кругом, она обходила свои небольшие владения, точно луч радара. Он чувствовал, что время куда-то безвозвратно уходит, капля за каплей просачиваясь а невидимую щель жизни.

Прошло две недели как его ищут. Сообщения по радио постепенно смолкли и он теперь даже тосковал по знакомым словам, начинающимся характерным треском и шумом.

Что-то очень важное никак не могло стать на свое место во всей этой суматохе. Чем больше он строил версий и предположений, тем гуще казались дебри умозаключений. Виноваты все и никто. Василий мог сколько угодно подозревать всех, о ком только едва слышал и таким же успехом делать этих людей невиновными. Пока кто-нибудь не сделает ошибку или наоборот, решающий шаг все будет оставаться по-старому. Капля за каплей. Круг за кругом.

Он вышел на кухню и налил себе стакан воды от которой за километр разило хлором. В углу удовлетворенно урчал холодильник. Его сытый звук действительно привлекал внимание кота, которые, выпрямив хвост, ласкался к большому белому собрату.

Василий подошел к телефону, но потом передумал, оделся и вышел на улицу, закрыв дверь запасными ключами. Наташа вернется только к вечеру.

Телефон-автомат в накренившейся зеленой будке находился через квартал.

Василий снял трубку, зажав в кулаке горсть жетонов. Пять минут ушло на то, чтобы узнать номер Калининградского отделения Интерпола.

Ответил деловой женский голос. Небольшие придыхания на концах слов делали его сексуальным.

— Калининградское отделение Интерпола, слушаю вас, — отчеканила она.

— Здравствуйте, — Василий собрался с духом. — Беспокоят из миграционной службы.

— Здравствуйте. Что вас интересует? "Съели", — подумал Василий.

— У нас возникла небольшая проблема, — Василий достал блокнотик. — Нектс господин Лимас Фоух подал нам свои бумаги. Гражданин Великобритании. Мне поручили проверить его. У директора какие-то сомнения...

— Одну минуточку... — она отошла от телефона. Василий почувствовал, как забилося сердце. Ее не было довольно долго. Затем трубку вновь подняли.

— Какого рода бумагу он подал? — спросила женщина. На том конце слышались еще два или три голоса о чем то спорящих.

Василий тоскливо посмотрел на разбиты телефон. Если бы он только знал, чем они там занимаются...

— Я точно не знаю, — ответил он как можно спокойнее, — что-то насчет временного вида на жительство.

— В Калининград? — последовал вопрос.

Василий понял, что почва уходит из-под ног.

— Ну да...

— Подождите еще немного, — она положила трубку. На этот раз голоса исчезли, видимо, она заблокировала обратную слышимость.

Пауза затягивалась.

Наконец она снова подошла.

— Вы из автомата звоните? — спросила она.

— Да, — ответил Василий. — Поэтому каждый жетон у меня на вес золота. Если вы еще раз так надолго отойдете, не забудьте перезвонить моему начальству и оплатить счет за истраченные монеты.

Она хмыкнула.

— Ладно, не кипятитесь. Мы просто искали. Хоть тут все на компьютерах, пока найдешь нужное...

— Что мне передать директору? — оборвал ее Василий.

— Лимас Фоух. Гражданин Англии, — прочитала она. — Формально за ним ничего не числится, но все же не рекомендовали бы выдавать ему разрешение.

— По каким причинам? — спросил Василий и тут же добавил, — у него довольно пронырливые адвокаты.

— В его прошлом много неясностей, — сказала она. — Ничего конкретного нет, но он подозревается в связях с экстремистскими группировками и ближневосточными террористами. Хотя, повторяю, конкретных данных у нас нет.

— А чем он занимается? — рискнул Василий, понимая, что вторгается слишком глубоко.

Она не обратила на это внимания.

— На его имя зарегистрировано несколько десятков компаний, но все они фиктивные. Есть сведения, что он обанкротил несколько фирм в Америке, используя кредитные карточки и выход через Интернет. Но это очень трудно доказать. Следы денег теряются на Сейшельских островах.

Василий вдавил трубку в ухо, боясь пропустить хоть слово.

— Ну что, вам этого будет достаточно? — в ее голосе проскользнула нотка игривости.

— Даже более чем, — ответил Василий. — Спасибо.

— Да не за что. Кстати, этим вашим Фоухом уже интересовались. У меня тут написано, что это второе обращение к файлу.

— И кто же? — затаив дыхание, спросил Василий.

Было слышно, как она листает бумаги.

— О! — послышалось в трубке. — Да они запросили полную информацию... адрес, телефон, род занятий...

— Кто же это? — не вытерпел Василий.

— А вам не все ли равно? — задала она в общем-то справедливый вопрос.

— Мы, как и вы, — нашелся Василий, — все должны знать. Но если это государственная тайна, то мы имеем к ней доступ. Позвоните начальству. — Василий чувствовал, как наглет. Это ей понравилось.

— А что вы делаете сегодня вечером, эмигрант?

Василий вытер вспотевший лоб.

— Вы не ответили...

Она, сдержанно засмеялась.

— Органы им интересовались, не знаю какие. Тут стоит код организации, которая обращалась. Это делается, чтобы в компьютерных сетях не просачивалось. ФСК, наверное. Но это было давно, месяцев восемь назад.

— Спасибо, — дрожащим голосом сказал Василий и повесил трубку на место.

Ему показалось, что от напряжения тает снег под подошвами ботинок. Однако, снег хрустел как хорошо поджаренные чипсы.

Он рассеянно подошел к киоску, купил газету, потом закурил. На последней странице была его аккуратненькая фотография с надписью "Разыскивается". Василий скомкал газету и выбросил ее в запыленную мусорку. Настроение сразу испортилось. Хотелось выпить. Руки немного дрожали.

Он медленно побрел вдоль улицы, наблюдая за проезжающими машинами. Медленно, очень медленно все становилось на свои места, хотя Василий прекрасно понимал, что многого не знает и даже не догадывается. Но то, что ему удалось выведать не очень то походило на детские жалости.

Василий подумал, что имеет смысл еще раз переговорить с дежурной в здании страховой компании. Такого рода бабки всегда держат нос по ветру. Если что-нибудь и могло произойти без их участия, то это, наверное, венчание эскимосов.

Облетевшие деревья аллеи сомкнулись над дорогой полукруглой аркой. Неугомонные вороны, гортанно крича, нарезали в небе бесконечные круги. По краям дороги, уменьшая проезжую часть чуть ли не вдвое, тянулся длинный покатый сугроб, покрытый черной копотью. По правую часть дороги выстроились монолитные желтые и светло-зеленые дома немецкой постройки. Покрытые снегом палисадники вокруг них казались чистыми и ухоженными. С левой стороны слабым морозным ветром доносило запахи зоопарка, располагавшегося сразу за высоким, в остроконечных пиках, забором.

Василий прошел еще несколько десятков метров и решив все-таки проведать старушку, повернулся в противоположном направлении.

Со стороны желтой коммерческой палатки, метрах в пятидесяти, к нему приближалось трое милиционеров. Один из них, который шел в центре, худощавый и длинный, о чем то напряженно говорил по рации, пицание которой оглашало пол-улицы. Глаза остальных двух били устремлены в его сторону. Они старались идти пешком, но их ноги сами сбивались на бег. Со стороны это выглядело очень смешно.

Василий резко обернулся. Сомнений не оставалось, его узнали. С другой стороны улицы, включив сирену и мигалку, против одностороннего движения пробирался милицейский уазик.

Прохожие, оказавшиеся в этот момент на улице, застыли и наблюдали, разворачивающиеся действия.

Милиционеры приближались. Чавканье снега под их ногами становилось все более отчетливым.

Василий с ужасом посмотрел на высокий забор. Но другого выхода не было. Вскарabкавшись по прутьям, скользким и обледеневшим, он перемахнул через пики и услышал как разрывается рукав. Холодный металл прошелся по коже, оставляя на ней

кровавый след.

Приземлившись в растоптанную грязь, он перекатило через плечо и вскочил на ноги. Позади раздались крики с требованием немедленно остановиться. Василий удивился про себя их уверенности и оптимизму. Впрочем, они были в большинстве.

Чуть правее, весь в грязи и навозе, лениво застыл ободранный бизон. На все происходящее он отреагировал восточным спокойствием, чуть качнув головой. Видимо, на большее не хватало сил.

Василий уже подбежал к следующему забору, когда патрульные, подсаживая друг друга преодолевали только первый. Уазик, высадив плотного кричащего человечка в штатском, развернулся и уехал. "Наверное, они перекроют центральный вход", — подумал Василий. Карабкаясь по ячеистому забору, вдвое выше ограждения, Василий представил себе план зоопарка. Основной вход располагался где-то прямо, значит, они будут отсекают всю левую часть.

Василий побежал по кустистому вольеру с множеством поваленных обглоданных деревьев. Всюду присутствовал едкий мускусный запах. Неожиданно под ногами мелькнула белая высохшая кость метровой длины. В то же мгновение позади раздался недовольный рык.

Василий почувствовал как похолодела спина, а в ногах появилась тошнотворная слабость. До следующего забора оставалось метров десять. Он преодолел это расстояние в два прыжка, цепляясь пальцами за ржавую сетку и отчаянно работая руками и ногами.

Только очутившись на самом верху, Василий рискнул взглянуть вниз.

Рыча и помахивая хвостом, там прохаживался большой пятнистый леопард.

Василий посмотрел на своих преследователей и ужаснулся. Один из них спрыгнул с сетки и первым помчался через вольер. Когда он заметил леопарда, было уже поздно.

Крик, полный боли, огласил окрестности зоопарка. Морда леопарда перепачкалась ярко-красной кровью. Василий отвернулся и преодолевая слабость перелез на другую сторону, предварительно оглядев каждый кустик. С левого края вольера мирно паслись горные козлы.

Свернув направо, Василий преодолел кольцевое углубление для воды, наполненное доверху зеленоватой жидкостью. Промокнув почти до пояса, он схватил кончиками пальцев за цементное ограждение и подтянулся к трубе, служащей забором.

Пока что все выглядело спокойно, но он знал, что минут через пять сюда соберете половина свободных нарядов и ОМОН впридачу.

Зоопарк смотрело уныло и одиноко. У клетки с обезьянками прохаживалось несколько зевак.

Поднимая хлюпающие ботинки, Василий побежал по узкой расчищенной дорожке мимо замерзшего пруда с множеством птиц.

Он пересек дугообразный мостик и только теперь услышал топот десятка ног и отдаваемые команды. Они находились где-то левее и позади его и бежали явно в сторону леопардов.

Добежав до крытого бревенчатого павильона, покрашенного в отвратительный голубой цвет, Василий обогнул его слева и через несколько секунд скрылся в железобетонном каркасе огромно конструкции непонятного назначения.

Распывчатая полутьма несколько успокоила его. Он остановился, закурил и насколько это получилось, не снимая отжал штаны и вылил воду из ботинок.

Медлить было опасно. Они могли начать патрулировать по периметру, тогда уйти было бы намного сложнее.

Спотыкаясь о трубы и строительный мусор. Басили приблизился к внешнему забору. Улица в этом месте была пустынна. Если по ней и проезжали машины, то крайне редко. Он аккуратно посмотрел налево, потом направо. Тихо. Это могло быть обманчивым впечатлением. Вздохнув, Василий схватился за прутья и подтянулся. Перемахнув забор, он кинулся в ближайшую арку и только когда пересек двор, затем дорогу и еще один двор, остановился, чтобы передохнуть.

В висках тяжело стучало. Сдавать бег с препятствиями в мокром пуховике доводилось не каждый день. К тому же от него нестерпимо воняло затхлой водой и звериным навозом.

Чтобы попасть назад домой, пришлось сделать длинный крюк километров в пять. Василий вывернул пуховик наизнанку, отчего его цвет изменился с синего на песочный и мысленно поблагодарил китайцев. От холода начало сводить икры ног, а ступни, казалось, превратились в деревянные бесчувственные колодки.

Очутившись в квартире, Василий принял теплую ванну, затем достал бутылку коньяка и рюмку.

После ста граммов жизнь потихоньку начала возвращаться в его застывшее тело. Рана на руке оказалась глубже чем он думал. Сдерживая боль, он залил ее йодом и перевязал.

Перед глазами стояло лицо умирающего патрульного. Его последний крик и вздох. Василий выпил еще и устало откинулся на старое плетеное кресло, покрытое теплым пледом.

Глава 27.

Никитина погладила рукав своего красного жакета с золотыми пуговицами. Она знала, что он смотрится на ней великолепно и как всякой женщине это придавало ей уверенности.

Карташов деловито рассматривал меню ресторана.

Негромкий современный джаз вносил в атмосферу заведения нотку изысканности и причастность высшему свету, так называемому, бомонду. И правда, бедные люди в этот ресторан не заглядывали, цены здесь начинались от ста тысяч. Чашечка кофе, миниатюрнее некуда, стоила двадцать пять тысяч.

Никитина приподняла руку и в ту же секунду рядом со столиком материализовался официант в роскошной зеленой ливрее. Его круглое лицо выражало крайнее подобострастие.

— Мне, пожалуй, карпа по-китайски и мидии в лимонном соке, — сказала Никитина. Официант сделал запись и посмотрел на Карташова.

— Рыба так рыба, — сказал он. — Стерлядь с грибами и сметаной и бутылочку токайского сорок седьмого года. Это будет в самый раж.

Официант выудил меню из его рук и ловко собрал лишние приборы. Окинув взглядом стол, накрытый белоснежной скатертью, он величественно удалился.

— Ничего, — оценил Карташов. — Класс даже повыше, чем в Германии.

— Здесь немцы не ужинают, — сказала Никитина, улыбаясь. — Слишком дорого. Только для русских. — Она помолчала, потом достала сигареты и закурила. — Как прошла поездка?

— Отлично! — Карташов был к хорошему расположению духа. — Нашлись старинные книги про начало строительства рыцарских замков с описаниями, планами... Это нам очень поможет, ведь почти все сравнивали с землей, трудно что-то найти, особенно, если не знаешь,

где искать.

— Но это же не бесплатно, — Никитина выдохнула облачко дыма, сразу же рассеянное кондиционерами. Однако Карташов успел почувствовать ментоловый привкус.

— Нет конечно. Несколько бургеров нашли свои старые дома и выложили за это хорошие деньги. Если бы еще удалось помочь им при покупке...

Официант торжественно принес запыленную бутылку вина и откупорил ее на глазах гостей. Наполнив бокалы он чуть-чуть отошел в сторону и вытянувшись по струнке, ожидал ответа. Карташов сделал глоток.

— Великолепно. — Он поблагодарил официанта. Вино действительно стоило больших денег. Букет мудрой старины. Официант просиял и отошел. Никитина попробовала и улыбнулась.

— Да... такое в палатках не купишь.

— В палатках обыкновенный спиртовой раствор — слабенький и сладенький. На этом его достоинства исчерпываются. А это — коллекция. Даже сейчас достать такое вино практически невозможно...

— Я первый раз пробую, — призналась Никитина. — Никогда не думала, что в старых винах есть что-то особенное. Считала это торгашеской уловкой, а теперь вижу, как я ошибалась.

— Абрау-Дюрсо. — Карташов любовно провел рукой по бутылке. На стекле остались темные следы стертой пыли. — Если бы они не сохранили свои виноградники, эта потеря была бы больше, чем, скажем, нехватка одноразовых шприцев.

— Это разные категории, — отозвалась Никитина. — Но в любом случае, я с вами согласна. В наше время несколько по-другому смотрят на эти вещи. Но это все пройдет. Помните, как говорил один старый еврей — все проходит.

Никто не хотел говорить о делах. Хотя каждый понимал, что сюда они пришли именно за этим.

Ресторан постепенно наполнялся. Вальяжные мужчины в черных дорогих костюмах, ослепительные женщины в вечерних платьях и сверкающих украшениях у входа приостанавливались и окидывали взглядами зал. Тут же к ним подбегал управляющий и отводил их к пустующему столику, называя посетителей по именам. Для случайных прохожих мест не было.

Каждый столик отгораживался от других волнистыми красными шторами, спадающими с пятиметровой высоты, У пола шторы стягивались плетеным желтым канатом в руку толщиной. Паркет, сделанный из редких пород дерева, блестел чистотой и матовым воском.

На полукруглом возвышении в глубине ресторана играл небольшой джазовый оркестр, освещаемый сверху мягким желтоватым светом. Желтые лиры барабанщика отбрасывали приятную янтарную тень. В воздухе витал запах дорогих сигар и косметики. Огромная хрустальная люстра на потолке была выключена. На каждом столе горели свечи, а к стенам крепились причудливые старинные фонари.

— Вы уже были в конторе? — не меняя тона спросила Никитина.

— Да, днем я заскочил туда на несколько минут.

— Конечно, вас поставили в известность...

— Естественно, — казалось, Карташова это нисколько не волнует. — То, о случилось, очень печально. Убийцу еще не нашли?

— Нет. — она посмотрела прямо в его светло-коричневые глаза. — Но он уже известен.

Бывший работник милиции.

Карташов удивленно хмыкнул.

— Он что, что-нибудь узнал? Шантажировал?

— Скорее всего, нет, — сказала она. — Похищен бумажник и пятьсот долларов.

— Но за это не убивают, — скорее себе, чем Никитиной сказал он. — Хотя в наше время есть неандартальцы, которые и за сотню четвертуют...

Она кивнула.

— В том то и дело. Поэтому пока его не задержали, нужно держать ухо востро. Тем более, что некоторые документы уже готовы.

Карташов напрягся.

— Надеюсь, вы их не храните в офисе?

— Нет конечно. Это было бы глупо. Скоро наступят жаркие деньки и надо быть готовыми.

— Этот менеджер, — тихо произнес Карташов, — занимался и нашими делами. Он помог что-нибудь сболтнуть?

— Я об этом думала, — сказала Никитина. — Но все показывает на то, что это обычный грабеж. Видно, Яков Семенович так себя повел, что у грабителя возникло желание перерезать ему глотку, кстати, капитан Авдеенко хотел с вами переговорить...

— Кто это такой?

— Он ведет это дело. С ленинградского отдела. Милый человечек... я дала ему пару сотен, чтобы он побыстрее довел его до конца.

Карташов кивнул.

— Он, наверное, еще хочет... Тут скупиться не стоит. Этот капитан ничего лишнего не знает?

— Нет. Он ищет грабителя.

Официант принес горячие блюда в длинных фарфоровых тарелках, украшенных монограммой ресторана. От рыбы шел пар и тотчас повсюду распространилось пряное благоухание. Они принялись за еду.

— Великолечно, — похвалил Карташов. — Честно говоря, нужно почаще сюда заглядывать.

Никитина молча согласилась, ее карп выглядел как живой, ритмично двигая жабрами. Она смотрела на рыбу и не решалась начать ее есть.

— Да вы не бойтесь, — сказал Карташов. — Это такой рецепт. Когда жарят, голову стараются не задевать, поэтому нервы продолжают подавать сигналы,

Специальной вилкой она поддела кусочек. Ей показалось, что карп следит за ее движениями.

— Вкуснятина, — сказала она, распробовав. — А откуда у вас взялась идея с этой страховой компанией?

Он отпил вина и промокнул губы салфеткой.

— По правда говоря, меня отыскал один адвокат и предложил этим заняться. Условия мне показались приемлемыми и я согласился. Потом уже сам придумал эту нашу затею.

— А какое до всего этого дало адвокату?

— Не знаю. Меня это мало интересует, У него, наверное, свой бизнес. Когда звонит, спрашивает, как дела. Вообще, я ему благодарен за это. Теперь появилась возможность поездить по свету не ощущая пустоты кармана.

Никитина положила вилку на салфетку.

— Да, наверное, вы правы. Но эта ваша идея, она прямо таки гениальна. Мы могли бы и дальше сотрудничать...

— Все к этому и идет, — сказал он, — У вас, между прочим, очень красивый жакет, просто чудо.

Она немного смутилась, хотя это было не в ее стиле,

— Правда? Это Живанши. Конечно, не специально для меня...

— А. выгладит, как будто этот парень сам мерки снимал.

Ей было приятно услышать похвалу. Жаакет вылился чуть ли не восемьсот долларов. Мелочь, но все-таки...

— Вы никогда не думали остаться там навсегда? — спроси-то. Никитина, закуривая.

— Где? На западе?

Она качнула головой.

— Пока нет. — Карташов тоже достал пачку Мальборо и прикурил от Зиппо. — По крайней мере, не сейчас. Может быть, в будущем... да и то, весьма отдаленном. Там хорошо пенсионерам. Жизнь спокойная, размеренная, никаких политических баталий... Тем более, у нас с вами дело. А дело, как говорится, превыше всего.

Никитина улыбнулась.

— А вы — прагматист.

Он тоже улыбнулся.

— Жизнь заставляет. На самом деле, мне, как и всем, хочется заняться любимым делом. Хорошо тем, у кого это дело на одной параллели с финансами. Но чаще бывает по-другому. Тут уж приходится рыть землю.

Она смотрела на него и думала, что он не такой уж скучный, каким казался вначале.

— Может пойдём, — предложил Карташов. — Бутылочку захватим с собой...

— Да, пойдём. — Никитина встала и не дожидаясь его, направилась в гардероб. Ее плавная походка могла бы сделать гигантом даже импотента.

Карташов расплатился и накинул двадцать долларов на чай. Лицо официанта расплылось в широкой белозубой улыбке.

— Вашей даме понравилось у нас? — спросил он.

— Да, все отлично. Теперь мы будем вашими постоянными клиентами.

— Благодарю вас, — сказал официант. Карташов поднялся, поправляя безупречный узел галстука.

— Да, — и пришлите мне из бара еще одну бутылочку такого же. С собой. — На стол легло четыреста долларов.

— Сию минуту. — Мягко ступая, официант завернул за угол, где располагался бар.

Карташов вышел в гардероб. Никитина дожидалась его, одетая в новую горностаевую шубу.

— Вы неотразимы, — покачал он головой. Она засмеялась и в ее смехе не чувствовалось ни тени озабоченности. Выйдя на улицу, они окунулись в трескучий ночной мороз. Стоянка перед рестораном была уставлена шикарными иностранными машинами, мерцающими в свете неоновой вывески ресторана. Чуть поодаль расположились машины такси.

— Ну что, в "Чайку"? — спросил Карташов, обнимая ее за талию. Она промолчала, прижалась к нему всем телом и подставила губы для поцелуя. Он ощутил ее вкус — терпкий, ароматный и сладкий и почувствовал, как в нем нарастает горячая волна желания.

— Да, — сказала она, — в "Чайку". Там прелестные номера.

Когда под утро, шатаясь от усталости, Никитина поднималась в свою четырехкомнатную квартиру, расположенную в новом доме, то никаких мыслей, кроме как завалиться спать, у нее не возникало. После сильных мужских рук тело жаждало отдыха.

Она с трудом отыскала ключ в маленькой, забитой всяким хламом сумочке из крокодиловой кожи. Покачиваясь и бормоча себе под нос прилипшую мелодию, Никитина открыла дверь и прошла в коридор.

В одной из комнат горел неяркий свет и играла медленная музыка. Сбросив сумку с плеча на пол, она бессильно прислонилась к косяку и замерла.

Из комнаты выплыла Анжелика в шелковом персикового цвета пеньюаре.

— Тебя долго не было, — сказала она. — От тебя пахнет мужчиной. Никитина взглянула на ее стройную фигуру и ее вновь охватило желание.

— Это было необходимо. Для дела.

— Да? — Анжелика подошла ближе. Переливающаяся ткань подчеркивала каждый ее изгиб. — А у меня кое-что есть на сегодня. — Анжелика хитро улыбнулась и потрясла перед лицом Никитиной миниатюрным золотистым флакончиком, на две трети заполненным белым порошком.

Никитина протянула ладошку и Анжелика аккуратно насыпала в нее небольшую горку. Разделив порошок на две бороздки, Никитина поочередно вдохнула каждой ноздрей и присев, откинулась на стенку.

В голове пронесся прохладный ветерок, унося с собой усталость и тревоги. Краски внезапно стали ярче раз в десять, а окружающие предметы — выпуклыми и притягательными.

Она почувствовала необыкновенный подъем и притянула Анжелику к себе, стягивая с нее прозрачный пеньюар.

Глава 28.

В третий раз Василий оглядывал до боли знакомое здание страховой компании. На стоянке, аккуратно очищенной от снега, стояли две ауди, одна вольво и парочка мерседесов. На противоположной стороне дороги, испещренной глубокими следами борьбы со снегом стыдливо жались друг к другу жигули, москвичи и грязные грузовики.

Ничего подозрительного во всей это картине заметить было невозможно. Полдень. Дверь здания, снабженная мощном пружиной, хлопала, как знамя на сильном ветру. Персонал спешил на обед.

Василий еще раз оглянулся. Купленная с утра новая куртка и черные джинсы, как он надеялся, хоть на дюйм изменили его внешность. Всю экипировку дополняла черная вязаная шапочка, плотно облегающая голову. Пришлось постараться, прежде чем его шевелюра захотела примириться с новым обиталищем, но в конце концов, она не пожалела — голове было тепло и уютно.

Пропустив на улицу оживленно спорящих мужчин в серых пальто, Василий шмыгнул внутрь. С последнего его визита ничего не изменилось. Та же лестница, лифт, и слева — конторка с большим, завешенным листами стеклом.

Все осталось прежним, но дежурная была другая. Василий взглянул на нее безо всякого интереса. Со стороны казалось, что она выполняет кучу дел, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что женщина занимается чем-то вроде гимнастики, только

сидячей.

Она была настолько толстой, что довольно вместительная конторка уменьшалась в ее присутствии чуть ли не в двое. С белого, в мелких редких оспинах лица спадали крупные хлопья жира. Особенно это выделялось в месте, которое у других людей называется подбородком. Странно, но у нее был удивительно тонкий и прямой нос, который вносил в ее портрет даже некоторую изысканность. Влажные слезящиеся глаза смотрели прямо перед собой, видимо, там был телевизор или какое-нибудь пособие по гимнастике для полных.

Василий подошел к маленькому окошку и постучал зажигалкой по стеклу. Женщина проворно обернулась и секунд десять его изучала, как музейный экспонат.

— Что вам надо? — спросила она, не очень то довольная, что ее оторвали от важного занятия.

— Извините, — произнес Василий, нагибаясь к окошку. — Я вашей сменнице оставил документы и забил их. Что мне делать, может вы посмотрите? Не задумываясь, она слегка кивнула.

— Что там было?

— Водительские права. Мои фамилия Риманас. Литовские права, в зеленой обложке.

Женщина окинула взглядом стол, задержалась на журнале "Физкультура и Спорт" с упражнениями для верхней части тела, потом пошевелила губами и полезла в ящики. Делать ей это очень не хотелось, но все же она просмотрела их до конца.

— Что-то нет, — сказала она тяжело дыша. Последний самый нижний ящик дался ей с большим трудом. — Может быть Римма Павловна взяла. Но она мне ничего не сказала...

— Мне сегодня уезжать... — жалобным тоном снизал Василий. — Вы не знаете ее телефона?

Она мотнула головой.

— Нет. Какой телефон в балтрайоне? — поведив толстым пальцем по столу и беззвучно подвигав губами, она сказала:

— Вам так срочно? Василий энергично закивал головой.

— Жена рожает... побыстрее бы! Волнуюсь очень, а до Вильнюса, сами понимаете... по скользкой то дороге.

— Ладно, записывайте, — сжалилась она.

Название улицы ничего не говорило, кроме того, что оно принадлежало какому-то пионеру-герою.

— А где это?

Женщина подробно объяснила, как туда добраться. При этом в ее голосе появились участливые нотки. Она начала выспрашивать про жизнь, про родителей и Василий еле-еле с ней распрощался. Напоследок она вынула огромное красно-желтое яблоко и силой заставила его взять, при этом что-то сказала, как показалось Василию, по-литовски.

Он неловко улыбнулся и поспешил прочь, ее слова еще некоторое время долетали до него и стегали по непонимающим ушам. "Она, наверное, литовка", — подумал Василий, поразмыслив логически. "Хорошо, что я не представился чукчей, у которого сбежал олень."

Балтийский район Калининграда кишел людьми. Тонкая лента дороги едва вмещала в себя поток машин, трамваев и троллейбусов. Отделенный от всего города болотистым пустырем и железнодорожными ветвями, район жил своей суматошно жизнью.

Вдоль тротуаров тянулись бесконечные ряды торговцев, кутающихся как матрешки в бесчисленные одежды. У пивных ларьков выстроился соответствующий контингент, ругаясь

красивым городским матом и сотрясая сетками и авоськами со стеклянным вторсырьем.

Продавцы бананов терпеливо втолковывали вконец обнаглевшим покупателям, что товар не с Колумбии, а с Эквадора, где кормовые бананы перестали выращивать по многочисленным просьбам российских трудящихся. Солнечные фрукты, гордясь своей ценой, спокойно взирали с грязных прилавков — мирская суeta их никоим образом не касалась.

Василий вполголоса спросил у соседнего пассажира, где ему лучше выйти. Через десять секунд эту тему горячо принялось обсуждать добрых две трети троллейбуса. Одни говорили, что выйти нужно на следующей, там через дорогу наискось два квартала, и он уже почти на месте. Другие яростно отвергали этот план, утверждая, что на полпути там все перерыто.

Траншея, мол, такая, что ночью некоторые автомобили застревают в ней с головой. Естественно, в воде и фекалиях, то есть, пробило канализацию. Починят — неизвестно когда, детям все это очень нравится и они катаются со склона оврага на санках, надо только вовремя остановиться. Так, что выходить стоило на предыдущей — и ближе и чище...

Василий слушал нарастающий гомон, эпицентр которого сместился в середину троллейбуса. Когда объявили остановку, почти никто и не услышал. Дело дошло до выяснения отношений с правительством. Он побыстрее выскочил из кипящего страстями транспорта. Дом номер тридцать шесть оказался на вид жалким трехэтажным строением грязно-блеклого цвета. Вокруг дома равномерно лежала снежная жижа, перемешанная с углем и отбросами. Чуть поодаль, слегка накренившись, возвышалась черная труба кочегарки, а еще дальше, свободное необозримое пространство, покрытое волнами снега и пробивающимися сквозь него пучками луговой травы.

Крошечные окна здания кое-где выбрасывали вперед себя длинные палки с висющим скорчившимся бельем.

Справа стояло четыре железных ржавых гаража, наполовину вросших в землю. Из-за них слышался бешенный лай, переходящие иногда на скулеж.

Василий поспешил открыть манерную дверь и прошел внутрь. В нос ударил запах прокисшего супа. Было темно, но с окон второго этажа вниз начали отблески света, вырезая из мрака обильную настенную живопись. Где-то справа пьяными голосами переговаривались мужчина и женщина.

Василий поднялся на второй этаж. Каждый его шаг оглашал подъезд скрипом деревянных ступеней. Наверху было почище и посвежее.

Он отыскал квартиру номер семь и нажал на черную кнопку звонка. В квартире зазвучало что-то похожее на мелодичный барабанный бой. Глазок отсутствовал. Ожидая, он вытер ноги о резиновый автомобильный коврик.

Бабуся могла видеть того человека, который убил пучеглазого, — подумал он. — К тому же она там работает и, наверное, ей будет что рассказать.

Василий достал сигареты и закурил. Старая карга не очень то спешила. Гремя текло медленно, смешиваясь с разнообразными звуками старого дома.

Он снова позвонил и стряхнув пепел, проследил, как седые пылинки падают на коврик. Да... что-то там на коврике было и помимо пылинок. Василий нагнулся и чиркнул зажигалкой. Окурок, тонкий окурок от сигареты ВОГ.

Он вынул блокнот, вырвал листочек и завернув окурок, положил его во внутренний карман.

Дверь по-прежнему оставалась запертой. По ту сторону стояла могильная тишина.

Василий почувствовал, как холодеют ладони. Обычно, когда на улице так скользко, старухи предпочитают сидеть дома.

Он быстро спустился вниз и убедился, что дом еще не окружен омонцовцами. Позади гаражей тоже было пусто Собаки убежали.

Василий вернулся к двери. Посмотрев по сторонам, он достал складной нож. Через две минуты возни дверь с противным скрипом отворилась. Он закрыл ее движением ноги, когда прошел внутрь.

Все было бы ничего — и старушечья обстановка, и серенькое пальтецо, висящее слева, если бы не запах.

Василий инстинктивно закрыл нос платком и шагнул в комнату. Посередине стертого красноватого ковра, скорчившись, лежала старуха, с перетянутым вокруг шеи жгутом. Ее вывалившийся язык и расширенные ужасом глаза составляли довольно мерзкое зрелище.

Она лежала на боку. Согнутые костяшки пальцев оставили на ковре темные следы приподнятого ворса.

Это сделал человек, который убил пучеглазого. В этом Василий не сомневался. Значит, скорее всего, старуха его видела. Но ни до того, как приехала милиция, а после.

Василий не стал ее обыскивать. Вся ее ценность заключалась в ее голове. Чтобы не искушать господу второй раз, Василий вышел в коридор, плотно прикрыл дверь и чуть ли не бегом спустился вниз по лестнице. Странно, но омонцовцы на этот раз запаздывали. Быстрым шагом он направился прочь, обдумывая увиденное. Старуху прибили дня три-четыре назад. Если она работает сутки через трое, как обычно в таких заведениях, то значит, это сделали на следующее ее дежурство после убийства пучеглазого, то есть через три дня. По идее, ей завтра выходить на работу, — подумал Василий.

Окурок во внутреннем кармане не давал покоя. Точно такие же он видел в пепельнице возле двери страховой компании, и их же курит исчезнувшая жена фирмача.

Все это как-то очень не вязалось. Если женщины и курят, то очень многие предпочитают тонкие дамские сигареты, типа Вог или Ким ультра лайт — так называемые курительные палочки.

Так может быть замешана жена?.. В ее положении не очень то выгодно пропадать надолго, по крайней мере, следов бедности в особняке не наблюдалось. К тому же, зачем ей убивать старуху, к которой не имеет никакого отношения. Наверное, не имеет.

Старуха оставалась в здании до утра. Сначала там работала следственная бригада, затем они уехали, а настоящий убийца остался. Он или спрятался или...

Вот из-за этого и пострадала невинная старушечья шея. Василий знал, что ему нужно сделать. Он переговорил со многими людьми, но руководство фирмы оставалось в стороне, словно ничего и не происходило.

Решив, что четвертый визит должен быть удачным, Василий решил навестить Никитину. Ему уже смертельно надоело бегать ото всех и вся и он очень хотел услышать правду. Любую. Но которая бы его оправдала.

Вынырнув на бурлящей остановке в центре города он остановился, поправил черную шапочку и взглянул на часы. Половина третьего. В самый раз.

Кабинет Никитиной находился на втором этаже квадратного здания мерим. На самом верху дома болтался трехцветный флажок. Как раз в его сторону почерневший от мокроты вождь делал неопределенный жест рукой.

Деревянная дверь, снабженная массивной металлической ручкой, находилась под

навесом длиною метров двадцать, поддерживаемым квадратными потрескавшимися колоннами.

Слева, чисто и радостно переливались окна ресторана "Валенсия". Изящные белые шторы с тонкой розовой вышивкой предохраняли клиентов ресторана от посторонних глаз. Левее окон, украшая невзрачную серую стену висела солидная темно-красного цвета вывеска с золотыми буквами " МЕРИЯ". Издали выглядело как название ресторана, немного странное, но сейчас многие любят чудить.

Далее шли двери, сбитые снизу в черно-светло-коричневую гамму от тысяч, прошедших по ним ботинок. А еще дальше, потекшие, с распылившимися каплями грязи и старыми, в рваной краске рамами окна центрального гастронома.

Василий покосился на сидящего справа милиционера-охранника, но тот увлеченно застыл над газетой "Двое".

Стараясь не привлекать к себе лишнего внимания, Василий не торопясь поднялся на второй этаж. В широком светлом фойе остановился и неспеша выкурил сигарету.

То вниз то вверх с видом баронов и княгинь прохаживались работники мерии. Иногда они важно прижимали к себе небольшие стопочки бумаг, немного небрежно, но с экзальтированным выражением лица.

Василий отыскал нужный кабинет с белой пластиковой дверью и не стучась, прошел внутрь.

Это был кабинет секретаря. В глубине — небольшое стол орехового дерева, ни специально подставке — персональный компьютер. Вдоль стен, оклеенных белыми тисненными обоями, стояли три черных шкафа для бумаг. Два — слева и один — справа. Возле правого шкафа — что-то вроде буфета с изогнутыми стеклянными дверцами.

На стене возле двери — небольшая картина в простой темно-коричневой рамке. "Кандинский" — прочитал Василий подпись внизу.

Окно закрывают вертикальные голубые жалюзи. К столу секретаря ведет дорожка серого ковролина, вычищенного до стерильного состояния.

На столе стоит металлическая подставка для карандашей, веером лежат бумаги в папках и без. Рядом с подставкой пепельница в виде оклеенной янтарем плоской посуды.

Кабинет оказался пуст, но направо вела еще одна дверь с золотистой ручкой.

Из любопытства Василий подошел к столу и взглянул в пепельницу. Пусто.

Не дожидаясь приглашения, он толкнул вторую дверь. Она отворилась легко и тихо. Обычно так открываются двери склепов, вопреки распространенному мнению. Легко и тихо, милости просим.

Этот кабинет выглядел намного больше. Метров сорок, а то и пятьдесят квадратных. У окон, также закрытых жалюзи, вытянулся стол для совещаний. Стулья вокруг него били расставлены словно под линейку. Обои выглядели несколько пестрее. Теперь на них появились тонкие красные полосы, похожие на искры. По стенам на почтительном расстоянии висели большие и не очень картины. В подвесной потолок стального цвета были вделаны продолговатые плафончики освещения.

У правой стены, сразу за дверью тянулась стенка-горка бежевого цвета, а перед ней стояло три кожаных кресла с огромными круглыми подлокотниками. Кресла стояли вокруг небольшого журнального столика.

Два из них были заняты женщинами средних лет, довольно красивыми, с короткими черными стрижками.

На столике стоял маленький золотистый пузырек. При его появлении пузырек моментально исчез. В воздухе висел тонкий запах духов и кокаина.

Они выжидательно посмотрели на него. В их глазах читалась, по меньшей мере, недоброжелательность. Та, что сидела в правом кресле, была покрасивее, но смотрелась старше — выражение ее лица почти не изменилось она, только слегка повела бровями.

Вторая, сидевшая к нему полубоком, выглядела несколько грубовато, похожа на немку. Она повернула к нему лицо и тихо фыркнула, всем своим видом показывая, что он лишний.

Если одна из них — Никитина, то я здорово ошибался, — подумал Василий, вспомнив свое описание, данное Наташе.

— Что вы здесь делаете? — грубо спросила сидевшая боком.

— Мне, собственно, нужна Никитина, — ответил Василий, высверливая взглядом отверстие между ее глаз.

— Что вы хотели? — спросила вторая несколько миролюбивее. — Никитина, это я. — Она сделала неопределенный жест рукой, который можно было истолковать совершенно по-разному.

Василий опустил глаза на стол. Там стояла пепельница, в точности повторяющая ту, из секретарской. Возле нее лежала тонкая белая пачка с нарисованные голубым выющимся стеблем. Чуть ниже стояло короткое элегантное слово — Вог.

Василий впился глазами в пачку. Женщины, женщины, — подумал он. Даже если вы и не виноваты, то все равно виноваты.

— Мне нужно с вами поговорить, — открыл рот Василий, чувствуя себя немного скованно.

— Говорите, — сказала она холодно.

Василий посмотрел ни вторую женщину. Ее злые глаза глядели ни него не мигая.

— Вы работаете в страховой фирме "Небо и Земля".

— Ну и что. Какое вам до этого дело?

— Мне то никакого, — ответил Василий. — А вот компетентные органы очень интересуются...

— Чем? — спросила она, закуривая. Держалась она великолепно. — И вообще, кто вы такой? Василий переступил с ноги на ногу.

— Это не имеет ровно никакого значения. Вы случайно не в курсе, что происходит в вашей фирме?

— Обыкновенная работа, — ответила она и повысив голос сказала, — по- моему, нам не о чем разговаривать. Дверь позади вас.

Василий усмехнулся.

— Вы очень спешите. Я бы хотел поподробнее услышать о страховках. Не о тех, условия которых висят ни стене, а о других. Тех, которыми занимался Яков Семенович, царство ему небесное.

Никитина чуть-чуть побледнела, а вторая женщина переменила позу и смотрела как-то исподлобья и немного насмешливо.

Несомненно, они узнали его, но никак этого не показывали. Тонкие пальцы Никитиной с сило вдавились в кожу кресла. Ее подруга выглядела спокойной.

Василий молчал и ждал чистосердечного признания. Тишина словно повисла с потолка на тонкой ниточке, готовая в любую секунду сорваться оттуда кому-нибудь по голове.

— Это не ваше дело, — снова повторила она, на этот раз, более тихим голосом. — То,

что мы делаем — законно, только слегка аморально. Но, в любом случае, вас это не касается.

— Да... — протянул Василий, — исчезновение людей вы считаете слегка аморальным... Убийство менеджера — тоже слегка аморально? Да?!

Она хотела что-то сказать, но с ее губ сорвалось шипение, она покраснела и встряхнула головой.

— Вы!.. вы... не понимаете о чем говорите?! Вы думаете, все просто, да? Какие у к черту исчезновения?! Зачем вы мне голову морочите? — Она уже почти кричала, — вы хотите денег? Да подавитесь!!! — откуда-то в ее руке появилась пачка десяти тысячных и она швырнула их ему в лицо.

Купюры зашуршали, затрепетали как крылья птиц и покрыли собой серый ковролин. "Не меньше миллиона", — подумал Василий.

Она смотрела на него ненавидящим взглядом и казалось, совсем разучилась моргать.

— И тем не менее, — сказал Василий. — С этим надо смириться, вы боитесь похищенных людей. Что вы с ними делаете? Убиваете? Продаете?

Никитина уже пришла в себя. Она качала головой и шептала:

— Убирайтесь вон! Вы ненормальный, вы больной человек! Мы занимаемся обычным бизнесом и вас это не касается...

Василий смотрел на нее и думал, что не так-то все и просто. Или она великая актриса, или остается один Карташов, который не вылезает из-за границы. Больше никто. в принципе, Карташов мог сделать все один. Однако мужчины никогда не курят дамские курительные палочки.

Василий вышел в фойе, посмотрел по сторонам, потом медленно спустился на первый этаж.

Милиционер, как будто не двигался с места. В его руках торчала та же газета, кажется, он даже еще не перевернул ее.

Отрешенно посмотрев на спящих людей, Василий толкнул входную дверь. Движение по ближайшей полосе было перегороджено. Поперек дороги стоял зеленый уазик. Из-за каждой колонны в его сторону смотрели одноглазые дуля автоматов АКСМ.

Дверь уазика была приоткрыта и из-за нее выглядывал офицер с пистолетом к руке.

Василий вздохнул и поднял руки. Он ни секунды не сомневался, что с другой стороны двери та же самая картина. Сопротивляться не стоило, они этого не любят.

— К стене! — закричал офицер. — Руки на стену! Василий медленно выполнил приказание, наблюдая за своими действиями словно со стороны. Где-то внутри головы еле-еле светился малюсенький огонек сожаления.

Подбежавшие омононцы любовно заломили руки за спину и повалили лицом на землю. Он почувствовал, как трещат суставы и вскрикнул, за что немедленно получил сапогом в район почек.

Его обыскали, вытащив ключи от дома, складной ножик и тридцать тысяч рублей. Больше ничего.

— Быстрее! В машину его! — послышался голос офицера. Его подняли на ноги и подхватив с двух сторон, вывернули руки назад и вверх, так, что он видел только свои коленки.

Через секунду голова вперед он полетел к открытую заднюю дверь уазика, ударившись о металлическую перегородку. Почти сразу же машина тронулась. "Оперативно", — подумал Василий, — "молодцы".

Глава 29.

Били долго, точно и профессионально. Так, чтобы не причинить значительных увечий, но сделать инвалидом на всю оставшуюся жизнь.

Василий с трудом разлепил глаза. Лицо опухло и уже почти не болело. Передних зубов как не бывало.

По бокам за руки ого поддерживали двое — их Василий видеть не мог — голова отказывалась поворачиваться. Спереди, расставив ноги, обутые в высокие ботинки на шнуровке, стоял плотный человек в лейтенантской форме. Его почти лысая голова освещалась сзади яркой лампочкой без абажура. Справа, у голой окрашенной стены стоял деревянный стол. На стол лежала папка и из нее выглядывало несколько белых страниц.

— Ну что, ты будешь, наконец, говорить? — процедил бугай, приподняв его голову за подбородок. Лейтенант тяжело дышал, видимо устав, и у него изо рта воняло гнилым дерьмом.

Еле шевеля губами, Василий сообщил ему об этом.

Красномордый дернулся, но все-таки сдержался и отошел к столу.

Третий день повторялась одна и та же картина. Василия выводили из камеры на допрос, он требовал адвоката, Литвинова, или ни худой конец, Архипова, его до полусмерти избивали и ничего не добившись, обливали водой и оттаскивали назад в камеру.

Красномордый втиснулся за стол и открыл папку.

— Ты можешь молчать до потери сознания, — сообщил он, улыбаясь. — Но, хочешь ты, или нет, ты замочил мянеджеру, Якова Семеновича. — Он помолчал и еще шире улыбнулся. Такая детская милая улыбочка. — Старушка, кстати, тоже на твоей совести. Помнишь ее?

Василий смотрел на его довольную красную рожу и молчал. Абсолютно любое слово, что он скажет, пойдет против него. Об этом он занял так же хорошо, как и о том, что продержат его до следующего рождения Христа.

— Ты сделал все очень хорошо, до тебе не повезло, тебя видели возле квартиры, да и отпечатки твои остались... — он осторожно вытащил несколько скрепленных между собой исписанных листов. — Ну? Чистосердечное признание? Давай это подпишем, — он подал знак и Василия подтащили к столу, — и, возможно, что тебя еще оправдают. В крайнем случае, условно... — он уговаривал таким тоном, каким прапорщик уговаривает сделать первый прыжок с парашютом.

Неожиданно лейтенант резко поднялся, схватил Василия за волосы и изо всех сил ударил лицом об стол.

— Сука!!! — заорал он. — Подписывай!! Все равно подпишешь, куда ты денешься!! И не такие кололись, фраер чертов!

Василий почувствовал, что нос сместился в сторону, а лицо стало каким-то плоским и мягким. Нестерпимой болью полоснуло в мозг.

Охранники быстро подняли его и отвели чуть назад. Кровь залила лицо и крупными каплями стекала на рубашку. Василий с удовольствием, на какое только еще был способен, отметил, что и листы перепачкались кровью. Заметил это и лейтенант.

— Черт!...- он выругался грязным площадным матом, даже здесь он оказывался ни на что не способным. Ругаться толково он не умел.

— Перепишешь, — прошепелявил Василий.

— Уведите, — заорал красномордый, дрожа от ярости. Камера показалась ему родным

домом. Размером три на два метра, с маленьким зарешетчатым окошком под потолком, она явно располагалась ниже уровня земли. Сочившийся сверху свет выделял только казенный потолок и верхнюю часть стен. То, что находилось ниже, пребывало в постоянном мраке.

В левом углу располагались нары. Дверь выглядела холодной и неприступной. Из-за нее не доносилось ни звука.

Непонятно где капала вода. Ее мелодичный звук напоминал о весеннем дожде.

Василий потрогал лицо и моментально отдернул руку — на нем не было ни одного живого места. Почки пульсировали обжигающей болью, словно их долбили отбойным молотком. Иногда боль затихала и тогда все тело странно немело, а зубы принимались отстукивать чечетку. В такие минуты он обхватывал голову руками и представлял, что падает в огромную черную бездну.

Хуже всего было состояние неведения. На пятый день Василий сбился со счета и уже не пытался узнать, какой на дворе день.

Через некоторое время избиения прекратились и жизнь вроде бы совсем замерла. Через определенные промежутки времени в камеру приносили еду, состоящую в основном, из луковой похлебки. Никто с ним не разговаривал, допросы кончились. Когда он спрашивал у конвойного, в чем дело, тот неизменно отвечал, что идет следствие.

Постепенно Василий оклемался. Раны на лице зажили. От нечего делать, он целыми днями, пока сквозь окно проникал хоть малейший отблеск света, занимался физическими упражнениями. Сначала кружилась голова и ломило спину, но он очень скоро наверстал потерянную форму.

Когда наступала ночь, Василий блаженно вытягивался на нарах и думал об этом деле, вспоминая мельчайшие детали. Чем дольше это происходило, тем больше он убеждался, что может просидеть здесь, пока снаружи все благополучно не закончится. Потом его выпустят, как никому ни нужного свидетеля.

Дни текли незаметно. Хмурый охранник не делал никаких попыток заговорить, точно был немым. Лицо его оставалось неподвижным и бесстрастным как у крупье во время проигрыша казино.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Глава 30.

Отрывисто прозвенел звонок и Таня с явной неохотой встала с мягкого кресла и нашла открывать дверь. "Кто бы это мог быть?" — подумала она. За окном еще было светло, хотя стрелки часов уже перешагнули за девять вечера.

Она посмотрела в глазок. Там стоял Рома, так сказать, ее бой-френд. Видеть его сейчас она хотела меньше всего на свете. Он услышал шаги и нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Пришлось открывать.

— Ты одна? — тут же спросил Рома, заходя в прихожую и обшаривая все вокруг глазами.

— Да, — ответила она, невольно делая шаг назад.

— Ну, тогда привет. Зайти то можно?

Не дожидаясь ответа, он снял туфли, прошел в комнату и плюхнулся на диван. Таня заметила, что он был пьян.

Она знала его уже почти год и как-то привыкла к нему. Уж лучше синица в руках, — думала она. — Как никак, а все-таки целый год.

Рома был высокий, спортивного телосложения, длинные черные волосы и

выразительные карие глаза. Дон Жуан, — сказала бы про него мало-мальски знающая жизнь женщина. Таня не могла с этим согласиться. "Он не бросает меня, значит, я ему нужна."

Таня ничего не знала о его прошлых связях и чем они обычно заканчивались. Она принимала Марвелон и этим невольно удерживала его.

"Как хорошо, — думал Рома, — море удовольствия и никакой ответственности. Еще и денюжат подкинет. Дура..."

— Выпьем? — спросил он, когда Таня вошла в комнату.

— Я не буду, сам пей.

— Нет будешь. — Он достал пакет отвратительного белого вина и его лицо расплылось в жесткой ухмылке. Рома сходил на кухню и принес оттуда две кружки.

— Куда ты денешься, дорогая, — произнес он издевательски. — Сейчас выпьем, потом кино посмотрим, а потом... Ты ведь никого не ждешь? — Под его взглядом ей захотелось встать в кресло.

— Нет.

— Вот и прекрасно. — Он плеснул в кружки вина и протянул ей. — Давай, мм ведь давно не виделись.

"Точно, — подумала Таня, — целых два дня." С большим напряжением сидела она в такие, свободные от работы вечера, дома. Ей вроде бы и хотелось его видеть, но с другой стороны она боялась Таня никому не рассказывала, что он вытворял с ней в минуты своего гнева.

В последнее время ей снились сны, и которых черный, мерзко пахнущий мохнатый паук заползал ей на грудь и липкой трубочкой высасывал из нее кровь. Она кричала и плакала, но никто не приходил ей на помощь. А после, когда паук насыщался, Таня поднимала на него невидящие от страха глаза и видела ЕГО ГОЛОВУ. ГОЛОВУ РОМЫ.

— Пей, крошка, пей, — он подтолкнул кружку к ее рту.

— Я не хочу, — твердо сказала она.

— Не хочешь?! — его передернуло. — Я старался, спешил, хотел тебя увидеть. А она!.. видите ли ни хочет отпраздновать встречу!! Он помолчал с минуту и опрокинул кружку в рот. Его лицо скривилось.

— Где ты вчера была? — спросил Рома, наливая вторую кружку.

— Дома, — еле слышно ответила Таня. Она уже чувствовала, чем закончится эта встреча.

— Где, где?

— Дома я была, — повторила она.

— Что-то с трудом верится. Я был вчера у тебя, звонил, но никто не отвечал.

— Я спала, наверное.

— Да? А может, все намного проще? Может у тебя появился кто-то другой? И ты с ним вчера, вместо того, чтобы ждать меня, с утра до вечера развлекалась? — Он опять сделал большой глоток.

— Нет, — сдавленно сказала она. — Я была дома. Я спала.

— А когда ты работаешь? Я хочу сказать, ты уже давненько сидишь дома...

— Я работаю через неделю, ты же знаешь. Завтра начинается моя смена.

— Вот и прекрасно, — оживился Рома. Она не поняла, что он имеет в виду.

— За такими как ты нужен глаз да глаз. — Он поднялся с дивана и подошел к шкафу, уставленному книгами. — Что мы тут читаем?

Таня с опаской следила за его движениями.

Из небольшой стопки Рома выудил книжку в мягкой обложке. "Как добиться желанно любви", — большими буквами гласил заголовок.

— Любви, значит, хочешь, — тихо сказал он не оборачиваясь. Положив книгу на место, он резко повернулся. Его глаза горели злобой.

— Я тебе запрещаю читать такие книги!!! — заорал он. — Ты будешь читать только то, что я разрешу! Таня опустил голову, вжалась в кресло, ожидая удара.

— Ты меня поняла?! Если только узнаю, что ты с кем-то трахаешься на стороне! Я тебя на куски разрежу, паршивая сука!

Таня не смела вставить ни слова.

— Я прихожу, а она даже мне не рада! — слова с клекотом вырывались из его горла. — И ты будешь кормить меня своими сказками?! На работу ей! Да мне наплевать на твою работу, со всем аэропортом, наверное, переспала!

С белым от злости лицом он бегал по комнате, размахивая руками. Внезапно он подскочил к ней, схватил ее за волосы и больно ударил. Таня даже не поняла, в какое место. Волна боли накрыла ее всю сразу.

— Это чтоб ты знала, кто здесь главный! — расслышала она. С силой зажмурив глаза, Таня скрестила руки на груди. Она чувствовала, что его пальцы срывают с нее одежду и пнула ногой куда-то в сторону.

Раздался его приглушенный вскрик и она решила, что попала. Но в следующее мгновение тяжелый удар в грудь заставил ее распластаться на диване.

— Ты же пойми, я тебя люблю... разве ты не понимаешь... — его тихий стон едва долетал до ее уха. Все тело ломило и она решила ему больше не сопротивляться.

Глава 31.

Архипова разморило от жары. Он с тоской смотрел на графин с теплой водой. Перед ним сидели Деев, Троицкий и Доренко из ФСБ. Они все отвечали за безопасность будущего фестиваля. Включая, конечно, Литвинова.

— Литвинов вчера сказал мне, — сообщил присутствующим Архипов, — если что-нибудь случится на фестивале, он расстреляет нас самолично. Вы понимаете?! Год прошел! Целый год и что? Мы не знаем про него практически ничего.

Архипов чувствовал, что ребята не осуждают его.

— Мы знаем, что он молод, интеллигентного вида, неопределенного роста, но не низкий, тонкие черты лица, черные волосы, кстати, неизвестно точно, длинные или короткие. Тонкие пальцы, как у пианиста. Особых примет нет. Архипов достал несколько автопортретов.

— Все они довольно разные, но те, кто его видел, не могут в точности сказать, где он больше похож. Одни говорят — этот, — он показал портрет молодого человека с восточными чертами лица, одни — этот, — следующий портрет был поглубже. — И так далее. Какой прикажете развешивать? Все молчали.

— До сих пор мы не нашли ни одного трупа. Где они? Это ведь не муравьи, чтобы — топнул и нет. Их надо прятать, закапывать, топить... А люди то у нас — любопытные...

— Мы не можем утверждать, что они трупы, — сказал Деев, — пока мы их не нашли. Архипов молча согласился.

— А это, кто мне скажет, что это? — в порядке, как они прибывали, он разложил

нарисованные на отдельных листочках БУКВЫ. — ИК, ФН, АТ, это то, что мы думаем инициалы, а дальше буквы с именами уже не сходятся — Н и Е, И и Т, А и В, И и Л. Люди исчезали, но с другими именами. Или одна буква совпадает, другая — нет.

— Может это девичьи фамилии? — предположил Троицкий.

— Черт его знает.

— Ладно, — сказал Деев. — Может статься, что буквы — так, отвлекающий маневр.

Архипов сложил их и бросил в ящик стола. Восемь человек. Шестнадцать букв.

Но людей исчезло гораздо больше, правда, не всех он брал на свой счет, но разбираться времени не было.

Они придвинулись друг к другу поближе и принялись разрабатывать систему безопасности фестиваля.

Глава 32.

Архипов сидел за столом в своем кабинете и читал смешной фельетон в местной газете. Иногда его лицо выдавало некое подобие улыбки, но в голове плескалась такая каша, что все удовольствие превращалось в кошмар. Прозвенел телефон и он автоматически поднял трубку.

— Архипов.

— Это дежурный Ефремов. Тут звонок поступил, я подумал, что это вас заинтересует...

— Да? Ну соедините...

— Здравствуйте, — прозвучал в трубке энергичные старушечий голос.

— Здравствуйте, — ответил Архипов.

Он не ожидал от разговора ничего путного, поэтому с самого начала решил отделаться от старухи побыстрее.

— Вы знаете, — начала она, — у нас в подъезде постоянно отключают воду. То горячую, то холодную. Это очень неприятно, особенно, если у вас есть внуки. А у меня они есть. Двое. Мальчик и девочка. Как прикажете им стирать и готовить? — ее голос возмущенно вибрировал. — Я столько раз обращалась в инстанции, ЖЭКи и ничего. Мы всем жилсоветом постановили написать в Москву, Черномырдину, и написали. Но никакого ответа..

— Бабуля, покороче, если можно. Мы ведь не занимаемся ремонтом водопровода. Мы ловим преступников.

— Молодой человек, не перебивайте меня, — сказала она капризным голосом. Архипов сдался и принялся рисовать на газете дружочки и квадратики — этим он убивал время. — Так вот, один день как-то воды не было совсем, что и вывело меня из себя. Я одела новый халат, взяла фонарь и спустилась в подвал. Покойный дед показывал мне там какие-то вентили и говорил — это горячая, это — холодная, я и подумала, почему бы мне не посмотреть. В конце концов, может дети балуются и винтят их туда — сюда. Надо сказать, что подвалом в нашем доме никто не пользуется, мы люди уже пожилые и спускаться туда в темноту охоты нет. Так вот, я спустилась в подвал. Света там, естественно никакого не было и я включила фонарь. Знаете, у меня дед моряком был и от него остался, такой большой, флотский, с дарственно надписью.

— Да, да, — поторопил ее Архипов, — знаю.

— Ну вот, отвлеклась немного. Чтобы дойти до вентиля, надо пройти метров двадцать. У меня хорошая память и я помнила всей повороты. Сначала направо, прямо прямо, потом

налево, снова направо и там недалеко. Так я и шла. Я, конечно, боялась, не того, что вы думаете, нет, ни крыс, ни тараканов, я тем более всяких приведений я не боюсь. Я боялась, что у меня сбежит молоко, только вспомнила об этом, когда прошла половину пути, порешила все-таки пойти до конца.

Я светила себе прямо под ноги, потому что там валяется куча всякого мусора, вы знаете наши подвалы... и вот, когда осталось совсем немного, я скорее почувствовала, чем услышала — кто-то там есть.

— И кто? — не выдержал Архипов.

— Не торопитесь, молодой человек. Я была в домашних тапочках и кто бы там ни был, он не слышал меня. Я выключила фонарь, думаю, не буду пугать, если там ребяташки, просто посмотрю, и потом скажу родителям.

И вот, выглянув из-за угла, аккуратно посмотрела в то помещение, где трубы. Они идут сверху вниз, на расстоянии примерно метра и на уровне головы находятся вентили. Слева — холодный, справа — горячий. Вы не думайте, что там тоже темно, нет. Туда попадает свет с улицы через дымоходы или что-то подобное с сеткой. В общем, света там достаточно. И что вы думаете? Я увидела, как какой — то незнакомый мне человек стоит ко мне спиной и держится, значит, за вентили руками. Ну ясно — сперва я подумала. Хулиган. Но потом заметила, что его рвет. И так сильно!

Архипов начал выходить из себя. "Местный пьяница перепил, но зачем же мне это полчаса рассказывать" — подумал он и хотел уже сказать грубость.

— Я даже его пожалела, смотрю, молодой, эта прическа, как сейчас они все любят, под зека. Что ж ты, думаю, растяпа, меру то свою надо знать. Но дальше, я сперва внимания и не обратила, прямо на ворохе тряпья девица лежит, раздетая, без ничего значит совсем. Стыд то какой, думаю. А потом я еще присмотрелась и, вроде, как показалось мне, не дышит то она. Ой, батюшки! Ну, думаю, не мое это дело и вышмыгнула оттуда. У молодых, знаете, свои причуды. И... Архипова словно током ударило.

— Где?! — закричал он, — где вы живете?

— На Калязинской, — недоуменно ответила бабка и назвала точный адрес.

— Я и с жилсоветом посовет...

— Бабуля, мы сейчас приедем. Сидите дома и никуда, слышите, никуда не выходите!

— Да слышу я пре... Архипов бросил трубку. Его трясло. Он опять схватил телефон.

— Деев, Троицкий, группу на выезд!

— Что случилось? — тревожно спросил Доев, когда Архипов залез в микроавтобус.

— Случилось, — ответил капитан. Ехали молча.

— Прямо к дому не подъезжай, остановись метрах в ста. Вы, — кивнул Архипов группе поддержки, — рассредоточьтесь возле дома. Они спрыгнули на землю.

— Поступил сигнал, — объяснил Архипов. — Может, по нашему делу. Троицкий, ты к бабке. Деев со мной.

Дом представлял собой немецкое строение времен русско-прусской войны. Мрачное кирпичное здание сверху до низу поросло мхом.

"Господи, дай мне до него добраться", — помолился Архипов и шагнул в подъезд, держа в руке фонарь.

Направо, прямо, налево, направо, — это он помнил хорошо. Подвал отличался необычно сухостью. Обычно в таких местах обязательно где-нибудь течет вода. Высокий потолок исчезал в паутине. Слева и справа виднелись деревянные дверцы с полустертыми номерами.

Они вытащили пистолеты и тихо переставляя ноги, продвигались вперед. В подвале стояла глухая тишина. Ни одного звука не доносилось сюда с улицы. Деев шел сзади и старался не дышать.

Наконец, они добрались до последнего поворота. Архипов заблаговременно погасил фонарь. Напряженные до предела нервы звенели точно натянутые струны.

Медленно, насколько это только было возможным, Архипов выглянул из-за стенки, держа палец на спусковом крючке.

Действительно, из потолка на пол спускались толстые, чем-то обмотанные трубы. Круглые диски вентилях зловеще блестели. Но никакого парня не было и в помине.

"Отбой", — махнул Архипов Дееву и тот опустил пистолет. "У бабки крыша поехала, точно", — подумал он. Сердце стучало как паровой молот. "Надо же так опростоволоситься, поверил старой карге. Все управление будет смеяться."

Они вошли в помещение. В углу валялась куча старого промасленного тряпья. Света хоть и было достаточно, но Архипов все же включил фонарь и принялся бегло изучать стены. Деев отошел в сторону.

Архипов мельком взглянул за трубы. Никакой блевотины там не было, впрочем он и не ожидал ничего найти. "Идиот."

Вдруг Деев приглушенно вскрикнул. Архипов мгновенно повернулся, держа пистолет наготове. Из под рабочей куртки, приподнятой помощником, торчала нога.

Женская нога. Голая женская нога.

Только теперь он почувствовал, что пахнет трупом. Архипов снова подошел к трубам и наклонился, подсвечивая фонарем.

Так и есть, на задней поверхности труб виднелись остатки плохо переваренной пищи. На земле они были тщательно стерты.

Они открыли лицо женщины. Молодая, довольно красивая, но, мертвая. И уже давненько.

— Что будем делать? — спросил шепотом Деев. Архипов принял решение.

— Уходим, — тихо сказал он.

Глаза Деева округлились, но он покорно пошел вперед. Выйдя на свет, они зажмурились.

— О, черт, — прикрыл рука глаза Деев. — Ну и ну... Троицкий еще не появился. Архипов сделал знак рукой и невидимые омовцы побежали назад к машине. Они закурили, встав под кусты. Деев не задавал вопросы, он знал, что капитан не любит, когда мешают думать. Когда вышел Троицкий, они курили уже по третьей сигарете. Архипов приложил палец к губам и показал Троицкому в сторону автобуса.

— Мы здесь, проезжай на легковой. Никому ничего. Троицкий кивнул и ушел.

Затем они отошли метров на пятьдесят и уселись на скамейке. Обзор отсюда открывался хороший.

— Почему ты думаешь, что он придет? — спросил Деев, устраиваясь поудобней.

— Потому что нам все равно нечего делать, — ответил ему Архипов. Архипов спинным мозгом чувствовал, что они взяли нужный след. Он посмотрел на дом, припомнил длинный темный подвал и попытался представить, какой простотой нужно обладать, чтобы просто так взять фонарь, спуститься туда, увидеть Бог весть какую картину и при этом бояться, что сбежит какое-то молоко. Именно таких сотрудников ему не хватает. Он не имел в виду, что Деев, Троицкий и другие его подчиненные — плохие и никуда не годные ребята. Все они —

профессионалы, это ясно. Но не более.

Троицкий приехал через сорок минут на старенькой Асконе. Машина выглядела настолько невзрачно, что к ней не хотелось даже подходить. Они припарковали машину недалеко от скамейки.

— Что там бабка? — спросил Архипов.

Троицкий повторил всю беседу слово в слово. Это почти не прибавило новых деталей, кроме того, что парня возле дома никто никогда не видел. В их доме такого не проживало, девицы тоже.

— Значит, он является сюда ночью, — сказал Деев кивая на скамеечку возле подъезда. Она ломилась от тяжести пенсионеров. — Такие и комара чужого не пропустят.

— Наверное, — согласился Архипов и посмотрел на заднее сиденье машины. Рядом с Деевым лежал бинокль ночного видения. "Молодец Троицкий", — подумал Архипов. Сидеть таким образом им приходилось не впервые. Поэтому каждый знал, чем это грозит. Начиная с отекающих ног и спины и заканчивая слезящимися от усталости глазами. "Было бы ради чего", — говорил в таких случаях Троицкий. Архипов включил радио на маленькую громкость.

— Через месяц в нашем городе, — замурлыкало оно, — состоится международный фестиваль искусств. Госпожа Никитина просит звонить заинтересованных лиц по телефонам...

— Опять... — недовольно проворчал Доев.

После рекламы заиграла музыка.

По опыту они знали, как распределять дежурство. Один смотрит, другой спит, а третий и не спит и не бодрствует, подстраховывает. Потом все передвигается на один.

В машине была рация и через день дежурства Архипов передал в управление, где они и чем занимаются. Литвинов спросил, не нужно ли подкрепление, Архипов ответил, что нет. Периодически кто-нибудь выходил за продуктами.

В боковое стекло машины кто-то постучал. Архипов дремал на заднем сидении, но моментально проснулся и взглянул в окно. Там стоял маленький мальчик с оранжевым резиновым мячом.

— Дядя, пойдём поиграем, — услышал капитан через закрытое окно, мальчик смотрел на него добрыми глазами и показывал в сторону футбольной площадки. Архипов открыл дверь машины.

— Давай как-нибудь потом, — сказал он. — А ты, лучше, иди домой. Как раз мультфильмы начались...

Мальш укоризненно посмотрел ни него и обдумав что-то про себя, кивнул. Архипов удовлетворенно откинулся на сидении. Сколько еще ждать? А если он не придет? Бросил труп и все... Так думал капитан под конец второго дня дежурства. Пенсионеры быстро привыкли к машине у дома и не обращали на нее никакого внимания. Или делали такой вид.

Ночь прошла спокойно. В подъезд забегали только кошки.

На третий день Архипов отпустил выбившихся из сил помощников по домам и остался один.

— Я еще немного покараулю, а вы завтра в управление. К вечеру постараюсь подъехать. Надо вывезти труп.

С наступлением сумерек пенсионеры разбежались по домам. Архипов потянулся. Спина затекла так, что представляла собой застывшую доску. Он взглянул на часы. Уже без

двадцати двенадцать.

Если ничего не случится, завтра с утра надо ехать в управление, хватит. Андрей разложил сидение и полулежа наблюдал за подъездом.

Ближе к трем часам ночи глаза начали закрываться сами собой, негромкая медленная музыка убаюкивала. Архипов уронил бинокль на грудь.

— Фу, — фыркнул он, подсакивая. — Сколько же я проспал? — поглядев на часы он успокоился. Три минуты. Всего три минуты, это не страшно.

Вдруг что-то заставило его взять бинокль в руки. Серая тень, более плотная, чем окружающая ночь, казалось, промелькнула под распускающимися деревьями.

Архипов всмотрелся. Наконец-то! Мышка в мышеловке. Молодой, среднего роста парень в спортивном костюме и кроссовках, озираясь, вслушивался в ночную тишину. Убедившись, что все спят, он незаметно прошмыгнул в подъезд, удерживая под рукой пакет.

Вызывать по рации подмогу Архипов не хотел. Поднимется шум, маньяк может уйти, Чуть подождав, и проверив фонарь, капитан вылез из машины. Нервы были на пределе.

Пройдя по подвалу три четверти пути, Архипов погасил свой фонарь. Из-за угла падал свет и доносились звуки передвигаемого по полу предмета. Человек тяжело дышал.

Архипову приходилось уповать на то, что его визит получится неожиданным. Положив свой фонарь на землю, он взял пистолет двумя руками и прыгнул в поток света.

— Стоять!!! — заорал он. Свет ударил в глаза и сперва он даже не видел, кому кричит, но быстро освоился. Тень дернулась. — Руки за голову!! К стене!

Рядом с молодым человеком лежал мешок с наполовину загруженным туда телом девушки. Глаза маньяка судорожно перебегали с мешка на Архипова. Он еще не понял, что произошло.

— К стене, скотина! — еще громче крикнул Архипов, целясь ему в грудь. Маньяк наконец заметил пистолет и дрожа, поднял руки. Он не знал, что ему делать и его движения были какими-то судорожными. Пятясь к стене он заскулил.

— Это не я, она сама... Это моя сестра... не убивайте меня!

— К стене! Руки за голову! Молодой человек, казалось, не слышал приказаний.

— У нее передозировка... это она сама. Я не виноват... Он трясся как осиновый лист на электрическом стуле. Архипов взглянул на иссиня-белое лицо девушки и ее обнаженное грудь, торчащую из мешка.

— Сама, да?! — злость заполнила его всего. — Туда она тоже сама залезла?! Подонок! к стене!!!

Молодой человек посмотрел куда-то сквозь него и опустил руки. В его затуманенном взгляде не просматривалось ровным счетом ничего. Зрачки были расширена.

— Руки!! — закричал Архипов, делая шаг назад. Но маньяк оказался быстрым, гораздо быстрее, чем предполагал капитан. Выхватив откуда-то нож, он с диким воем бросился вперед и влево, стараясь избежать выстрела.

Долю секунды Архипов соображал, пока длинный десантный нож не распорол ему рубашку и грудь. Одновременно прогремел выстрел.

Пуля ударила маньяку в шею. Его отбросило к стене, нож вывалился и упал к ногам Архипова.

— Прозевал, идиот, — прошептал он, наклоняясь над парнем. Из его горла била алая кровь.

Архипов перевернул его на спину. Глаза у него были открыты.

— Где остальные?! — закричал ему в лицо Архипов. — Остальные?!

— Далеко, — прохрипел парень. В его горле раздались булькающие звуки и он умолк. Капитан не стал закрывать ему глаза. Это сделают в морге.

Архипов вышел из подвала. Половина четвертого утра. Ему довелось повидать немало трупов, еще один не добавил в его ощущения ничего нового. Навалилась смертельная усталость. На ватных ногах он дошел до машины.

Прошли те времена, когда по каждому выстрелу проводилось служебное расследование и ему не раз доводилось быть в таком положении. Убийца получил по заслугам. В этом сомневаться не приходилось. Архипов потянулся рации.

— База, база, — запросил он, — говорит двенадцатый. Вышлите бригаду и труповозку, — и назвал адрес.

Дождавшись экспертов, Архипов подписал необходимые бумаги и поехал домой. При досмотре у парня нашли "Комсомольскую правду".

Глава 33.

Утром Литвинов вызвал его к себе. В кабинете уже сидели судмедэксперт и дежурные ночной бригады.

— Ну, что, Андрей, можно тебя поздравить?

— С чем? — вяло произнес Архипов. Всю ночь он не спал, ему снились кошмары. К тому же болела царапина на груди. Литвинов проигнорировал его вопрос и кивнул эксперту.

— Девушка, — начал тот, — лет двадцати трех. Рост сто шестьдесят пять, волосы русые, заплетены в косичку. Поверхностных повреждение не обнаружено, кроме незначительных синяков на руках. Время смерти — примерно дней пять назад. Причина смерти — наркотическая передозировка. Личность не установлена, особых примет не имеет. Мужчина лет двадцати пяти, рост сто семьдесят три, был одет в синий спортивный костюм "Адидас" и кроссовки той же фирмы, пострижен коротко, находился в состоянии наркотического опьянения. Особых примет нет, личность также не установлена.

— Рассказывай теперь ты, — сказал Литвинов капитану. Тот повторил ему ночное происшествие.

— ... И когда я выскочил, он уж почти уложил ее в мешок. Вероятно, хотел избавиться от тела. Он совершенно ничего не соображал. Я дважды или трижды предупредил его, потом он бросился на меня. Если бы не такой длинный нож, он бы меня не достал. Я выстрелил. Вот и все. Единственное, что я успел у него спросить — где остальные. Он ответил, что далеко. И все.

— Ясно, а у вас что? — спросил Литвинов дежурного.

— Да в общем-то тоже самое. Приехали, подвал, конечно, мрачный. Девчонка, совсем голая из мешка торчит, воняет на весь подвал... Маньяк у стены с простреленным горлом, там же, недалеко, валялся нож, десантный, надо сказать.

Литвинов посматривал в протокол и кивал. Настроение у него явно улучшилось.

— Нет такого дела, — сказал он, — с которым бы мы не справились, правда, ребятки? Ладно, благодарю за службу — Литвинов поднялся с кресла и проткнул Архипову руку. — Тебе, — сказал он, — неделя отпуска.

Покончив с церемониями, Архипов направился в свой кабинет. Плеснув в чашку коньяка он остановился возле пустого стола. Почти пустого. В самом его центре лежало письмо.

Архипов залпом выпил коньяк. И взял конверт, яростно его разорвал, потом подошел к окну и выбросил все это на улицу, маленькие кусочки бумаги тотчас развеяло теплым весенним ветром.

ЭТО БЫЛО ТВОЕ ПОСМЕРТНОЕ ПИСЬМО.

Он устало опустил на стул и закрыл глаза.

Глава 34.

Они пришли примерно через час после того, как принесли еду. Василий услышал открывающийся засов в глубине тюрьмы. Сразу за скрежещущим звуком последовали шаги, иногда нарушаемые короткими фразами.

Он понятия не имел, сколько прошло времени — месяц или год, когда он спрашивал об этом у охранника, тот лишь пожимал плечами.

Василий сел на нары и уставился на дверь. Шаги приближались. Он с отвращением вспомнил красномордого, но вопреки его ожиданиям, в камеру вошел охранник и двое средних лет мужчин в штатском. На них были одеты одинаковые серые костюмы и запылившиеся туфли. Ни одного из них Василий припомнить не мог.

— Батурин? — спросил тот, который стоял слева. Он, видимо, был чуть старше, и по возрасту и по званию. Второй стоял чуть позади первого и нервно переминался с ноги на ногу.

— Да, — ответил Василий, разгадывая цель их визита. Но штатский не стал много говорить.

— Подпишите постановление о вашем освобождении. — Он кивнул второму и тот подал листок бумаги и ручку.

Василий машинально поставил я свою подпись, глядя на верхнюю строку бумаги — "Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела". Строчки заплясали у него в глазах, а ноги предательски задрожали.

— Старшина, выдайте ему вещи. — Долгим взглядом штатский посмотрел на Василия. — А ты забирай все и проваливай. Больше лучше не попадайся.

Василий утвердительно кивнул.

Второй штатский сухо засмеялся, они повернулись и быстро ушли. Через пять минут вернулся старшина, принес куртку, шнурки, ключи и прочий мелкий скарб.

Василий еще раз расписался в акте о возврате вещей, неспеша оделся, натянул забытую черную шапочку и подмигнул охраннику. Тот посмотрел на него глазами голодного бультерьера.

Некоторое время они петляли по мрачным коридорам, периодически останавливаясь, когда сержант, лязгая ключами, закрывал двери. Наконец, они вышли на развилку. Направо вверх, к двери, тянулась каменная лестница, а прямо — все те же коридоры.

Охранник показал на дверь и не дожидаясь, пошел вперед. Василий, не дав ему себя обогнать, открыл тяжелую металлическую дверь и вышел на улицу. За спиной послышался хруст закрываемого замка.

Василий ошеломленно оглядел пространство перед собой и полной грудью вдохнул цветущий весенний воздух.

Боже! Снег куда-то исчез, молодая зеленая листва тихо шумела, подгоняемая слабым ветерком. Тонкий аромат цветения защекотал в ноздрях.

Василий дышал и не мог насытиться. Безбрежно голубое небо без единого облачка

населили веселящиеся ласточки. Шумная ребятня играла в мяч и громко смеялась.

Василий почувствовал как на глаза навернулись слезы. Он соскочил вниз и побежал. Так быстро, как только мог. Он хотел ощутить усталость, хотел видеть лица людей, хотел кричать, что он не виновен, что его отпустили! Он хотел обнять весь мир и поцеловать его, и не важно, что этот мир причинил ему столько боли. Важно, что этот мир существовал и в конце концов все расставил на свои места.

Прохожие оглядывались на него с изумленными лицами, но ему было наплевать. Он бежал и дышал, не обращая внимания на шарахающихся людей.

Василий сорвал с себя шапку и отросшие почти до плеч волосы взметнулись по ветру. Глаза горели от переплескивающегося через край возбуждения.

Он даже сам не заметил, как оказался у Наташиного дома. Полувековые липы шумели над головой протяжно и ласково. Урча, проносились редкие машины.

Василий вошел в подъезд и на мгновение замер, почувствовав неловкость. Кто он ей, в конце концов... Промелькнул как искра и исчез. А Таня... та наверное, и думать забыла. Он вдруг вспомнил ее вязаный свитер и запах... Нет.

Он отогнал эти мысли и быстро поднялся по ступенькам. Звонок прозвенел, как сто лет назад. Василий улыбнулся. Надо было купить цветов. Он пошарил по карманам, но денег не нашел. Деньги исчезли. Да и что там было, кажется, двадцать или тридцать тысяч...

За дверью послышались легкие порхающие шаги. Наташа открыла дверь и замерла.

— Ты?! — вымолвила она.

Василий смотрел на нее не отводя глаз. Она еще больше похорошела. Халатик из тонкой ткани перетягивал красный пояс.

— Я, — сказал Василий.

Минуты две они не двигались с места. Долгие сумасшедшие минуты удивления, узнавания, воспоминаний и черт знает чего еще.

— Проходи, проходи, — залепетала вдруг она. — Чего же ты стоишь? Он прошел в коридор и она, закрыв дверь, остановилась от него так близко, что ее дыхание коснулось его волос на плечах. Наташа несмело подняла руку и провела по его щеке.

— Шрам, — сказала она и вдруг расплакалась, упав ему на грудь. — Боже, где ты был? Где ты был?

Василий обнял ее за плечи. У него закружилась голова. Он погладил ее по спине.

— Не плачь. Не плачь, все кончено, — сказал он. — То, что было, то прошло. Я... — слова застревали у него на языке. — Я очень рад тебя видеть. Ты стала очень красивая... Она отняла лицо от его плеча и попыталась улыбнуться.

— Я тоже рада, что ты вернулся.

Глава 35.

— Сегодня вечером. Да. Кажется, в семь тридцать шесть. Из Ливана. Двенадцать человек, — она отвечала в трубку и одновременно думала, куда бы их заселить. Гостиницы были забиты сверху до низу.

— Их встретят? — спросил ее голос.

— Да, — сказала она и повесила трубку.

Город кипел как раскаленная доменная печь. Температура в тени не опускалась ниже тридцати градусов по Цельсию. На расплавленном асфальте виднелось множество вмятин от

обуви и велосипедных шин. Безумное количество машин в удушливой синеве угарного дыма пронеслось мимо изможденных зноем пешеходов. Слева от ступенек магазина "Ромашка" толстая женщина в серой от грязи и промокшей от пота спиной продавала мороженое.

Спрос был большой. Длинная очередь терпеливо выжидала, пока женщина в грязном халате неспеша примет и пересчитает деньги, потом залезет в свой большой черный кошелек, свисающий с ремня на поясе и отсчитает сдачу. Затем, также не торопясь, при этом морщась, отдуваясь и стряхивая мокрой ладонью со лба свисающие капли пота, откроет холодильник и протянет сто граммов замороженного с сахаром молока.

Василий знал, что для мороженого слишком жарко, поэтому не купил, а то через пятнадцать минут захочется пить в два раза больше.

Он просочился сквозь задыхающуюся на остановке толпу и неспеша пошел вдоль Ленинского проспекта. Посмотрел на часы — они показывали половину первого.

Василий шел к себе на квартиру, которую снял неделю назад. Сегодня он намеревался немного поспать, а затем встать, побриться, надеть срой единственный костюм и вечером...

Вечером его пригласил на день рождения единственный калининградский друг. Они встретились случайно четыре дня назад. Василий гулял по городу и наслаждался свободой, и возле него неожиданно остановилась подержанная "Гренада". Из нее кряхтя, вылез Павел.

— Привет служивым! — крикнул он.

— Здорово, — ответил Василий. — Я уже не служу, уволился.

— Да ну! Чего так?

— Не по мне это, — сказал Василий, нахмурившись.

— Ладно, ладно! — Пашкино лицо так и светилось от счастья. — Значит, так, через три дня, то есть и понедельник, жду тебя у себя. Догадываешься? Василий отрицательно покачал головой.

— День рождения у меня. В семь ноль-ноль.

— А где?

— У меня дома. Помнишь дорогу?

— Ну еще бы, — ответил Василий, улыбаясь.

Павел посмотрел на него, что-то соображая.

— Кстати... один не приходи. Все будут с подругами. Чтобы не глазел на чужих, захвати и ты. Как там Таня?

— Да никак, — сказал Василий.

— Не везет... — сочувственно протянул Пашка. — Ну, все равно, найдешь кого-нибудь.

— Конечно, найду, — Василий засмеялся.

— Тогда, давай, увидимся. — Они пожали друг другу руки и Павел укатил.

Два дня Василий ломал голову, чтобы подарить своему единственному другу. Это была поистине нелегкая задача. Книгу? Цветы? Одеколон? Это все слишком тривиально. Ему бы правый передний амортизатор для "Гранады", самое то. Неожиданно ему в голову пришла удачная мысль. Он сел на трамвай и через сорок минут добрался до оружейного магазина. Конечно же, для мужчины — оружие — лучший подарок. Василий выбирал долго и скрупулезно. Продавец магазина совершенно выбился из сил. Наконец, он остановился на пневматическом "Смит и Вессоне". Отличить от настоящего его было невозможно, а разрешения никакого не требовалось.

Он приехал домой, нашел шелковые пурпурные ленточки и перевязал коробку крест накрест. Теперь пистолет выглядел настоящим подарком.

Вечером будет чудесно. Надо предупредить Наташу. Василий подошел к телефону и набрал ее номер.

— Алло, — послышался голос, — я слушаю.

— Привет, — сказал он. — Как дела?

— Кто это? — спросила Наташа.

— Не узнаешь? Богатой будешь, — рассмеялся Василий.

— Вась, это ты?

— А кто же еще? Кто кроме меня может звонить в такую жаркую погоду?

— Ну, конечно, — Наташа тоже засмеялась. — Как ты устроился, нормально?

— Отлично. Район хороший, квартирка тоже ничего. Слушай, три дня назад Пашка пригласил нас на день рождения. Как раз, сегодня. Так что...

— Это который?

— Тот самый, мы у него были, помнишь?

— Пашка? — переспросила она. — Конечно помню, но сегодня же открытие фестиваля, ты в прошлом году мне обещал что-то!

— Сходим, сходим и на фестиваль и еще куда-нибудь, — Василий терпеливо начал объяснять, куда они могут сходить.

— А мы успеем? К открытию?

— Даже если чуть-чуть не успеем, из окна посмотрим, а потом пойдем.

— Ты обещаешь? — спросила Наташа.

— Ну, конечно.

— Тогда, как будешь готов, заезжай за мной.

— О кей. — Он повесил трубку, довольный, что смог ее уговорить. Город совершенно преобразился. словно в его небе кто-то взмахнул волшебной палочкой. Чистый, нарядный, на трамвайных и троллейбусных проводах появились яркие пластиковые плакаты с изображением символики фестиваля, на столбах — разноцветные флаги. Наверное, страны-участницы, — отметил Василий.

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ НА ФЕСТИВАЛЬ — красовался огромными буквами транспарант при въезде на площадь. И пониже, буквами помельче — **ОТКРЫТИЕ 12 ИЮНЯ НА ОСТРОВЕ**.

Фейерверк флагов, красок и букв ослеплял своей массивностью, праздничностью, он словно вытеснил тот город, который был всего неделю назад.

Ощущение карнавала витало повсюду. Его можно было прочесть на счастливых лицах людей, на залатанных дорогах, на свежескрашенными мусорных баках.

Было бы большой потерей не посетить такой праздник, поэтому пойти на него хотели очень многие. Если не все.

Навстречу Василию с центральной площади Победы, окаймленной со всех сторон цветастыми знаками фестиваля, шла пестрая толпа иностранцев, возбужденно переговаривающихся на разных языках. Карнавальные костюмы, облачающие их производили эффект взорвавшегося конфетти, иностранные гости громко смеялись и горланили на весь Ленинский проспект. Они шли в сторону Острова.

Глава 36.

Никитина сделала широкий нетерпеливый жест.

— Необходимо организовать все так, чтобы все там побывали. Абсолютно все! Какой

смысл, если ограничить поток людей? В противном случае, собрали бы в кинотеатре тридцать человек, да показали бы им конкурс песни и пляски. А это... — она сделала паузу, — это фестиваль между-на-род-ный, — сказала она по слогам. — Вы понимаете?! Какой будет резонанс? В мире, в Москве, наконец...

Никитину поддержала ее заместитель — Анжелика Ивановна Кордец.

— Наталья Александров на права. У нас нет морального права заставить людей, хозяев фестиваля, смотреть его по телевизору. Прошлый раз у нас вылился блин комом, но теперь... такая замечательная программа, столько мероприятий, известных людей. Судите сами, такого грандиозного события в России еще не видели.

Они были очень похожи — Никитина и ее заместитель. Обе среднего роста красивые, классического профиля лица, короткие черные стрижки. Обе стремились к славе, известности, и, несомненно, дополняли друг друга. Их пробивной способности завидовали директора заводов.

Кроме них в кабинете на втором этаже мэрии присутствовало еще семь человек, на которых держалась вся организация фестиваля. Все они были подобраны Анжеликой Ивановной и одобрены Никитиной. Разногласия если и случались между ними, то только наедине. Никитина села, предоставив вести собрание Кордец. Возник спор относительно количества людей, которые могли присутствовать на фестивале. Собственно говоря, все упиралось в Литвинова который упирался руками и ногами и всеми силами хотел ограничить потоки людей.

— Да и к тому же, — продолжила Кордец, — Лев Николаевич, — обратилась она к сидящему третьему слева от нее лысому тщедушному человечку в сером костюме и роговых очках. Он был ответственным за финансовую сторону дела. — Поделитесь своей информацией.

Лев Николаевич, не вставая, пододвинул к себе один единственный листок, исписанный мелким шрифтом.

Литвинов поднял на него тяжелый, как у генерала Лебеда взгляд, и, наверное, пригвоздил бы проклятого еврея-бухгалтера к спинке кресла, будь он у себя в кабинете на Советском проспекте. Или прибил бы гвоздями к портрету Менжинского.

Литвинов никак не мог взять в толк, почему эти люди не прислушиваются к голосу разума. Четыреста тысяч человек, и все соберутся в районе Острова. Это же сумасшествие, самоубийство. Пьяная неуправляемая толпа. От Кафедрального собора даже стрелок курантов не останется.

Литвинов опустил взгляд на руки Льва Николаевича и произвольно отметил, что они дрожат. Впрочем, может они у него всегда дрожат, — подумал он.

Гестер уткнулся в бумажку и монотонно начал читать.

— Общие затраты на фестиваль, включая проезд, проживание и гонорары участников, а также, праздничный фейерверк и непредвиденные расходы составили двенадцать миллиардов семьсот тридцать четыре миллиона восемьсот шестьдесят тысяч рублей. Затраты на аренду земли, подводку электричества, строительство сцены и других карнавальных сооружений, биотуалеты — два миллиарда триста четырнадцать тысяч рублей. — Он замолк, отыскивая толстым пальцем следующую строку, — общая реализация билетов и торговых лицензий на данный момент составила Семь миллиардов двести пятьдесят три миллиона девятьсот пятнадцать тысяч рублей. То есть, у нас отрицательное сальдо...

— Хватит! — резко прервала его Никитина. — Хватит. — Она посмотрела на Литвинова с оттенком явного превосходства. — Ну что, Иван Дмитриевич, вопросы еще будут? — не дожидаясь ответа, тут же продолжила, — подтяните своих ребятишек побольше и все будет о'кей.

— Наталья Александровна, — пожал плечами Литвинов, — вы же сами понимаете, что нельзя этого делать. Так еще больше народа соберется, мы можем не справиться. Толпа сметет нас в одно мгновение. Она посмотрела на него, как на слабоумного и промолчала. Поднялся Минский, курирующий общие вопросы фестиваля.

— Вы же понимаете, — он обратился ко всем, но с явным намеком на Литвинова, — что город может оказаться в дыре. У нас гости из тридцати пяти стран мира, будут люди из Москвы, — он посмотрел на Никитину. Приедет снимать Си-эн-эн. Они заплатят деньги только в том случае, если действительно увидят нечто из ряда вон выходящее. И хорошие деньги. Да что там говорить! Если мы не сможем провести этот фестиваль на уровне, на городские ворота можно вешать большой амбарный замок. Раздался голос Карецкой, режиссера фестиваля.

— Ну, ну! Все это так, но в чем-то Иван Дмитриевич прав. О безопасности надо подумать в первую очередь. У меня задействовано столько людей, техники... Надо, конечно, все это как-то охранять.

— Вот, Иван Дмитриевич, и займитесь этим, — раздраженно сказала Никитина. — А билетами пусть торгует Гестер.

На серой стене кабинета висела висел не то подлинник, не то копия картины Марка Шагала. Идиотская и безразличная, зато очень дорогая.

"Прикинься дураком, — услышал Литвинов свой внутренний голос, — может быть и будешь в выигрыше. Как картина Шагала"

В общем-то Никитина ему нравилась. Как женщина. Но как глава соответствующего отдела в аппарате области, она была отвратительна. И не только ему. Полгорода ненавидело ее за чрезмерную хвастливость, богемные замашки, и, наверное, за слишком большие траты народных денег. Сколько еще это могло продолжаться? Никто не знал.

— Надежда Николаевна, — обратилась Никитина к уже немолодой, но прекрасно выглядевшей даме, благодаря трем слоям косметики "Ланком", да десятку золотых изделий, украшавших заведующую сектором гостиничного хозяйства, — у вас, надеюсь, все нормально? Жалоб от гостей нет?

— У нас, как всегда, все отлично, Наталья Александровна, — живо откликнулась она, — хотя народу и слишком много, мы явно никого не обделили. Даже думаю, вот, выбираю, куда лучше заселить...

— А сколько всего гостей у нас?

— Около двух тысяч. Это, так сказать, непосредственные участники.

— Приехали уже все?

— Да, все, — Надежда Николаевна? открыла блокнот, лежащий перед ней.

— Еще вчера всех заселила. Точно.

— Отлично, отлично, — похвалила ее Никитина. — Вот как надо работать, — она посмотрела на окружающих ее людей.

— Программу уже все видели? — обратилась она к присутствующим. — Давайте посмотрим.

Карецкая вышла из-за стола и раздала буклеты с программой фестиваля. Она гордилась

своим творением и в думе надеялась, что ее после такого шоу пригласят в Голливуд.

На первой странице буклета был изображен янтарный орел, пролетающий над Кафедральным собором.

Литвинову показалось, что орел вот-вот войдет в штопор. Лев Николаевич Гестер непроизвольно прикинул, сколько бы такая штука стоила. Наверное, немало. Он видел заказ с фамилией Никитиной на изготовление янтарного орла в натуральную величину на местном янтарном комбинате.

Девять первых страничек буклета одновременно перевернулось. "Открытие фестиваля. 12 июня. 21.00" — гласила первая строка в расписании.

Глава 37.

От непрерывного гула здание аэропорта, построенное совсем недавно, и прилегающая к нему территория напоминали растревоженный улей. Рабочие в синих комбинезонах с надписью "аэропорт" перевозили на электропогрузчиках многочисленный багаж.

Возбужденные голоса прибывающих людей перекрывали шум самолетов. Встречающие отыскивали в бурлящей толпе знакомые лица и бросались к ним навстречу, чтобы не потерять вновь.

"Приземлился рейс 5301, прибывший из Конго" — очередное объявление чистым женским голосом на миг заглушило толпу.

Иностранцев было преобладающее большинство. Приглашения на фестиваль разослали в тридцать четыре страны и почти от всех были получены подтверждения об участии. Мероприятие обещало стать грандиозным международным событием и многие связывали это с именем Никитиной.

Очередь в сувенирный киоск выстроилась огромная и, конечно, в ней были одни иностранцы. Море матрешек, больших и маленьких, янтарных орлов, символов фестиваля, просто изделий из янтаря, картин и поделок русских мастеров продавалось сегодня.

У Тани не хватало времени пробивать кассу, отсчитывать сдачу и протягивать ее вместе с покупкой. Не забывая говорить "Спасибо". Так часто, что иногда она путалась и вместо "Спасибо" мило улыбалась.

Очарованные такой улыбкой красивой русской девушки, иностранцы наотрез отказывались брать сдачу. Иногда такая сдача достигала ее недельной зарплаты и поэтому день определенно можно было считать удачным. Мысленно Таня поблагодарила организаторов фестиваля. КАК ЕЕ ТАМ? НИ... НИ??! ах, да! НИКИТИНА.

Слева от киоска в котором она работала, находился выход из зала таможенного осмотра и поэтому она имела возможность наблюдать за всеми прибывающими, и, хотя времени ей катастрофически не хватало, любопытство брало верх и она время от времени поглядывала на белую дверь.

"Как они все-таки не похожи на нас, — подумала она, любясь пожилой парой из Германии или Австрии. Такие чистые, опрятные, вежливые."

Протянув со сдачей купленные бусы, Тани увидела, что из зала таможенного осмотра вышла очередная толпа. Да боже!

Такие черные! Она таких еще не видела. Только глаза, глаза и зубы были ослепительно белыми. Наверное, если бы сейчас стало темно, то никто бы их не заметил, абсолютно никто.

В общем-то это ее не очень волновало. Клиенты, они, как правило, все на одно лицо.

Больше ее заботило другое. Во-первых, она очень сильно хотела в туалет, а сменить ее било некому, я во-вторых, она никак не могла разобраться в своих личных проблемах, которые, черт возьми, тревожили ее все сильнее и сильнее.

Таня не помнила отца, который бросил их с матерью спустя год после ее рождения. Она делала вид, что это никак не отражается на ней самой и ее отношениях с окружающими, но обманывать саму себя с каждым разом становилось все труднее и труднее.

Больше всего на свете она боялась остаться одна и хотя сейчас вспышки страха и депрессии были довольно редкими, она очень хорошо помнила, как маленькой девочкой забивалась под одеяло в уголок кровати и тихо плакала, стараясь, чтобы мать ничего не услышала. В такие минуты ей казалось, что целый мир отвернулся от нее, жестоко разбил и забрал все что у нее было — этот дом, мать, плюшевого медвежонка Мишу. И поэтому, еще с ранних лет она слишком хорошо знала, что значит остаться одной.

У нее было две сестры, правда, двоюродные, и она в любой момент могла пойти к ним, чтобы не чувствовать себя одинокой. Но у нее не было права делать так постоянно. Сестры жили самостоятельно, и было бы, наверное, ни совсем прилично надоедать им своим обществом. Мать жила в деревне и виделись теперь они очень редко.

В свои двадцать два года она имела дело с несколькими парнями, правда, каждый раз утверждалась в их эгоизме и ненадежности. Таня вспомнила Василия и у нее кольнуло в груди. Каждый раз, когда она думала о нем, ее охватывало непонятное волнение и трепет. Она видела его всего несколько раз... и когда он приехал к ней, весь избитый, я крови. А она даже не сказала ему доброго слова. В последние месяцы Василий куда-то пропал, а Наташа упорно молчала о нем, хотя Таня подозревала, что сестра что-то знает. Стихи его лежали в сумочке и она никогда с ними не расставалась.

Еще один знакомый парень, Рома, полная противоположность Василия. ЭТАКИЙ, ПОСМОТРИТЕ НА МЕНЯ, Я СВОЙ ПАРЕНЬ В ЭТОЙ КОМПАНИИ, и она смотрела, приногда, ей самой становилось противно.

Она была его вещью, бесплатным приложением, он мог ударить ее, сделать больно, не звонить по неделе, потом приезжать и устраивать гигантские скандалы, ревнуя к каждому столбу. "Ты никуда от меня не денешься" — любил он повторять. И она терпела.

Подруги, сестры видели ее мучения и постоянно советовали бросить это "чучело", пока не поздно, но она не могла. Какой-то невидимой сетью он удерживал ее и не давал свободно вздохнуть. К тому же она боялась его. Безумно боялась. И наверное, это была одна из главных причин, почему она оставалась с ним.

Обслужив последнего в очереди человека, Таня повесила на витрину киоска табличку "закрыто", заперла дверь и побежала в туалет. Затем зашла в кафе.

— Дайте мне гамбургер и кофе, пожалуйста, — попросила она продавца.

— Одиннадцать шестьсот. Она отсчитала деньги и села за столик. "Может быть, Василий позвонит сегодня? — она не хотела себе признаваться, что скучает по нему я поэтому запрятала эту мысль подальше." "Если он не позвонит, можно сходить на фестиваль."

Глава 38.

Здание центральной городской власти представляло собой серое квадратное пятиэтажное здание. Его внешняя невзрачность с лихвой компенсировалась внутренним убранством, где даже туалеты представляли собой изысканные произведения дизайнерского

искусства.

Мэр сидел за большим дубовым столом. Кипы бумаг закрывали его руки, но его лицо и особенно глаза были устремлены на присутствующих.

— Мы не можем гарантировать полную безопасность при таком скоплении народа, — повторил Литвинов.

— Почему? — спросил мэр. — Это же ваша прямая обязанность. У вас в подчинении тысячи людей, а вы мне говорите, что не справитесь...

— Я не говорю, что не справлюсь. Я говорю, что сто процентов безопасности обещать невозможно да и попросту преступно.

— Никто и не требует сто процентов, — сказал мэр. — В разумных пределах...

— До чего вы упрямый, Иван Дмитриевич, — сказала Никитина. — Сначала проверка в аэропорту, затем в гостиницах, а потом уже при входе на остров. Разве этого мало? Да и чего вы собственно говоря, боитесь?

Ее аргументы действовали на мэра безошибочно. Он посмотрел на Литвинова.

— Давайте не будем, Иван Дмитриевич, сами себе усложнять жизнь. Вы видите сколько у меня дел? — он показал глазами на бумажный затор. — Да и вообще, вам отдохнуть бы надо, нельзя так себя перегружать... Литвинов ждал этих слов и нисколько не удивился.

— Вы зря волнуетесь, Иван Дмитриевич, — поддержала мэра Никитина. — Абсолютно ничего ни может случиться. При входе и выходе с острова тотальная проверка. Всех. И артисток и зрителей. Так что....

— Ладно, ладно... я согласен. — Литвинов поднял обе руки вверх в знак примирения. — В конце концов, концерты мы всегда охраняли вроде бы хорошо. Наверное, перенервничал за последние дни, вот и опасаюсь, — сказал он вставав.

Никитина победно улыбнулась и тоже встала.

— Ну, — сказал мэр, — ни пуха!

— К черту! — Они вышли из кабинета.

Никитина открыла свой кабинет, зашла в него, опустилась в мягкое кожаное кресло и закрыла глаза.

Что же это такое?! Ее профессиональное самолюбие так и выпрыгивало из груди, разбивая сердце на миллиарды горящих кусочков. И они еще не верят ей! Свершилось! Да она превратит Калининград в Голливуд! Он сделает все, чтобы купаться в лучах славы, нежить свое тело в ее теплом неторопливом щекотании или, наоборот, как на сцене, загораться, вспыхивать моментально, подобно бенгальскому огню, гореть, искриться, исходить в экстазе вместе с беснующейся толпой. Она хотела этого, жаждала, жила этим.

А кто говорил про нее разные неприятные вещи, попадали в число ее личных врагов. Она любила своих врагов, любила смотреть, как они мучаются и каются, прибегают к ней на карачках я умоляют о пощаде, а она берет плеть и сечет их до крови, так, чтобы куски кожи хлопьями отлетали от тела, словно от пораженного проказой.

Но рука с плетью опускается на тело все чаще и чаще, ужасный крик ее жертв постепенно превращается в визг, тонкий и надрывный, все время усиливающийся. Она видит, что ее жертва уже почти мертва и тоже кричит нечеловеческим голосом, впиваясь кончиками пальцев в глазницы растерзанного тела.

Больше всего она боялась провала. Что ничего не получится, все сорвется и тогда она погрузится в пучину забвения. К ней вернуться все ее жертвы, уродливые, искромсанные и

спросят ее за все, а она ничего не сможет ответить. Она будет смотреть на них и улыбаться. Даже в тот момент, когда они окружают ее и вопьются отвратительными гнилыми зубами в чистое белое тело. ОНА БУДЕТ УЛЫБАТЬСЯ.

Недельной давности разговор с заместителем министра по культуре позволил ей немножко расслабиться.

— Я искренне вам завидую, — сказал он тогда.

— Чему же?

— Я сижу здесь, в Москве, и знаете, Наталья Александровна, это не так приятно, как может вы себе представляете. Постоянные склоки, закулисные интриги, того не делай, здесь не бывай. А вы — вольная птица...

— Да уж... — вставила она. — Если бы вы только представили, каково там все это. На месте. Если кто-нибудь пронюхает про расходы, меня просто повесят.

— Нет, нет, я знаю как вам тяжело и сделаю все возможное, чтобы помочь. Но и вы меня поймите...

Он посмотрела и мгновенно поняла, чего же хочет этот человек в костюме от "Версаче". Он хочет славы. Денег и славы. Как и она тоже.

— О, Николай Андреевич, — она приблизилась к нему так близко, что ощутила его дыхание на споем лице. — Мы с вами давно знакомы... но я скажу, что именно ваше участие принесет фестивалю грандиозный успех.

— Не стоит сильно преувеличивать мою роль. Вы же знаете, как я к вам отношусь... кстати, от имени правительства пригласил представителей "Метро Голдвин Майер" и "Уорнер Бразерс". Они сделают фильм о фестивале. — ОН сделал паузу. — О нашем фестивале.

— Это великолепно. — Все было просто отлично, но ее тревожила одна вещь. — Кто же... это все профинансирует? У меня убытки. Большие убытки. — Она с сомнением посмотрела в его глаза. — Конечно, фестиваль принесет прибыль и большую, но сначала нужно его организовать. Он встал из-за стола.

— Наталья Александровна, обещайте мне одну вещь.

— Какую?

— Во-первых, что наш разговор дальше этого кабинета не выйдет. А во-вторых, что мое имя будет упоминаться наравне с вашим.

— Конечно, я обещаю. Я сделаю все, что вы просите.

— Вот и отлично. — Он нажал и на кнопку селектора, — срочно подготовьте бумаги, которые я просил. И еще одно, — он взглянул на Никитину, — что вы делаете сегодня вечером?

— Я? В общем то ничего...

Вечером они пошли в Арлекино, танцевали, пили мартини и баккарди, а ночь провели в "Метрополе".

Наутро она улетела вместе с платежным поручением на шесть миллиардов рублей. Никто ее не провожал и глядя в иллюминатор на удаляющуюся землю, она знала, что ее час пробил.

Глава 39.

Будильник прозвенел ровно в восемнадцать ноль-ноль. Василий встал, одел заблаговременно выглаженный костюм, затем достал коробку с пистолетом. Выпив чашку

кофе и выкурив сигарету, он вышел из подъезда и поймал такси — старую Волгу серого цвета.

Наташа уже поджидала его возле своего дома. На ней были черные джинсы и красивая красная блузка. В руке она держала букет цветов.

— Привет, — сказала она, — ты вовремя.

— Привет, — улыбнулся Василий. — Поехали?

— Поехали.

— Что там у тебя? — она кивнула на коробочку.

— Подарок.

— Это я вижу, а что именно?

— Пистолет.

— Ты, что с ума сошел? — ее красивые глаза излучали неподдельный ужас. — Твой?

— Да нет. Это игрушечный, пневматический. Стреляет стальными шариками.

— А его можно носить?

— Конечно, сколько угодно.

Они уже подъезжали к пашкиному дому на Московском проспекте. Со второго этажа износилась громкая музыка.

— Ты Тане не звонил? — спросила Наташа, вылезая из машины.

— Нет, а что?

— Да ничего, так просто спросила, — ответила она и вошла в подъезд. Дверь открыл сам именинник.

— Ну, молодцы, не опаздываете, — он поцеловал в щечку Наташу и пожал Василию руку. Они в свою очередь вручили Пашке цветы и коробку, перетянутую пурпурной лентой.

— Спасибо, спасибо, — расстрогался Павел. — Проходите, садитесь. В комнате уже был накрыт стол, за которым сидело человек десять.

— Всем привет, — поздоровался Василий и сел рядом с Наташей.

— Штрафную им, штрафную, — обрушилось со всех сторон. — Давай, давай!

— За что?! — взмолился Василий, но его никто не слушал. Стопку наполнили за полсекунды и поставили перед ним. Ничего не оставалось, как выпить.

— За именинника! — Василий опрокинул стопку и огненная вода растеклась по внутренностям. Праздненство началось.

Глава 40.

— Только что приземлился рейс двадцать два ноль шесть, прибывший из Ливана. Встречающих, просьба подождать у зала таможенного осмотра.

Таня сидела и скучала без работы. Последний самолет приземлился полтора часа назад, битком набитый венграми и болгарами, теперь в здании аэропорта было пусто. Одинокая уборщица подметала в дальнем левом углу.

Кто-то постучал по стеклянной витрине киоска. Она вздрогнула и посмотрела на стучавшего. Это был высокий молодой человек с черными курчавыми волосами, густо намазанными гелем. Из зала таможенного осмотра уже выходили другие люди.

Они были удивительно похожи — все довольно высокого роста, с одинаковыми короткими стрижками и все в черных, прекрасно сшитых костюмах.

Вскоре показались и остальные пассажиры. Таня сказала бы, что они южной национальности, не придавая этому слову никакого значения.

— Девушка, дайте мне двенадцать самых больших матрешек. — Он говорил почти без акцента. Его холодные глаза смотрели прямо в упор, словно на ней не было одежды. И хотя он улыбался, его глаза абсолютно не улыбались. Они были холодными и безжизненными. Раньше она думала, что это все сказки про какие-то ненормальные глаза, что это не больше, чем уловка писатели, чтобы нагнать побольше страху. Но это оказалось на самом деле.

Таня поспешила отвести взгляд и ей почему-то стало страшно. По спине пополз холодок, а внутри живота появилась тупая ноющая боль.

Он забрал свои матрешки, кинул ей триста баксов и отвернулся, что-то объясняя попутчикам на своем гортанном языке.

Вдруг они все повернулись в ее сторону и громко засмеялись. Вернее, заржали. Именно заржали. Без тени стыда и человеческой снисходительности. От них исходила какая-то животная сила, похоть. Их перекошенные лица вызывали такое отвращение, что ее чуть не вырвало прямо на кассу.

Они постояли еще с минуту, наблюдая за ее беспомощностью, а потом исчезли с быстротой, с которой появились. Таня не выдержала и заревела, пряча лицо в тонких коленках. Ей было страшно возвращаться домой.

Глава 41.

Волнение нарастало прямо пропорционально приближению девяти часов вечера. Народ прибывал невиданными темпами. Все близлежащие к острову улицы и кварталы были заставлены автомобилями. Но место еще оставалось. Немного, но оставалось. Билеты на фестиваль разлетались со сверхзвуковой скоростью, а дела у торговцев на острове шли вообще прекрасно.

— Семь горячих бутербродов, бутылку шампанского, бутылку водки и семь стаканчиков!

— Семьдесят восемь тысяч.

— Две бутылки водки.

— Тридцать пять тысяч, следующий!

— Двенадцать пива темного, пять чипсов.

— Шестьдесят девять тысяч...

Народ гулял вовсю. Прямо под эстакадным мостом заканчивали монтаж сцены, выполненной в виде полукруга, цепляющегося сверху за мост стрелами, напоминающими расходящиеся лучи солнца.

Позади, за кулисами сцены, были видны готовящиеся к выступлениям коллективы. Весь мост, сколько хватало взгляда, был до отказа запружен людьми.

Нафир улыбнулся, обнажая белые ровные зубы.

— Братья, — сказал он по-арабски. — Эта белая сука на нашей стороне. Вы оглянитесь, посмотрите! Столько мяса мы еще никогда не приносили в жертву!! — Его лицо светилось какой-то внутренней одержимостью.

Ликис, как капля воды, похожий на Нафира указал на сцену:

— И мы там будем выступать? Перед всеми этими грязными животными?!

— Постой, — прервал его Нафир. — Не торопись. Это будет маленькой жертвой с нашей стороны.

Ликис отошел в сторону и замолчал. Эта белая, в аэропорту, она ему определенно понравилась. Черт побери! Когда он что-то хочет, он это берет! Надо будет съездить за ней.

Они стояли за кулисами. Двенадцать человек, одетых в черные костюмы, с черными гитарами. Их разговор никого не интересовал. Они немного порепетировали и растворились в толпе. Сегодня их выступление было почти в час ночи. Они многое должны были успеть сделать.

В дверь позвонили. Карташов нехотя поднялся с дивана и шлепая босыми ногами по полу спросил:

— Кто там?

— Здравствуйте, — послышался приятный мужской голос. — Мне вас порекомендовали, как специалиста по древнему Кенигсбергу. Я сам из-за границы. Калифорнийский университет.

Карташов приоткрыл дверь и увидел молодого человека respectableй внешности в золотых очках.

— Чем могу быть полезен? — спросил Карташов, — мистер...

— Герлин, — подсказал молодой человек.

— Мистер Герлин, — сказал Карташов, пропуская его в прихожую.

— Видите ли в чем дело... Я работаю на кафедре истории и мы случайно узнали, что вы занимаетесь проблемой так называемой "Янтарной комнаты". Мы тоже занимаемся этим вопросом и совершенно случайно к нам в руки попала вот эта карта.

Герлин вытащил сверток из внутреннего кармана пиджака и протянул его Карташову.

— Это копия, — сказал Карташов, разворачивая карту.

— Совершенно верно, — ответил Герлин, — копия. Карташов взгляделся в карту, составлена она была на немецком языке и в принципе, очертания и некоторые названия были ему известны.

Но большинство отметок, подземных ходов и зданий он видел впервые. И это было очень интересно. Карташов загорелся, у него задрожали руки.

— Где вы это взяли?

— О, это долгая история, господин Карташов. Но, вы, похоже, первый раз видите подобное?

— Как вам сказать, — отозвался Карташов. Его глаза странно блестели. — У меня есть похожая карта. Но только похожая. Что-то совпадает, но большинство деталей — другие.

Карташов опять взгляделся карту. Странное предчувствие появилось у него в мозгу и теперь не давало ему покоя. Какие-то мелкие детали на карте в его представлении должны были находиться совсем в других местах. Или он ошибается?

— Подождите секундочку. Я сейчас принесу свою карту. — Он подошел к сейфу, набрал код и открыл его.

Внутри лежали старые немецкие фолианты, карты, деньги и другие ценности. Карташов быстро нашел нужную карту и развернув ее, вернулся в прихожую.

— Вот, посмотрите, этот памятник находится все... Он не успел договорить. Закрыв лицо картой, он почувствовал, как тонкий холодный клинок вошел ему сбоку прямо в сердце. Он хотел вздохнуть и не смог. Смерть наступила мгновенно.

Глава 42.

— Вы только посмотрите, только по-смо-три-те! Что он мне подарил! — Пашкавытащил черный как смоль пистолет.

Парни сразу же принялись обсуждать его достоинства и недостатки.

— Да слабый он, бьет всего ничего, — доказывал Мишка — толстенький паренек в очках.

— А я стрелял из такого, — вклинился Женя, сидящий прямо возле окна. — Бутылку шампанского вдребезги метров с пятнадцати...

— Не верю, — отрезал Слава — плотный, накачанный как Шварценеггер парень. — Не может быть.

— Давай проверим, — не растерялся Пашка.

— Да ну вас! — все девчонки хором выразили свое неодобрение. — Черт знает чем занимаются!

— Десерт, десерт, — две девчонки начали разносить фрукты. — Но сначала тост!

— Да сегодня один тост, Павел! За тебя! — все чокнулись, выпили и принялись за фрукты.

Вечер был в разгаре, громко играла музыка, кажется "Макарена". В голове у Василия приятно шумело.

"Только не мешать эти чертовы напитки, только не мешать". Ему захотелось обнять Наташу и он так и сделал, даже не подумав.

— Тебе еще, Наташ? Шампанского, коньяка? Она повернулась лицом к Василию.

— Пожалуй, коньяка, а тебе?

— Мне, тоже, наверное, не повредит, — Василий наполнил рюмки. — Давай потанцуем.

— Давай.

Они выбрались из-за стола и присоединились к Жене и Свете. Танцевать было приятно, особенно под медленную песню "Скорпионз". Они прижались друг к другу и медленно-медленно в такт гитарных партий двигались по кругу.

— Хорошо, да? — спросил Василий.

— Да, — согласилась она. — А почему ты Таню не пригласил?

— Она же работает, — машинально ответил Василий но где-то в глубине него шевельнулась струнка и ему нестерпимо захотелось увидеть ее. Только вот захочет ли она его видеть? Будет ли также рада ему, как и он ей, когда ее видит. Ведь до сих пор встречи с ней приносили ему только боль и ничего кроме боли. Эти мысли пролетели в его голове за секунду, и он решил, что лучше уж быть здесь, с Наташей, хорошем настроении, чем ехать черт знает куда, да еще не зная, что там ждет. Ничего кроме боли.

Василий взял Наташу под руку и повел обратно за стол.

— А вы хоть знаете, что у нас в городе творится? — обратился он сразу ко всем.

— Конечно, у Пашки день рождения, — крикнул откуда-то Валера.

— А еще?

— Батюшки! Сегодня же фестиваль! Открытие! — вспомнила Аня, подруга Славы.

— Точно. Говорят, там такое будет!

— Что же там будет? — спросил Миша.

— Кажется, пивной конкурс, потом еще куча всяких, — ответил Василий, подливая коньяка, — на самом деле интересно. Потом же вроде группы приехали какие-то. Говорят, известные.

— Можно и сходить, посмотреть, — сказал Пашка, покачиваясь.

— Давайте попозже, — взмолились хором девчонки.

— Тогда гуляем! — взревел Пашка и кинулся танцевать.

Глава 43.

Таня всегда считала, что здание аэропорта освещается недостаточно. Один прожектор на крыше, два по бокам. Этого, конечно, было мало.

Она переделалась в джинсы и тонкий свитер и перед тем, как покинуть здание, пересчитала выручку и закрыла киоск.

Ее подруги по аэропорту уже все разъехались, у них рабочий день заканчивался раньше. И сколько бы она ни говорила директору, что не имеет смысла работать допоздна, он постоянно отнекивался и вообще не хотел говорить на эту тему.

— Не нравится, — говорил он, — уходи. Желающих много. Желающих много.

Она знала, что это так и есть, что безработных в городе очень много. И терпела. К тому же, на последней работе, в пельменной, она получала слишком мало. А здесь и платили хорошо и чаевых перепадало немало. Последнее обстоятельство было самым весомым утешением и ради этого она готова была работать чуть ли не круглосуточно.

Проверив замок на киоске она вышла из здания аэропорта. Свежий воздух моментально заполнил легкие. Вечер был прекрасный. Теплый, легкий, расслабляющий.

До остановки она шла очень медленно, с наслаждением смакуя летнюю тишину.

На противоположной стороне от остановки располагалась автостоянка. Сейчас там стояло три машины. Два мерседеса и БМВ. Наверное, начальства, — подумала она.

Таня припомнила прошедший день. Сколько она заработала? Можно будет позволить себе новую куртку. Таня давно хотела купить модную кожаную куртку, короткую, со множеством застёжек и молний. Завтра надо сходить на рынок. Сестры, наверняка, позавидуют ей. Не помешает и им сделать какие-нибудь небольшие подарки.

Краям глаза она заметила, как что-то темное и большое несется прямо на нее со стороны распутившихся кустов. В полнейшей тишине она слышала только учатившийся стук своего сердца.

Это была огромная черная собака с двумя горящими, как угольки глазами. Она неслась очень тихо и очень быстро. Словно гигантская непроницаемая тень с высунутым наружу языком.

Таня моментально обернулась. Позади нее ничего и никого не было, что могло бы заинтересовать эту бешеную собаку. Расстояние между ними неуклонно сокращалось.

С расширившимися от ужаса глазами Таня молча соображала, что ей делать. Колени мелко дрожали, а кисти рук непроизвольно сжались в кулаки.

Она уже слышала тяжелое дыхание собаки и, казалось, видела серебряную слюну, стекающую с черных челюстей пса. Бежать было уже поздно.

Инстинктивно она подняла согнутую в локте руку, чтобы защитить лицо, отвернулась и что есть силы закричала. Ей показалось, что она кричит очень громко, и что охранник из аэропорта тотчас выбежит ей на помощь. Но из ее горла послышался только сдавленный стон и хрипенье. Руки и ноги отказывались повиноваться.

Мгновение растянулось на тысячи, миллионы дребезжащих отрезков. Сердце почти остановилось, и она, что называется "попрощалась с жизнью".

Все пропало и исчезло. Она видела себя в весеннем саду, среди распутившихся роз и яблонь. Она идет по тропинке и вдыхает легкий цветочный аромат. Пахучий ветерок пробирается в ее волосы и поглаживает их мягкими движениями.

Вдруг чья-то сильная ладонь закрывает ей рот, и другая рука кидает ее на асфальт.

— Молчи, сука, — слышит она глухой шепот, — убью. Таня больно царапает себе руки и локти об асфальт и успевает заметить черные лацканы пиджака.

В следующее мгновение тупой удар по затылку лишает ее возможности думать и двигаться. Она проваливается в бездонную черную пропасть, крепко прижимая к груди недавно купленную сумочку.

Глава 44.

— У меня есть классный новый фильм, — объявил Пашка, когда закончились очередные танцы.

— Давай, ставь, — откликнулся Василий, наливая себе и Наташе шампанского.

— Классно! — народ начал рассаживаться по местам. Принесли очередное горячее. К фильму это было очень кстати.

— Ты не забыл, что ты мне обещал? — спросила Наташа.

— Нет-нет, — ответил Василий, наблюдая как Паша возится с кассетами.

— Сейчас посмотрим и пойдем, не волнуйся.

Заливная утка в вине была превосходного вкуса. А салат из креветок и мидий не мог не обратить на себя внимание своей экстравагантной утонченностью. Игорь, давнишний друг Пашки, удовлетворенно откинулся в кресле.

— Как же мы будем участвовать в конкурсе пива? — спросил он, окидывая взглядом находящихся в комнате. — Мы же идем на фестиваль?

— Ну, конечно, — сказал Пашка, — фильм посмотрим...

— А говорят, народу тьма будет. Что-то тридцать или сорок стран участвует, — вставила Ирина, поправляя волосы.

— По пиву мы все равно должны первое место занять, — заявил Игорь, ухмыляясь. — Какая разница, тридцать или сто? Правда Василий?

— Без сомнений. Целый год тренировок. Задаром что ли?

— А мы домой доберемся? — с тревогой спросила Аня. — А то еще на острове добавим...

— Куда мы денемся, — Пашке явно хотелось повеселиться. — Тут до дома-то пятьсот метров, если, что, добежишь!

Начался фильм и воцарилась тишина, изредка нарушаемая позвякиванием бокалов.

Василию показалось, что этот фильм он уже смотрел, и поэтому одним глазом он посматривал на экран, а другим — на бутылку вишневого ликера, периодически наслаждаясь вкусным напитком. Он решил позволить себе немного расслабиться. Совсем чуть-чуть. Он улыбнулся самому себе и обнял за плечи Наташу. Вечер получался чудесным. Восхитительным.

В голове приятно шумело, мир показался ему намного красочнее и привлекательнее.

Глава 45.

— Алло. Ирина Сергеевна?

— Да.

— Это Никитина. Здравствуйте.

— Здравствуйте, Наталья Александровна.

— Ирина Сергеевна, вы не могли бы прямо сейчас ко мне подъехать, машину я

пришлю?

— Конечно, что случилось?

— Да ничего страшного, надо проконсультироваться.

— Хорошо, выхожу. Высылайте машину.

— Спасибо. Жду. — Никитина устало откинулась в кресле. Через час начало. Ей надо сказать вступительное слово, дать десяток интервью вместе с зам. министра.

Но почему же так болит голова. Эти странные видения. Раньше такого с ней не было, неужели перетрудились? Такого не может быть. Все шло по графику, никаких сбоев и накладок пока не происходило.

Все организовано так, чтобы в случае возникновения каких-либо неожиданностей все вопросы решались сразу на месте, не поднимая переполох в городских службах. Полторы тысячи человек обслуживающего персонала находилось непосредственно на острове или рядом. Ничего не могло случиться так, чтобы она не узнала.

Фестиваль должен продлиться семь дней. На это время запланировано бесчисленное количество мероприятий, съемок, встреч, презентаций и везде, почти везде она хотела присутствовать.

А с такой головной болью не очень то повеселишься и поэтому она взяла своего личного врача. Времени оставалось совсем мало.

— Ирина Сергеевна, — обратилась Никитина, когда врач приехала и опустилась в кресло напротив. — Месяц назад вы проводили мое обследование. Тогда вы сказали, что отклонений никаких нет.

— Так оно и было, Наталья Александровна. Только незначительное повышение давления. А теперь вас что-то беспокоит?

— Я еще не знаю, как вам сказать... — ответила Никитина. — Временами, я словно куда-то проваливаюсь, в пропасть, яму... не знаю, как это назвать. У меня появляются странные видения. Почти что наяву. Но это занимает всего несколько секунд, хотя видения эти мне кажутся намного длиннее.

— А как давно это вас беспокоит, — спросила врач. Никитина задумалась. Ей казалось, что это происходит с ней уже давно. Как будто, она родилась в раздвоенном мире. Но это было не так. Это происходило с ней около года. Никитина объяснила это врачу.

— Знаете, Наталья Александровна, — сказала врач, выслушав ее. — Не зная вас, я сказала бы, что вы переутомились. Невроз или депрессия с мнительными образами. Такое бывает. Я столкнулась с этим у наших ребят из Чечни. У них эмоциональный след с подобными переживаниями очень долго не проходит. Очень. Но у вас... Трудно сказать, в чем тут дело, может быть, большая ответственность пытается найти себе выход или что-то еще, о чем вы предпочитаете никому не рассказывать... но в любом случае, я думаю, все пройдет. Будете пить успокоительное, — Ирина Сергеевна написала несколько названий. — Если станет хуже, обязательно позвоните.

— Спасибо, — сказала Никитина, стараясь не глядеть на врача. Проводив ее до двери, Никитина сказала: — Вас довезут обратно. Спасибо.

— До свидания, Наталья Александровна. Никитина подошла к столу и набрала номер гаража.

— Да, алло?

— Это Никитина. Будьте готовы, скоро выезжаем.

— Хорошо.

Глава 46.

Народу набралось человек пятнадцать. Литвинов сидел во главе стола и исподлобья смотрел на подчиненных. Люди рассаживались, издавая сильный шум двигаемыми стульями.

— Итак, — сказал Литвинов, — прошу внимания. Времени у нас осталось совсем мало, так что давайте побыстрее. Воробьев! Поднялся майор лет сорока.

— Общее положение относительно спокойное. Два грабежа, одно изнасилование, один угон. Работаем. На въездах в город поставили блок-посты. На всякий случай.

— Правильно, — одобрил Литвинов. — Семенов.

— Весь центр города перекрыли, — отчитывался зам. начальника ГАИ. Вплоть до Литовского вала — переходная зона.

— А как связь с островом? — спросил подполковник.

— К острову народ подвозят через Дзержинского и Багратиона., Там же проходят машины с оборудованием и продовольствием.

— Ладно, только все проверяйте до последней гайки!

— Конечно, а как же.

— Ларецкий!

— На острове дежурят четыреста человек омона. Вокруг еще тысяча триста человек. Пока без инцидентов.

— Вы их предупредили, как вести себя с гостями? А то не дай бог, начнут дубинками махать и бюргера зацепят какого-нибудь...

— Конечно, все под страхом увольнения. На входе и выходе пропускные отряды по тридцать человек.

— Хорошо, хорошо, все свободны. Архипов, останьтесь, пожалуйста.

— Слушай вас, Иван Дмитриевич, — сказал Архипов, когда все разбежались по местам.

— Как у тебя настроение? — спросил Литвинов своего подчиненного.

— Нормальное, рабочее.

— А у меня почему-то нет. Кошки скребут на душе. Архипов промолчал.

— Когда я встречался с этой... Никитиной, вот стерва! Я ей одно, она мне другое. Кто же так делает! С бухты барахты...

— Я проверял... списки приглашенных, сверял их с факсами, буквально каждого человека. Сам инструктировал охрану... — Архипов посмотрел на начальника. — Иван Дмитриевич, не волнуйтесь. Все пройдет по плану.

— Я верю тебе, — сказал Литвинов. — Я поехал домой, что — то сердце... В случае чего, держи меня в курсе. Архипов кивнул.

Глава 47.

Роман сидел в густых кустах акации и смотрел как приближается Таня. Она шла медленно, с наслаждением вдыхая летний воздух. Он приехал сюда, в аэропорт Борисова за два часа до окончания ее смены, чтобы воочию убедиться в правильности своего предположения.

Сначала Роман ходил вокруг здания аэропорта, рассматривая бегающих иностранцев, потом ему это надоело и он устроился на скамейке возле остановки, выкуривая одну сигарету за другой. Когда осталось совсем немного, пришлось залезть в кусты. Он не хотел

быть замеченным раньше времени.

Таня подошла к остановке и посмотрела во сторонам, ожидая автобуса. "А! Ждешь своего хахаля!" — подумал Роман, стискивал зубы, — "сейчас ты дождешься, я тебе такой фестиваль устрою!"

На ней были джинсы и свитер. "А фигурка у ней ничего", — пронеслось у него в голове.

Следующие мгновения он запомнил на всю свою жизнь, потому что такие кадры он видел только в кино.

Огромная черная собака выпрыгнула из темноты и высунув язык, с устрашающей скоростью приближалась к Тане. Или к нему. Он сидел метрах в пяти-семи от нее, и, казалось, видел ужас, наполнивший ее глаза.

Он хотел крикнуть, но вопль замер у него на губах. Роман пригнулся поближе к земле. Колени дрожали.

"Ротвейлер или мастино". - подумал он. "Господи, какой огромный!! Если он бежит на меня, мне конец". У него и в мыслях не было выскочить на помощь. "Меня здесь нет. Меня здесь не должно было быть, пусть сама и выкручивается, как хочет."

Собака бежала уже совсем близко. Он увидел, как Таня вскинула руку, защищая лицо, и лег на землю совсем, закрыв голову руками. Он ожидал, что челюсти пса вот-вот сомкнутся на его шее. *Конец, конец... — судорожно выстреливал его перепуганный мозг. "Идиот! Из-за какой-то шлюхи так попасть... да пропади она пропадом!" Его сотрясала крупная дрожь. Ничего не происходило.

Через миг он услышал глухой удар, и потом, как будто что-то упало на асфальт. Глухой звук застрял у него в ушах.

Внезапно он услышал шорохи в кустах, совсем недалеко, и журчание струи. Собака справляла нужду.

Он лежал всем телом вжавшись в землю, боясь хоть немного шелохнуться, или вздохнуть. Это была бы верная смерть. Что-то понюхав и покопавшись, собака отошла на остановку. "Слава богу, — подумал он, — у меня хватило ума не обливаться одеколоном".

Он продолжал лежать и молиться.

Подъехала машина. Мягкие шаги и звук чего-то царапающегося по асфальту заставил Романа немного поднять голову.

Это был фольксваген, но в темноте он не понял, какой именно модели. Собака уже залезла внутрь на заднее сидение через открытую правую дверь.

Незнакомый человек, весь в черном, по крайней мере, так казалось, взвалив Таню на руки, заталкивал ее на заднее сидение. Сумочка болталась, удерживаемая длинными ручками на локте ее руки. "Наверное, это сумка скреблась", — подумал Роман.

Таня была без сознания. Ее спадающие на плечи волосы приоткрыли лицо и оно выглядело не лучшим образом. "Это мог быть я", — подумал Роман, все еще боясь вздохнуть. "Кто эти люди? Что им надо? Видно, крутые ребята... Ввязалась, небось... Ну, теперь, это ее дело... прости прощай, я тебя не видел и не знаю."

Роман еще час лежал в кустах не вставая.

"Может они оставили кого-нибудь..."

Потом по-пластунски он отполз от кустов как можно дальше, встал, и неровной походкой пошел в город. Ноги дрожали и хотелось выпить.

"Сейчас приду и напьюсь", — решил он.

Никакой мысли о милиции даже не возникало.

"Это ее дело, пусть сама разбирается, а меня не втягивает... О, боже, надо же так попасть."

Всю дорогу он перебивался с шага на бег, озираясь на проходящие машины.

"Я тебя не видел и не знаю", — твердил он. "Я тебя не видел и не знаю."

Эти слова впились в его мозг и он даже сам себе удивился. "Таня? Какая Таня? Нет, вы ошибаетесь, я такую не знаю и никогда не видел."

Глава 48.

Анжелика Кордец зашла в кабинет Никитиной, когда та делала последние приготовления перед выступлением. Устроившись возле зеркала, Наталья Александровна наводила заключительные штрихи на макияж.

— Волнуешься? — спросила Анжелика.

— Еще бы! Как там дела?

— Все готово. Через полчаса пора открывать.

— Ты тоже, смотри, сама не своя, — заметила Никитина.

— Ну, конечно, такой день! Столько пришлось сделать, чтобы его дожидаться. — Анжелика отвернулась. — Сегодня о нас узнает весь мир.

— Это точно. Дадим жару.

— Что-то у Литвинова плохое настроение, — заметила помощница.

— Нервничает. Как и все мы. У него свои проблемы.

— Кстати, кто-нибудь подумал о том, как мы будем оттуда выбираться? — спросила Никитина.

— Выбираться?.. Ну да, конечно, все предусмотрено.

— Министр уже приехал?

— Да, он поехал сразу туда. Хотел посмотреть подготовку. Никитина закончила с туалетом и поднялась. Ей не очень нравилось, что у Анжелики такие же духи как и у нее, но что поделаешь, она сама ей и еще несколькими знакомым подарила по флакончику после встречи с самим кутюрье.

Они шли по пустым коридорам мерии.

"Как экзамен, — подумала Кордец, — или пан или пропал, без права пересдачи."

Она высказала свою мысль Никитиной и та рассмеялась. Анжелика тоже засмеялась. Они были так похожи в этот момент — две взволнованные женщины в красивых черных костюмах и белых блузках.

Никитина почувствовала, что так близки они еще не были. Две женщины, которые поставят на уши весь мир.

Ночной праздничный город ошеломлял. Это было действо, достойное, чтобы его смотрели и восхищались. Проезжая по ночным улицам, каждая из них думала о своем.

Их ни разу не остановили. Каждый гаишник знает их номера, об этом позаботилась Анжелика.

Толпы людей на улицах веселились, забив обо всем.

Глава 49.

Они выбрались из дома в теплую летнюю темноту, напевая навязчивые эстрадные песенки. Настроение у них было приподнятое, они смеялись, отпускали друг другу плоские шуточки, их праздничные костюмы как нельзя лучше гармонировали с наступающим

фестивалем.

Вся компания двинулась по направлению к острову, до которого было рукой подать.

Когда они собирались, Василий заметил, что Пашка сунул подаренный пистолет за ремень джинсов. Постреляем, — сказал он.

Народу по мере приближения к Острову прибавлялось. Милиции тоже. Многих Василий помнил по бывшей работе и издевательски подмигивал им. Они смотрели на него затравленно, но тоже улыбались и кивали.

Ничего, — мысленно успокоил их Василий. — Завтра сдадите смену и нагуляетесь вволю. Фестиваль только начинается.

Высоко в небе сверкал салют, взрывались фонтаны разноцветных брызг, оглашая громом весь город. Нарядные фонарные столбы склонили свои головы в низком поклоне. Натянутые между ними приветствия, поздравления, флаги гордо колыхались, словно сознавая свою важность.

Василий поймал себя на мысли, что проходя под всем этим великолепием, невольно начинаешь чувствовать гордость за Калининград, за людей, которые это все сделали, пусть и большой ценой. Значит можем, если захотим. И каждый сознавал себя частичкой, внесшей вклад в общую мозаику.

— В меня и пиво уже не влезет. — Откуда-то раздался голос Игоря. — Я пас. Просто так, еще можно... но чтобы на время!

— Кто тебя заставляет, — засмеялась Наташа, с сочувствием глядя на Игоря. Тот поставил все рекорды по выпитому еще дома. — Сейчас придем, сядем как люди, возьмем, что хотим и будем медленно-медленно отдыхать..

— Я от шашлыка не откажусь, — сказал Слава. — С чем его пьют... тьфу я хотел сказать, едят?

— Вообще-то с вином, — проявил свои знания Павел. — Лучше всего с бургундским красным...

— А белое бывает? — осведомилась сзади Аня. — Бургундское? Павел не ожидал подвоха, но быстро сориентировался, сделав обиженное лицо.

— Бургундское разное бывает, чтоб вы знали.

— И московскому городскому банку оно наиболее симпатично, — подытожила Наташа.

Они дошли до первого кордона. Немолодой капитан с дюжиной омоновцев проверяли проходящую толпу. Окинув их быстрым профессиональным взглядом он отрывисто сказал:

— Проходите.

Протиснувшись через турникет, они замедлили шаг. Народу стало слишком много. Все шли к мосту, который служил входом непосредственно на место событий.

Толпа возбужденно гудела и разговаривала на разных языках. Света здесь лилось намного больше. То тут, то там выстреливали пробки из шампанского. Приходилось поэтому кричать, чтобы быть услышанным.

— Держитесь за руки, — крикнул идущий спереди Василий. — Не потеряйтесь!

Так они проделали путь до моста.

Здесь уже снимало телевидение. Телерепортеры носились как ужаленные, выискивая знаменитостей. Таковые приехали на фестиваль в большом количестве и народ особенно был рад, что они рядом, протянул руку — и можно поздороваться с их телохранителями или сфотографироваться, но это для тех, кто пошустрее.

Над мостом, непонятно каким образом, повис, расправив крылья, огромный орел,

освещаемый изнутри. Прямо под ним находилось человек пятьдесят омовцев, перегородивших мост. Только своеобразная калитка оставалась свободной для прохода. Справа от нее стоял деревянный бревенчатый домик с большим окном. Туда тянулась длинная очередь. В избушке продавали билеты. Василий первым встал в хвост очереди. Вся компания вытянулась за ним.

— Сколько нас? — крикнул он назад. Состоялся быстрый подсчет.

— Восемь!

Очередь двигалась быстро. Василий купил восемь билетов и они прошли внутрь. С кордоном проблем не возникло, его узнал старший лейтенант из омона, как-то они вместе охраняли "Балтику" во время чемпионата.

— Привет, Димка, — крикнул Василий.

— Это все с тобой? — с завистью спросил он.

— Не с тобой же, — съязвил Василий.

— Ладно, проходи быстрее, — усмехнулся Димка. Было видно, что он устал. — Будет время, принеси пивка, а то я умру скоро. Народу — тьма...

— Хорошо, — крикнул Василий, удаляясь.

Увлекаемые толпой, они двинулись по Острову. То и дело им навстречу попадались люди, одетые в необычные карнавальные костюмы — огромный бурый медведь со взлохмаченное шерстью, человек с головам совы и лошадиным хвостом, жонглеры на трехметровых ходулях или совсем уже невероятные персонажи из фантастических сказок.

Одна сцена находилась прямо возле Кафедрального собора. На ней уже шло представление под одобрительный гул народа. Индийский факир показывал свое искусство глотать шпаги, метать ножи и укрощать змей.

Толпа, затаив дыхание, наблюдала за его действиями. Несомненно, видеть такое им приходилось впервые.

Из репродукторов лились звуки флейты. Кобра, распушив свой капюшон, медленно раскачивалась и гипнотизировала толпу. Волшебная атмосфера происходящего накаляла обстановку.

Немного постояв, Василий с компанией направились к другой сцене, где и должна была состояться церемония открытия.

Сцена размещалась под эстакадным мостом, который перекрыли еще с утра, масса народа на мосту создавала впечатление сплошной, медленно колышущейся живой массы. С моста вниз вела лестница, но сейчас она была забита милицией.

Василий взглянул на часы. Без пяти девять. Сейчас выйдет Никитина.

Насколько это получилось, они протиснулись поближе к сцене. Несколько больших профессиональных телекамер снимали происходящее. В ночном небе кружился вертолет.

Рядом со сценой, красиво украшенной цветами и переливающимися гирляндами укрепили огромный телевизионный экран. "Самсунг" — прочитал Василий на его панели.

Это сделали в ответ на критику прошлогоднего фестиваля, когда задние ряды не могли разглядеть, что творилось на сцене и вследствие этого возникла давка.

По краям сцены установили несколько громадных динамиков. Звук происходящего слышался на другом конце города.

Стоящие вокруг люди пили пиво, громко смеялись, фотографировались и соревновались в остроумии.

Все топтались в ожидании официального разрешения приступить к веселью.

Никитина взошла на подиум в окружении своих помощников. Раздалось щелканье затворов десятков фотоаппаратов. Лучи прожекторов пересеклись на ее фигуре.

Вот он, этот миг, которого она так ждала, к которому готовилась не жалея сил. Она была спокойна, но волнение многих тысяч людей передавалось и ей.

Она подошла к микрофону и замерла, глядя на волнующееся море пришедших на фестиваль. Рядом с ней находилась Анжелика, а чуть позади — семеро ее незаменимых помощников. Все они были причастны к происходящему и по праву пользовались всеми лаврами победителей.

— Друзья, — сказала Никитина. — Сегодня у нас знаменательный день. Целый год мы все трудились, чтобы он настал. Тридцать пять стран-участниц съехались в Калининград показать вам свое искусство. И это воистину высокая цель, ради которой стоило идти на некоторые жертвы. — Ее голос был слышен в каждом уголке города. — Но с вашей и Божьей помощью мы заслужили право следовать этой цели. Теперь, когда вся Европа встала на путь объединения, нам маленький фестиваль послужит той отправной точкой, с которой и мы скажем свое слово. Слово объединения, слово искусства, слово радости. Я благодарю всех вас, что вы пришли и поддержали это начинание, я благодарю гостей фестиваля, которым, надеюсь, понравится у нас. Особую благодарность хочу выразить заместителю министра по культуре России без помощи которого стало бы невозможным проведение фестиваля, а также всех моих помощников и всех, кто принимал участие в подготовке этого мероприятия. Спасибо вам. — Она помолчала мгновение и продолжила. — Считаю международный фестиваль искусств "Янтарный Орел" открытым.

Секунду длилась тишина, потом раздался шквал аплодисментов. Люди что-то кричали, улыбались, и хлопали, хлопали... На сцену полился нескончаемый поток цветов, музыки и шампанского. Василий обалдел от такого представления. Он ошеломленно смотрел на своих друзей, а те на него. Они что-то кричали, но из-за шума ничего нельзя было разобрать.

Наташа взяла его и Павла за руку и потащила из толпы. Павел тащил за собой Аню.

— Пойдемте есть шашлык, — услышал Василий. Он засмеялся и они пошли к шатрам, со стороны которых в небо взвивался белый дым.

Глава 50.

Архипов и гроша ломаного не дал бы, чтобы сходить на фестиваль. Как и Литвинов, он ненавидел подобные мероприятия. А тем более такие, которые сильно осложняли и без того нервную работу.

В гордом одиночестве он сидел в своем пустом кабинете на Советском и прокручивал возможные неприятности на фестивале. Он и только он отвечал за порядок и безопасность, и при таком стечении народа всякое становилось возможным.

Отправив Деева и Троицкого на остров, сам он остался в кабинете координировать всю организацию. Периодически его радиостанция взрывалась потоками отборной ругани и он представлял, какую нагрузку приходится выдерживать там, на месте.

Не дай бог вмазать какому-нибудь пьянице дубинкой, — увольнение без разговоров. Его предупредил сам Литвинов.

Даже сюда доносились громкие звуки с острова. Представление, видимо, началось. Заиграла, потом замолкла музыка. Слово взяла Никитина. Отдельные фразы он различал Архипов заерзал на стуле.

На душе было беспокойно и он связывал это с большой ответственностью, свалившейся

на него.

Архипов подошел к окну и всмотрелся. В это время на Северном вокзале всегда полно народу. Сейчас там никого нет, — подумал он. И обычно многолюдный Советский проспект выглядел безжизненно. Ни одной машины. Ни одного человека.

Нечто зловещее было в этом. Словно он один остался в ночном городе. Он и фестиваль.

Архипов вернулся к столу и зевнул. Последнее время для сна он выкраивал по три-четыре часа, да и те его мучили кошмарами. Он достал из под стола початую бутылку коньяка и налил себе немного в стакан. Вспомнились прошедшие месяцы.

Неожиданно прозвенел телефон. "Кто бы это мог быть?" — подумал капитан, отвлекаясь от рации. Он поднял трубку и приложил ее к уху.

— Это капитан Доренко. Помните меня? Из ФСБ. - произнес бодрый голос.

— Помню, — ответил Архипов, недоумевая о причине столь позднего звонка. ФСБ он не любил и считал их разгильдяями, у которых слишком много полномочий. — Чем могу помочь?

— Это я вам могу помочь. Помните еще эти странные письма с буквами?

— Конечно. Я их уже давно сдал в архив.

— Так вот, с тех пор как вы поймали маньяка, я тоже отложил это дело в самый нижний ящик..

— Правильно сделали.

— А позавчера что-то на меня нашло, решил побаловаться с компьютером. У нас их тут много...

— У меня много работы, — бесцеремонно прервал его Архипов, — фестиваль.

— Вот и я к тому же. Три дня по несколько часов перебирал варианты, а сегодня к вечеру появилось кое-что интересное. Архипов опять зевнул.

— И что же?

— Два слова, вполне осмысленные. Фестива и Нкитина.

— Что?! — не смог поверить своим ушам Архипов. Прижимая трубку к уху он достал свой блокнот и нашел буквы. Так и есть. Получаются именно эти слова. Фестива и Нкитина. Это могло означать только одно. Да, Фестиваль и Никитина. Именно этот, сегодняшний фестиваль и незабвенную Никитину.

— Спасибо, — пробормотал Архипов и повесил трубку. Но маньяк же мертвый, причем тут фестиваль... Архипов сам навестил его в морге, чтобы при свете разглядеть труп получше. На всякий случай Архипов подошел к рации.

— Остров, прием.

— Остров слушает, — раздалось после некоторого молчания.

— Это Деев? Архипов вызывает.

— Деев на связи.

— Слушай, — сказал Архипов, — следи получше за Никитиной. Каждый шаг. Конец связи.

— Хорошо.

Рация замолчала. Со стороны острова доносилась громкая музыка, прерываемая речью ведущего. Что все это могло значить? Он не находил объяснения.

Глава 51.

Деев с Троицким находились как раз возле сцены. Сюда стекалась вся информация о

положении на острове.

— Архипов приказал следить за ней, — крикнул Деев Троицкому, кивая на Никитину. Та вместе с другими людьми и своими помощниками сидела за импровизированным полукруглым столом, исполняя роль жюри фестиваля. Стол находился у правого крыла сцены. Троицкий пожал плечами.

— Там десять человек нашей охраны и еще ее личная. Да и кому она нужна?

Деев невольно согласился.

На сцене с национальными танцами выступали молодые девушки из Испании. Они выглядели так ослепительно красиво и двигались настолько зажигательно, что внимание Деева полностью переключилось на сцену. Троицкий и еще несколько офицеров смотрели выступление, разинув рты.

Их бешеная пляска завораживала, почти все зрители возле сцены танцевали вместе с ними. Перед глазами кружились буйные цвета их юбок, тонкие руки взлетали и опускались подобно крыльям, фантастическое зрелище переполняло толпу эмоциями. И это было только начало.

Потихоньку танцовщицы принялись скидывать свои бесчисленные юбки, музыка ускорялась, в беленом ритме они кружились по сцене, проделывая немислимые па. Толпа завелась еще сильнее. Мелодичные бубенцы, стократно усиленные микрофоном, сотрясали весь остров. На лицах танцовщиц не было ни тени усталости, они кружились подобно бабочкам, легко и весело.

У Троицкого закружилась голова. Он взглянул на жюри. Никитина, слева ее заместительница, министр, — широко открытыми глазами они смотрели на представление и старались хлопать в такт, хотя и не успевали. Он снова перевел взгляд на сцену. Такого видеть ему еще не приходилось.

Глава 52.

Она сделала шаг к ним навстречу. Они стояли в темноте, позади сцены. Черная кожа гитарных футляров поблескивала на луне. Их мрачные лица и черные костюмы как нельзя лучше соответствовали друг другу.

— Зовите меня, как мы договорились, — сказала она, когда Нафир приблизился.

— Хорошо, Макс.

— Добрались без проблем? Нафир улыбнулся, обнажая ряд белых зубов.

— У нас никогда нет проблем, я у вас? У вас как дела?

— Я все сделала, как мы рассчитывали. Восемь девчонок сидят тут недалеко. Я покажу, где именно. Они, правда, еле живые, но к субботе они придут в себя.

— Отлично. Кстати, ваш задаток, двести тысяч, переведен в швейцарский банк. — Он протянул ей кредитную карточку. — Можете проверить.

— Я верю, — сказала она. — Вы привезли детонаторы?

— Мы уже все сгрузили, прямо вниз.

— Через тот дом опасно ходить... Вас не могли заметить?

— Мы что, похожи на дилетантов? — Нафир достал из внутреннего кармана карту и развернул ее. — Здесь весь Калининград, где оружие, где взрывчатка. А вот здесь, — он ткнул пальцем, — сейчас мы. Густая сеть подземных ходов покрывала то место где они стояли.

— Где вы это взяли? — спросила она. Нафир ухмыльнулся.

— Где взяли, там уже нет. Пришлось поговорить кое с кем.

— Вы не хотите мне рассказать, чем вы занимались целый год?

— Вы не хотите мне рассказать, чем вы занимались целый год?

— То что мы делали, вряд ли вас заинтересует. Мы с вами встретились случайно и после этого мероприятия вряд ли больше увидимся. Мы хотим, чтобы вы пробыли здесь до субботы, то есть до самого конца, а дальше — ваше дело. Мы, конечно, вам доверяем, но были бы очень разочарованы, если вы исчезнете раньше времени. Очень... Вы меня понимаете?

— Я тоже хочу посмотреть на закрытие, — жестко ответила она. Возникла пауза. Они с напряжением вслушивались в шумящую музыку.

— У вас в час выступление. Вы не забыли? Потом встретимся. Мне нельзя долго здесь оставаться.

Нафир погладил гитару.

— Конечно.

Глава 53.

Таня очнулась от ноющей боли в затылке. Попытавшись пошевелиться, она обнаружила, что ее руки и ноги перехвачены толстым жгутом и уже начали затекать. Она хотела открыть рот и не смогла — от уха до уха прилепилась полоска лейкопластыря. Откуда-то сверху доносилась веселая музыка и топот многих тысяч ног.

"Где я?" — подумала она, напрягая ноющую голову. "Сначала закрыла киоск, вышла из аэропорта, медленно пошла по пешеходной дорожке. Затем остановилась у скамейки... Собака! На меня бросилась собака! Я закрылась от нее рукой... а потом... потом все погасло. Может я в реанимации" — с содроганием предположила она.

Но там где она лежала не наблюдалось и намека на больничную обстановку, ни этого специфического запаха, ни кафельных стен операционной, ни людей в белых халатах с повязками на лицах.

В помещение едва-едва проникал свет, и то какого-то бледно-мертвенного оттенка. Свет падал сверху, это она обнаружила, когда выбившись из сил, перевернулась на спину.

Неширокий колодец или шахта из полуразрушившегося кирпича спускалась сверху метрах в двух от нее и образовывала в потолке круглое отверстие.

То место, где она находилась, представляло собой высокую и довольно просторную галерею, конец и начало которой исчезали в темноте. Уложенный массивными булыжниками пол в некоторых местах блестел. У свода галереи она разглядела светильники или подсвечники. Толстые, в руку толщиной связки кабеля висели на стенах, как змеи.

В ее мозгу начала разгораться тревога. Она вспомнила. Но поверить в такое сверхъестественное совпадение не могла. Она здесь уже была. Во сне.

Хотя там, во сне и выглядело все по-другому, тем не менее, это происходило здесь. Шестым чувством она сознавала, что это так и есть.

Таня припомнила, что во сне ходила по галереям и даже... Нет, нет... к черту! "Я ее сейчас развяжусь и вылезу в люк... развяжусь и вылезу. Я не хочу никуда идти! Я не пойду..."

Всхлипывая, она попыталась ослабить натяжение жгутов. Но не тут то было. Держали они мертво. Еще немного поерзав, Таня оставила эти попытки и замерла, ожидая конца.

"Говорят, — подумала она, — из любого положения есть выход, но отсюда выход существовал только один. Наверх."

Таня закрыла глаза. Василий так и не позвонил, а жаль... Она весь вечер почему-то ждала его звонка и решила быть с ним немного поласковее. Казалось, она видела его глаза, с неммым упреком смотрящие из темноты. Да... Теперь она осознавала, что не всегда относилась к нему справедливо и боль, которую она причинила ему, он не заслужил. "Я не хотела, — прошептала она, — поверь, не хотела." Сверху донесся неясный шум, как будто что-то отодвигали. Света стало больше и музыка доносилась теперь гораздо отчетливее.

Потом раздались звуки шагов, вернее не шагов, а стук чего-то о металл и сыплющийся вниз песок. Она расслышала дыхание человека, который спускался вниз.

"Вот и все, — подумала Таня не открывая глаз. Ее сердце билось, как паровой молоток."

Человек спрыгнул на булыжники и замер. Таня медленно приоткрыла глаза, ожидая увидеть по крайней мере огромное волосатое чудовище с перепачканной в крови мордой.

Перед ней, вглядываясь в темноту стоял Василий. От изумления у нее перехватило дыхание и она забыла русский язык. Он не видел ее, потому что она лежала в крошечной темноте.

"Что он здесь делает?" — это была даже не мысль, а, скорее, ее спасительный отблеск.

Василий немного постоял, топчась на месте и махнул вверх рукой, не обронив ни слова. Вскоре вниз спрыгнул и второй человек, которого она не знала.

— Ну и ну, — только и сказал он. — Тебе показалось, это точно...

— Может быть, — ответил Василий, протирая глаза. Таня наконец-то обрела дар речи и закричала, совсем забыв про лейкопластырь.

— М... М... м...

Они встрепнулись.

— Я же говорил... тут кто-то есть... — сказал тихо Василий. — Ты иди посмотри там, а я здесь. — Он достал зажигалку и шагнул в темноту навстречу к ней.

Если бы Таня смогла его предупредить, что лежит поперек дороги, то, конечно, бы это сделала, но только неопределенное мычание вырывалось из ее горла.

Василий уже почти дошел до нее, держа в руке бесполезную зажигалку. Света она давала не больше, чем тлеющая лучина. Сделав еще шаг, он споткнулся об ее ноги и выставив руки вперед, упал на булыжники.

— Черт! — ругнулся он.

— Что такое? — послышался голос его друга из темноты.

— Тут что-то лежит. — Василий нащупал рукой ее джинсы и повел руку выше. Свитер... руки... лицо. — Он поднес зажигалку к ее лицу и крутанул колечко.

Не веря своим глазам, Василий несколько мгновений вглядывался в ее черты.

— Ты?

— М... м... м...

Василий аккуратно отлепил лейкопластырь.

— Пашка, я нашел! — закричал он. — Иди сюда. Подбежал парень лет двадцати шести и устался на нее.

— Это она и есть? — спросил он.

— да, — ответил Василий. — Что ты тут делаешь? Сбивчиво, постоянно путаясь, Таня объяснила что с ней произошло.

— Те, кто тебя сюда доставал, они могут ведь вернуться? — предположил Василий,

разматывая жгут на руках и ногах. — Здорово связали! Она закивала головой, забыв, что лейкопластыря уже нет. Словно в подтверждение этих слов сверху кто-то хлопнул дверью.

— Девчонки знают? — быстро спросил Василий Пашку.

— Нет.

— Тогда уходим. Быстро! — зашептал он и помог Тане подняться.

— Куда? — спросил Павел. Василий кивнул на плотную темноту.

— Туда. Скорее.

Сверху ужи кто-то спускался и довольно уверенно. Через секунду они растворились во мраке, подгоняемые страхом. Таня с трудом передвигала затекшие ноги, опираясь на Василия.

— Ты знаешь где мы? — шепотом спросила она его.

— Мы в немецких подземельях, под островом, — ответил он. — Понятия не имею, что мы тут забыли. Надо как-то выбираться.

Павел шел несколько впереди, ощупывая правой рукой кирпичную кладку.

— Я здесь уже была, — несмело произнесла Таня. — Но только не так, не наяву. Если все это правда... о, господи!

— Что? — встрепенулся Василий, пытаясь в темноте рассмотреть ее глаза, наполненные ужасом.

— Я тебе не рассказывала... но это наверняка ночные кошмары, мне приснилось... нет, даже все было как наяву, что я иду в темном-темном подвале, вокруг абсолютно ничего не слышно и не видно. Я долго шла, пока не набрела на лестницу... спустилась и вышла на свет. Галерея образовывала полукруг и я решила посмотреть... В стене находились ниши, как комнаты и из одной комнаты шел свет. Я подкралась и взглянула туда. О боже! — Таня судорожно глотнула ртом воздух. — я... я не помню, что там увидела... что-то страшное, ужасное. Потом побежала и меня догонял этот... не знаю кто... он меня догонял. Я сильно ударила головой и проснулась. Голова трещала и пришлось выпить таблеток, но заснуть я больше не смогла. Василий прижал ее к себе.

— Ну, ну, успокойся. Выкрутимся... Та всхлипнула.

— А перед этим меня очень сильно ударили по голове. Я думала, что умру и ни таблетки, ни массаж, ничего не помогает. С того времени постоянно, то меньше, то сильнее. А иногда вообще сознание теряю, и все время видения...

Василий погладил ее по голове. Павел внезапно остановился и они наткнулись на него.

— Стойте, здесь поворот.

— Направо, — сказала Таня. — Это было справа.

— Что? — спросил Павел.

— Логово. И лестница.

— Но нас там быстро могут поймать. Давайте налево. — сказал Василий, вслушиваясь в тишину.

— Это точно. — Павел повернул налево и медленно двинулся дальше.

— Как вы меня нашли? — спросила Таня немного успокоившись.

— Это все он, — сказал Павел. — Померещилось, говорит, Таню видел с мужиком, как он туалет тебя затащил...

— В туалет?

— Ну, да, — сказал Василий. — Я бы так никогда не заметил, но мы рядом находились, возле шашлычной. Все так быстро получилось. Там наверху биотуалеты стоят, кабинок

пятнадцать. Вижу, парень с девчонкой в одну зашли. А она то ли пьяная... короче не координирует себя. Минут десять прошло, а парень один выходит. С замком поколдовал и ушел. Что за чертовщина, думаю. А девчонка слишком уж на тебя показалась похожей. Пашке сказал, подошли, а дверь заперта. Постучали — никого. И решили посмотреть, замок простой, ножом поддели, зашли. Туалет как туалет, только запаха нет и вообще, словно им и не пользовались. Я унитаз пластиковый ногой пнул, он перевернулся и дыра под ним. Люк какой-то. Короче, назад дороги нет.

— Как вы думаете, — спросил Павел, — что вообще происходит?

— Какое-то дерьмо, — сказал Василий. — Именно это происходит. Они остановились и опять вслушались в тишину. Музыка сюда уже не доносилась. Погони слышно не было. Впрочем, и темноте казалось, что вот-вот сзади за шею ухватятся ледяные пальцы. Или обрушите огромный кривой нож.

— Вы знаете, куда мы идем? — прошептала Таня. Никто не ответил. Галерея изгибалась влево, незаметно спускаясь ниже и ниже. Периодически Павел щелкал зажигалкой, освещая мрачные стены подземелья. Они шли уже довольно долго и по бокам то и дело встречались ответвления и отдельные комнаты. Чтобы не потеряться, они шли только прямо.

— Ну и день рождения, — сказал Павел, останавливаясь. — Давайте передохнем. — Слева от них чернел коридор. Помедлив, он прошел туда. Василий пропустил Таню за Павлом и чиркнув зажигалкой, пошел следом. Комната, вероятно, представляла собой большой зал, потому что два огонька едва-едва раздвинули пологи темноты, окружившую их со всех сторон. Помещение оказалось не пустым. Павел прошел чуть дальше и остановился.

Свет его зажигалки выхватил из темноты скелет в немецкой форме, прислонявшийся к стене. В руках скелета покоился автомат. Пилотка на его черепе съехала набок и сидела явно не по уставу.

Увидев это Таня вскрикнула и отвернулась. Она хотела домой. Подземелья с высохшими трупами превосходили возможности ее нервов.

— Такое ты не видела? — поинтересовался Павел. Она замотала головой.

Вдоль стен толщиной полтора метра стояли зеленые армейские ящики с черными немецкими надписями.

Павел отошел от немца и приблизился к одному из них. Аккуратно приподняв крышку, он издал возглас изумления.

— Ого! Да тут целый арсенал! Василий подошел поближе.

В ящике, тесно прижавшись друг к другу лежали снаряды. Их медная поверхность отсвечивала рыжим блеском.

— У нас скоро закончится газ, — сказал Василий. — Надо что-нибудь найти подходящее.

Они обыскали помещение. Кроме снарядов в ящиках находились еще гранаты и взрывчатка. Не найдя ничего подходящего, что могло бы послужить основой для факела, они разломали один ящик, взяли доску и обвязали ее конец рубашкой Василия.

Когда все это загорелось, получилось довольно неплохо, если не считать, что дым валил столбом.

— Осторожнее здесь с огнем, — посоветовала Таня, придя и себя после увиденного покойника.

Василий подошел к немцу и осторожно снял свисающий с шеи автомат. Пилотка все-таки упала, обнажив белый череп с копной таких же белых тонких волос. Зрелище довольно

неприятное.

Отсоединив магазин от автомата, Василий удовлетворенно хмыкнул. Почти все патроны находились на месте. Это обстоятельство несколько улучшило их настроение.

— Ты думаешь, он еще смежет пострелять? — спросил Павел.

— Да. На нем полно смазки. В здешней атмосфере он мог бы храниться века, — ответил Василий и тронул затвор.

— Эй, эй, поосторожнее!

Василий выдавил усмешку.

— Не бойтесь, он на предохранителе.

Таня замерла посередине зала, прижав руки к груди. Внезапно она что-то вспомнила и воскликнула:

— Сумочка! Где моя сумочка?! Она была со мной!

Оба парня с сомнением посмотрели ни нее.

— Скорее всего, она осталась там, в колодце...

— Но у меня не было ее, когда я встала... я точно помню.

— Тогда придется забыть о ней. Пошли, — выставив вперед дымящийся факел, они двинулись по галерее.

Таня с сожалением подумала, что в сумочке находится зарплата, деньги фирмы, документы и еще, самое главное, косметика и зеркальце...

Как теперь следить за собой? Она тяжело вздохнула.

При свете, правда, не слишком ярком, идти стало намного легче. Не так пугали кажущиеся призраки и трупы в немецкой форме, обглоданные и высохшие до основания.

Они прошли еще метров двадцать. Галерея расширилась, но как заметил Василий, да и Павел тоже, она постоянно делала уклон вниз.

— Как ты думаешь, — спросил Василий у Павла, — на какой мы сейчас глубине?

— Я думаю метров двадцать пять, тридцать, — ответил тот.

— Что это могут быть за провода на стенах? На высоте чуть выше человеческого роста вдоль всей галереи тянулись переплетения толстых и тонких проводов в черном изоляторе. Нигде не ответвляясь, они, вероятно, соединяли какие-то важные части одного механизма.

— Черт его знает, но крысы их не едят...

— Здесь их кажется, совсем нет.

— Дай, бог, — сказал Павел. Вдруг Таня схватилась за голову и со стоном начала оседать.

— Что такое?! — Василий моментально повернулся, передавая факел Павлу. — Подержи... Таня! Что случилось?.. Что?

— Голова... — тонкими руками она судорожно обхватила свою голову, ее лицо превратилось в сплошную маску боли. — болит, голова.

Василий не знал что делать. Его глаза метались от Таниного лица к Пашкиному.

— Нам надо идти, — сказал Павел. — побыстрее от этого места. Таня скорчилась от нестерпимой боли и потеряла сознание.

— Боже! — произнес Василий. — Что они с тобой сделали... — Он поднял ее на руки. Теперь впереди с факелом шел Павел.

Таня не была тяжелая, но Василий по опыту знал, что долго он не сможет ее нести. Полчаса, не больше.

Они шли широкими шагами, прислушиваясь к шорохам позади, если их и догоняли, то

преследователи находились еще довольно далеко. Галерея продолжала расширяться.

— Нам надо свернуть куда-нибудь, — сбивая дыхание крикнул Василий. Так они найдут нас слишком быстро.

Павел послушал его слова и свернул в узкий, напоминающий щель коридор. Факел начинал тухнуть и Павлу пришлось стянуть с себя свою майку.

— Мне ее только сегодня подарили, — без особого сожаления сказал он, наблюдая, как разгорается его обновка.

Бокон нести Таню вышло значительно труднее. Ее спадающие волосы и лицо с закрытыми глазами в свете факела выглядело еще прекраснее, чем Василий знал.

"Боже, ты все делаешь шиворот наыворот, прости меня", — подумал Василий, останавливаясь и переводя дух.

— Они не найдут нас по дыму? — спросил он, увидев, как коптит пашкина синтетика.

— Вполне возможно. Но мне кажется, провоняется все подземелье. Сам черт не разберет, откуда этот проклятый дым. — Павел тоже остановился и достал сигарету. — Будешь?

— Давай. — Они закурили.

— Слушай, — сказал Павел. — Мы ведь не знаем, что произошло, что случилось, черт возьми..! Может и не к чему такая беготня? То, что ей приснилось, — он кивнул на Таню, — конечно, впечатляет, я согласен, но не до такой же степени... Василий затянулся и выпустил дым. От алкоголя не осталось и следа.

— Я думаю, одно то, что мы здесь, а Таня оказалась стянутой по рукам и ногам, уже это, согласишься, выглядит немного странно... И если ты ставишь под сомнение, что за ней кто-то спускался...

— Я слышал, — сказал Павел. — Ладно, посмотрим. Пошли... Странный узкий коридор и не думал расширяться. Его кирпичные стены были влажными и блестели словно потные.

— Стой! — сказал Пашка. — Тут лестница вниз. Аккуратно.

— Опять вниз.

Павел спустился и протянул руки, чтобы принять Таню. Железные поручни узкой лестницы покрылись плотным слоем ржавчины.

Когда они оба спустились и Павел взял факел, чтобы осветить путь, то Василий от неожиданности вскрикнул. Павел замер, открыв рот. То, что они увидели, несомненно, потрясло бы любого. Огромный, сколько хватало глаз бассейн, наполненный водой и опоясанный металлическими изгородями со множеством лестниц и переходов. Вся эта конструкция освещалась непонятно откуда мертвенным синим светом... Черная гладь воды медленно колыхалась.

— Ну и что ты думаешь? — наконец опомнившись спросил Павел и опустил факел вниз.

— Или я ошибаюсь, или это подземная верфь для подлодок, — прошептал Василий. — Я где-то читал, что такие были...

Все это выглядело настолько нереально, что они не решались сдвинуться с места, ожидая, что вот-вот выбегут немецкие солдаты и офицеры и начнут гортанным голосом отдавать приказания. Василий ощутил неприятный металлический привкус на языке. Опустив Таню на пол и облокотив ее на стенку, они спустились по лестнице вниз к бассейну. Павел затушил воняющий факел и положил его на сделанное из стального листа покрытие.

Молча они оперлись о перила и всмотрелись в черную гладь воды.

— Давай пройдем, посмотрим, — предложил Павел. — Может, что интересное найдем.

Оставив Таню на парапете, они принялись осматривать верфь. Перила оказались выстроены в четыре яруса, сообщаемые друг с другом стальными судовыми лестницами со множеством заклепок. Все это очень сильно напоминало театр, с его лоджиями и балконами. Только вместо сцены здесь должны были стоять подлодки.

По периметру каждого яруса на разном расстоянии друг от друга находились лестницы, какие-то большие ящики и комнаты. Если заходить в каждую, то следовало потратить очень много времени, чтобы все это осмотреть. Поэтому они все делали быстро. Павел опять зажег факел и просовывал его в каждую открываемую дверь. Некоторые помещения представляли из себя многокомнатные апартаменты.

— Посмотри сюда, — сказал Павел и сделал Василию знак рукой, открывая дверь пошире. Осмотрев уже достаточно много комнат они убедились, что большинство из них представляет сабо каюты для матросов, уставленные сверху до низу двухъярусными и трехъярусными кроватями.

Все они были пусты. Ни вещей, ни трупов, ничего. Вероятно, выезд отсюда осуществлялся относительно организованно.

Василий вошел в комнату след за Павлом. Обстановка здесь была совершенно другая. Большое, метров тридцать квадратных помещение, выделялось добротной немецкой мебелью, расставленной, несомненно, со вкусом. Возле стены с висящей на ней картой боевых действий на Балтийском море, стоял большой английский диван. На его подлокотнике покоилась хрустальная пепельница, полная окурков. Резной шкаф со стеклянными дверцами оказался забит серебряной и фарфоровой посудой. Пара кожаных кресел застыли перед массивным дубовым столом. На столе, покрытом стеклом, т беспорядке валялись бумаги, книги, ручки и прочая канцелярская рухлядь.

— Эге-ге, — присвистнул Павел. — У меня ощущение, что сейчас сюда зайдет группенфюрер.

— У меня тоже.

Павел еще рад осветил факелом всю комнату.

— Постой, — сказал Василий. — Там я видел выключатель, — и подошел к стене, нажимая на кнопку. В глаза ударил яркий белый свет.

— Черт! — Павел поднял руки.

Василий зажмурился.

— Откуда?! Откуда здесь может быть свет? — воскликнул Павел изумленно. — Ну и немцы!

— Ты видел провода? Не знаешь откуда они выдут? Павел покачал головой.

— Вот и я не знаю, — сказал Василий. — А свет все-таки есть. Это тебе не балтрайон то есть то нет. Здесь они собирались пробыть долго.

— Может у них и пожрать найдется? — ехидно спросил Павел.

— Давай сюда Таньку, — сказал Василий и они вышли, оставив свет гореть.

Когда они дотащили Таню до кабинета, та уже начала подавать признаки жизни. Набрав немного воды в бассейне, Василий оторвал от штанов кусок снизу и намочил его. Вода оказалась свежей и пресной. "От жажды не умрем", — подумал он. Он протер Тане лицо и положил компресс на лоб.

— Где мы? — тихо спросила она, открывая глаза. — Мы дома?

— У Штирлица дома, — сострил Павел но никто не засмеялся. Разглядев обстановку и свет, она окончательно пришла в себя и уселась на диване с широко открытыми глазами.

— Я еще сплю, да?.. скажите, что я сплю... — взмолилась Таня.

— Ты не спишь, — сказал Василий. — И мы, к сожалению, тоже. — Он положил автомат на край стола. — С тобой все в порядке? Она подумала и кивнула.

— Да, более менее.

Глава 54.

Международный фестиваль искусств "Янтарный орел" продолжался, оглашая окрестности города громкой музыкой и криками веселящейся толпы. У расставленных по всему Острову импровизированных киосках и магазинчикам толпился заведенный на полную катушку народ. Приобретенные шампанское, пиво, водка вместе с горячими бутербродами, шашлыком и цыплятами табака мгновенно исчезало в ненасытных желудках участников и гостей, затем покупалось вновь и цикл повторялся бесконечно. Кто-то говорит, что у народа нет денег, полная деградация и обнищание. Здесь этот популярный миф разбивался вдребезги о не успевающие подъезжать машины с провизией.

У маленького павильончика "СМАК", торгующего гамбургерами и картошкой фри выстроилась очередь метров в сто. Задние напирали на передних, а те в свою очередь высказывали продавцам всю необъятную любовь, которая накопилась в них за эти долгие метры. Вспотевшие работники "СМАКА" в желто-синей униформе отвечали толпе идиотскими улыбками и продолжали размеренно нажимать на никелированные краны бочек с кетчупом и майонезом. Худенький веснушчатый паренек в кепке "СМАК" с завидным терпением тряс огромную бадью с приготовленной картошкой-фри перемешивая ее с солью. Подлетая и кувыркаясь в воздухе, румяные ломтики картошки гипнотизировали очередь, заставляя ее глотать голодные слюнки.

Возле сувенирного киоска топталось человек с пятьдесят иностранцев и раза в три поменьше жителей России и СНГ. Насытившись янтарными орлами, владельцы толстых кошельков выискивали подарки подороже, не забывая время от времени прикладываться к бутылкам с надписью "Советское". Три пожилых немца увлеченно спорили, какие из предложенных бусов предпочтет их местный почтальон фрау Бергманн. Поглядывающие на них с явным уважением жители СНГ, видимо решили, что немцы выясняют, какое направление в современном искусстве лучше отражает действительность — кубизм или символизм.

Одинаково неуклюжие картины с изображением русских березок и могилы Канта явно не попадали ни в одну из категорий.

На главной сцене только что объявили выступление калининградской группы "Гитары и Джинсы". Молодежь с криком "ура!!!" ринулась навстречу любимым исполнителям.

Первые аккорды группы потрясли Остров до основания. Мощная светомузыкальная поддержка переливалась в бешеном ритме, скользя по толпе разноцветными огнями и вспышками. Такого в Калининграде еще не видели.

Молодые люди, расстелив подручные материалы в виде газет, развалились под деревьями и кустами, наслаждаясь праздником и развлекаясь с друзьями и подругами.

Мужчины и женщины постарше неспешно прогуливались по узким дорожкам, не забывая посматривать на детей. Иногда они останавливались возле многочисленных фотографов и выложив пять тысяч, улыбались в объектив.

Вскоре эта карточка попадет в их семейный альбом и гости будут фальшиво восхищаться, делая вид, что разглядывают ее с чрезвычайной внимательностью. "Ах! И вы

там были? Как чудесно! Правда, весело было!"

Все это, обильно сдобренное различными выступлениями и конкурсами, веселыми людьми в карнавальных костюмах, необычайно обходительной милицией, создавало обстановку теплого домашнего торжества, выплеснувшегося на улицы города.

Нафир повернулся всем телом и изо всех сил ударил Ликиса кулаком по лицу. Тот пошатнулся, но устоял. Из носа потекла кровь.

— Ты идиот! Ты понимаешь, что ты наделал?! Зачем тебе понадобилась эта стерва? Если она выберется, нам же всем конец!

— Она меня не видела, — попытался оправдаться Ликис, глядя в землю.

— Какая разница? Ты не имеешь права, ты слышишь меня, не имеешь права подвергать операцию такому риску? Она же сразу заявится в милицию? А этот ихний Архипов, он же весь город перевернет... — Нафир покачал головой. — Я не ожидал от тебя такого. Придется начать операцию как можно раньше, если эта сука не надуется... Слышишь, Ликис?!

— Я найду ее, — тихо сказал Ликис.

— Хорошо, — произнес Нафир, кипя от гнева. — Фарух, Низит, Абар и Халош, идите с ним и без девчонки не возвращайтесь. В три часа встретимся на месте. Нукар и Хали, подготовьте взрыватели. А нам с вами, — он посмотрел на оставшихся четырех, — надо сделать одно дело, а потом, ровно в час, мы выступаем.

С интервалом в три минуты, чтобы не привлекать внимание, группа молодых людей в черных костюмах спустилась в подземелье через туалет. Ликис шел последним, он хоть и допустил непростительную оплошность, все еще оставался вторым человеком в группе.

Осмотревшись и убедившись, что абсолютно никто не заинтересовался, куда это столько парней залезло в один туалет, он закрыл за собой дверь и застопорил замок.

Ликис быстро спустился вниз и достал карманный фонарик, освещая им вокруг себя. Его люди уже начали осмотр.

В трех метрах от спуска валялся жгут, которым Ликис перетянул девчонку. Он поднял веревки и посмотрел на них. Концы выглядели гладко срезанными. "Черт! — подумал он, — я же ее обыскал. У нее ничего острого не оставалось."

— Абар! Фарух! — крикнул Ликис. — Вы пойдете в ту сторону, остальные со мной сюда. Все помнят, где встречаемся? — Люди промолчали. — Проверьте оружие. — Каждый из них вытащил пистолет с глушителем. — Девчонку пришить на месте. Кто это сделает, я подарю десять тысяч долларов и свой перстень. Все слышали?

Люди смотрели на него глазами месяц не кормленных бойцовых собак, готовых в любой момент сорваться с цепи. Собак-убийц.

— Вперед, — прошептал Ликис и крикнул уже вдогонку: — Не забудьте принести мне ее ухо!

Абар и Фарух исчезли в темноте. Ликис со своими людьми, высвечивая фонариками путь, быстро зашагали в другом направлении. Если он не поймает эту стерву, дома его ждет позор, ему опять придется стать рядовым исполнителем, которые бесславно мрут как мухи, не получая за это почти ничего. За идею Нафир уже давно не сражался, он только прикрывался ею. Он убивал за деньги. Очень большие деньги.

И теперь все могло так отвратительно закончиться. Если Нукар и Хали успеют подготовить детонаторы, то это еще подбеды, нужно разнести по подземелью взрывчатку, нашиговать тротилом полумертвых баб, выволочь их наружу в случае если что-то пойдет не

по плану... а потом спокойненько выйти возле аэропорта. Билеты уже заказаны. Наблюдать незапланированное закрытие фестиваля они будут с воздуха. Ликис даже приготовил видеокамеру — фейерверк должен был получиться незабываемый.

Они почти бежали. Гулкое эхо разносило их шаги далеко по подземелью. Она не могла далеко уйти, — думал Ликис. Отсиживается где-нибудь поблизости. Безмолвные своды потолка наблюдали за группой одержимых людей с пистолетами наперевес.

Впереди показалась первая развилка, они остановились и прислушались. Куда она могла пойти? На каменном полу не осталось никаких следов. Если она правша, что скорее всего, то по всем правилам, она и повернула направо. Ликис высказал свою мысль остальным и люди одобрительно загудели.

— Но там наша база. Хорошо. Я пойду направо, Низит, налево, Халош, прямо. — Боевики молча выслушали приказание и исчезли в лабиринте.

Ликис повернул направо и рыская по стенам фонариком принялся обыскивать попадающиеся комнаты и коридоры. Ничего, никакого даже самого маленького подтверждения, что она здесь проходила, он не находил. Скорее всего она ушла дальше, если уже не на базе. Взглянув на часы, он пошел еще быстрее.

Ликис прекрасно знал, что и при беглом осмотре сумеет заметить след. Он спустился по лестнице вниз, обшарил ее снизу фонариком и ничего не отыскав, бросался по изгибающейся галерее. Впереди горел свет.

Он улыбнулся. Конечно, эта сука здесь. Где же еще? Пытается освободить своих подружек. Щелкнув затвором пистолета. Ликис тихо вошел в освещенную комнату.

На него взглянуло восемь пар изможденных, потерявших надежду глаз. В комнате стояла такая сильная вонь, что Ликис невольно поморщился. Тела женщин с бледно-синими трупными лицами и абсолютно седыми волосами лежали вперемешку в дальнем левом углу. Когда он вошел, ни одна из них даже не пошевелилась. Только глаза. Казалось, своей ненавистью они прожигали его насквозь.

— Где она?! — заорал он во всю мочь. — Где эта сука?! Женщины молчали.

Будь его воля, он перестрелял бы их всех но одной. Отсюда, издалека. Подходить ему было противно. Тогда бы они раскололись как миленькие.

Но он не мог даже пальцем их тронуть. Они валялись и обреченно ждали своего конца. Правильно делали.

Нафир сказал, что если что-то пойдет не по плану и у них возникнут проблемы, то они выставят вперед эти полутрупы, обмотанные тротилом. Ни одно государство в мире, увидев этих женщин, не стало бы связываться с террористами. Им бы заплатили любые деньги.

Еще раз взглянув в сторону женщин, Ликис подумал, что Нафир как всегда, прав. Эти выцветшие зомби сейчас бесценны.

Он осмотрел комнату. Ее здесь не было. И это сильно ухудшило его настроение. "Чего волноваться, может ее уже нашли", — подумал он, быстро покидая воняющую комнату.

Ликис огляделся и немного постоял, поправляя прическу. Потом, резко сорвавшись, он побежал дальше, обыскивая фонариком каждый закоулок.

Глава 55.

Халош прошел метров пятьдесят, и остановился, закуривая. Левая рука, напряженно сжимающая рукоятку пистолета, нисколько не успокаивалась. Десять тысяч! Это, конечно, хорошо... но... Одно дело обстрелять среди бела дня толпу или взорвать что-нибудь. Там все

видно, все можно контролировать... а здесь..

Фонарик едва выхватывал метров пять-семь темноты. Белая густая паутина хлопьями свисала с потолка и ему то и дело приходилось нагибаться. Еще неизвестно, что за твари там живут, — подумал он, чувствуя, как страх пробирается под рубашку. Хорошо этой суке, у нее фонаря не было, она не видела все это...

Внезапно что-то холодное и скользкое упало ему за ворот рубашки. Он повернулся и не раздумывая выстрелил. Никого.

Халош почувствовал как нечто, перебирая лапками ползет по его спине. С криком он сорвал рубашку и остервенело принялся ее топтать. Фонарик выскользнул из его руки, упал и с треском разбился.

Тотчас наступила крошечная темнота, словно кто-то погасил свет. Халош сперва даже не понял, что случилось. Он резко наклонился и покружившись на месте, нашел отскочивший в сторону фонарь. Нащупав стекло и лампочку, он убедился, что они разбиты.

Пришлось достать зажигалку, которая освещала сантиметров тридцать вокруг. Опустив палец на спусковой крючок, он решил вернуться. "Хорошо, хоть зажигалка осталась", — подумал он, еле передвигая ноги.

Теперь ему стало не до поиска. Оставшись по пояс голым, он с содроганием ощущал каждое прикосновение к телу. Гнетущая тишина давила на барабанные перепонки. "Сам ее ищи", — подумал Халош, леденея от страха. Ему почудилось, что сзади кто-то есть. Затаив дыхание он продолжал медленно пробираться.

Ощущение усилилось. Халош уловил на спине холодное дуновение, пробравшее до самых костей.

Зажигалка начала тухнуть и шаг пришлось ускорить. Ему казалось, что нечто страшное и мерзкое гонится по пятам.

Халош перешел на бег. Зажигалка захлебнулась и он выбросил ее. Теперь приходилось ориентироваться правой рукой, цепляясь ею за стену.

Дыхание сбилось и он закашлялся. Сверху, с потолка упал кусок паутины и приклеился к волосам и лицу. Его глаза расширились от ужаса. "Ну вот... уже должно быть близко... где же начало?.." Он продолжал бежать, стреляя через плечо, пока не кончились патроны. "Сам ищи!.. Боже... где же выход?.."

Его существо наполнилось такой агонией первобытного ужаса, что он даже не смог закричать, горло сдавил сильный спазм.

Халош перебирал резиновые ноги, вглядываясь в темноту выпученными глазами.

"Я хочу выбраться на свет... помогите!.. выход... боже мой!.. Я умру, дайте мне только выйти отсюда... не надо... помогите!!" Мысли металась в его голове с сумасшедшей скоростью.

Наконец, он нащупал правой рукой поворот. Напряжение несколько спало. Но тело продолжала сотрясать крупная дрожь. "Мне надо побыстрее вылезти отсюда. На воздух." Он шагнул прямо. Если бы у него был фонарик, то он успел бы заметить прямо перед собой бездонную шахту склада боеприпасов.

Нечеловечески крик огласил своды подземелья. Через несколько секунд его тело с остановившимся от страха сердцем, шмякнувшись об пол, скатилось в глубокий подземный бункер.

Таня смотрела на них, они смотрели друг на друга. Прошло всего два часа, как они попали в немецкие катакомбы, но это время показалось им сутками.

— Ничего не поделаешь, — сказал Василий. — Так надо.

— Я не хочу оставаться одна. Я боюсь... — Таня с мольбой смотрела на них. — Я пойду с вами.

— Нет, — отрезал Павел. — Ты выключишь свет и останешься здесь, на этом диване.

— Но почему?.. — слезы навернулись на не глаза.

— Во-первых, у тебя нет оружия, а это наверняка опасно, во-вторых, мы быстро...

Короче, ты остаешься. Павел открыл дверь и погасил свет.

— Ищем, — сказал он. Василий поднял со стола автомат.

— Не волнуйся. Туда и назад. Таня подошла нему и обняла за шею.

— Ты же вернешься? Скажи, что ты вернешься...

— Конечно, мы вернемся. С чего ты...

Она поцеловала его в губы, прижимаясь дрожащим телом.

— Я люблю тебя, — прошептала она.

— Я тебя тоже люблю, — сказал он, переводя дыхание и с трудом отстраняясь.

Василий чувствовал, что Таня смотрит ему вслед.

"Боже! — подумал он. — Ты, наверное, специально находишь такие места.

— Как думаешь, — спросил Павел, — стоит идти назад тем же путем?

— Другим мы заблудимся.

— А если они нас там поджидают? Василий похлопал автомат по стволу.

— Придется осторожно. Волков бояться, в лес не ходить. Кстати, ты факел не забыл?

Павел потряс обгоревшей палкой с остатками майки. В другой руке он держал подаренный Василием пистолет.

— Так спокойнее, — улыбнулся он. — Череп пробьет. Поднявшись по лестнице, они двинулись извилистым коридором. Дым от факела медленно поднимался к потолку. Знакомые мокрые стены наблюдали за их передвижениями в полной тишине.

— Я бы не отказался сейчас от ста граммов, — тихо прошептал Павел, всматриваясь в непроницаемую темень.

— Я тоже, — согласился Василий. — Как только выйдем, оторвемся. Они дошли до широкого коридора и остановились. Выходить в него было страшновато. Всюду мерещились призраки. Василий крепче сжал потяжелевший "Шмайсер".

— Тихо, — произнес Павел и бросив на пол факел, затоптал его ногами.

— По-моему, они здесь были...

В воздухе витал слабый аромат мужского одеколona, смешанный с горьким дымом от факела.

В подтверждение его слов дальше по коридору раздался еле уловимый стук шагов.

— Они там, — зашептал Василий. — Что будем делать?

— Подождем здесь.

При полном отсутствии света минуты растягивались на часы. Василий слушал, как бьется его сердце. Прошло примерно полчаса. Никто не появлялся.

— Может показалось, — предположил Павел.

— Я точно слышал, надо ждать...

Они закурили. Две красные точки засветились в темноте, как налитые кровью глаза хищника.

Павел поежился, на нем осталась только джинсовая куртка.

Еще полчаса ожидания показались им вечностью. Павел поднял факел и собрался было уже подпалить его снова, как вдруг послышались быстрые уверенные шаги.

Неожиданно выскочил лучик фонарика и стало светло. Пришлось спрятаться в щель поглубже.

Василий поглядывал в свободное для обозрения пространство и успел заметить, как черная тень, вращая перед собой фонарем, промелькнула перед ними.

Миновав их убежище, человек замедлил шаг и остановился метрах в пяти. Пауза затянулась. Было слышно, как некто с шумом втягивает в себя воздух.

"Он учуял дым", — понял Василий, но человек топтался на месте, словно решая, посмотреть еще раз или возвращаться.

Вероятно, он выбрал первое. Свет фонаря опять осветил пространство перед щелью, медленно и очень тихо человек приближался.

Бежать было уже поздно. Затаив дыхание, они сидели, взяв на изготовку оружие.

Человек подошел к щели и замер, прислушался. Палец Василия впился в спусковой крючок. Он почувствовал, как по лбу сбежала капелька пота. Где-то позади струилась вода.

В следующий момент яркий белый свет больно ударил по глазам. Василий заметил, что Павел вскочил, закрывая свет и ринулся вперед.

В руке у человека мелькнуло что-то похожее на пистолет, раздался чавкающий звук, словно открыли бутылку шампанского, и Павел, вскинув обе руки, повалился на незнакомца всем весом. Тот не ожидал такой быстрой реакции и уворачиваясь, отвел фонарь чуть в сторону.

Василий оценил ситуацию мгновенно, с силой вдавив палец, лежащий на курке.

"Давай, родной, не подведи", — подумал он перед тем, как вылетела первая пуля.

Отдача сильно ударила в плечо, короткая очередь и яркая вспышка сразу же оглушили и ослепили, но Василий успел почувствовать, что попал. Человек вскрикнул и как будто от сильного удара опрокинулся на спину.

Через несколько секунд Василий опомнился и вскочив, подбежал к Павлу, который раскинув руки, лежал на животе. Василий потряс его за плечо. — Паша!.. Павел!.. Очнись!

Он перевернул тело ни спину и ужаснулся. Павел был мертв. Его грудь и джинсовка были залиты горячей кровью. Открытые глаза как всегда смеялись.

"Боже..." — Василий облокотился на стену. Минуту назад его друг еще стоял перед ним, еще разговаривал, курил... Он защитил его своей грудью. Если бы не он, Василий сейчас лежал бы на этом холодном каменном полу. Господи! Кто бы знал, что это так все серьезно. Слезы отчаяния и обиды за друга выступили на его глазах. "Они поплатятся, они за все заплатят", — молча поклялся Василий, медленно опуская на его грудь подаренный пистолет.

Василий встал и осмотрел человека с фонарем. Пуля попала ему в голову и опознать его стало невозможно. Лицо превратилось в кровавую смятку. На его животе покоился горящий фонарь, судорожно прижатый рукой. "Слава богу, — подумал Василий. — Теперь хоть свет будет..." В другой руке человек сжимал длинный пистолет с навинченным глушителем. Недолго думая, Василий засунул его за ремень брюк. Обыскав труп, он нашел только пять запасных обойм к пистолету. Больше ничего, никаких бумаг, документов у него при себе не было.

Схватив труп за ноги. Василий оттащил его в комнату неподалеку, там же он бережно

положил тело Павла. Следов оставлять нельзя, — подумал он. Какие-то ребята очень серьезно взялись за Таню.

Василий опустилсь возле Павла и закурил, глубоко втягивая дым. Руки немного дрожали. Что теперь предпринять? Идти назад или попытаться вырваться из подземелья... но как? Тем же путем, теперь это стало ясно, идти туда, откуда они пришли, небезопасно. Или попробовать поговорить с ними? Но взглянув на Павла, он решил отказаться от этой идеи.

Все-таки надо выяснить, сколько их и чего они добиваются. Тогда будет легче строить дальнейшие планы.

Глава 57.

Из ниши с заложницами воняло так скверно, что Макс отошел к дальней стене галереи. Здесь же, переминаясь с ноги на ногу, стояли еще восемь боевиков с мрачными физиономиями.

— Где Низит и Халош? — спросил Нафир Ликиса.

Тот напрягся.

— Их еще нет.

— Вы нашли ее?

— Нет, но след...

— Какого черта!! — заорал Нафир. — Ты слышал, что я сказал?!

— Ее нигде нет, она пропала...

— Может она уже наверху! Ликис промолчал, глядя себе под ноги.

— Что случилось? — спросил Макс.

— Баба сбежала!

Красивые глаза Павла округлились.

— Как?! Отсюда?

— Нет, прихватили в аэропорту одну, — Нафир посмотрел на Ликиса, — спустили сюда, а она развязалась и исчезла. Не исключено, что вылезла наверх.

— Исключено, — сказал Макс. — Наверху все тихо.

— Тогда еще полбеды. Не иголка, найдется. Жрать захочет, сама придет...

— Придется ускорить работы. — Макс глянул на боевиков. — У вас все готово?

— Почти. Сегодня ночью будем разносить взрывчатку, детонаторы нужно собрать, это займет время. Трот и радио взрыватели в порядке. Короче, к завтрашнему вечеру все должны сделать. Нам понадобятся билеты, но это решим завтра...

Макс кивнул.

— Вы помните про мою просьбу? Нафир на секунду задумался и ответил:

— Конечно, я займусь этим сам. А вы, — он кивнул боевикам, замершим в темноте, — начинайте укреплять взрывчатку. Ликис! Карта у тебя?

— Да.

— Там большим крестом отмечено где мы находимся, маленькими крестами где укрепите взрывчатку. Помнишь, где склад боеприпасов?

— Помню.

— Тогда вперед.

— А эти? — показал жестом Макс в сторону заложниц.

— Эти в самую последнюю очередь. Кстати, — Нафир взглянул на Макса с

любопытством, — что о них думает начальство?.. Ну, органы?..

— А... это, — Макс засмеялся тонким голосом. — Их убийцу уже давно задержали. Об этом в газетах писали, по телевизору показывали... правда, его застрелили на месте преступления.

— Ловко, — похвалил Нафир, раздумывая. — Слушай, — решился он, — а как насчет того, чтобы с нами поработать? Правда, некоторые по определенным, сам понимаешь, причинам будут против... но я думаю, но я думаю показательный фейерверк их убедит... Несомненно убедит.

Макс посмотрел на него большими карими глазами, словно бы уже давно ожидал этого предложения.

— Сначала нужно закончить здесь. Ваши люди не очень то заботятся о деле. С ними очень рискованно проводить операции в которых слишком большие ставки. Я тут целый год и ни одной ошибки, а они три дня и не могут потерпеть без бабы. От этого человека нужно избавиться. Хотя бы от этого.

Нафир слушал, укрепляясь в своем мнении. Перед ним стоял человек, которого бы он любой ценой хотел заполучить в свою команду.

— Я согласен, — коротко кивнул он, — это будет сделано после.

Макс, соглашаясь, опустил голову.

— Встретимся наверху. Мне нельзя надолго отлучаться, если что, вы знаете, где меня найти.

"Этот человек за деньги родную мать повесит", — подумал Нафир, хотя и сам был не прочь проделать подобную операцию. Естественно, за хорошие деньги.

Глава 58.

— Наталья Александровна, за нас, за наш успех, — Анжелика Кордец подняла хрустальный бокал, наполненный шампанским "Вдова Клико".

Импровизированный банкет устроила тут же, на краю усыпанной цветами и конфетти сцены. За столом, сервированным жареной осетриной, икоркой, красной и черной, русским народным салатом "Оливье" и, конечно, шампанским и более крепкими напитками, находились все помощники Никитиной, зам. министра по культуре, несколько высоких иностранных гостей, ну, и конечно, сама Наталья Александровна.

Никто со сцены и из толпы не обращал на них никакого внимания, все были слишком увлечены собой и шумным праздником. Никитина поднялась.

— Друзья, — сказала она, при этом ее глаза заблестели, — спасибо всем, кто помог организовать это шоу. Я не буду долго говорить, лучше навеселимся. Одно только хочу сказать в нашем тесном кругу, организация таких мероприятий в будущем принесет нам немалые деньги и мне хотелось бы, чтобы все, кто сейчас присутствует, оставались с нами и в будущем.

Все захлопали и выразили общее согласие. Перед началом банкета Анжелика раздала каждому сидящему но конверту с десятью тысячами долларов. От этих людей напрямую зависело, будет фестиваль иметь успех или провалится.

Судя по всему, фестиваль проходил на "ура". Восторженные корреспонденты иностранных газет и телекомпаний что-то орали в микрофоны, пытаясь перекричать толпу.

Из-за стола поднялся бухгалтер или по-новому, финансовый директор фестиваля, Лев Николаевич Гестер, в круглых очках с тонкой оправой и сером костюме-тройке маленького

размера.

— Наталья Александровна, позвольте поздравить с такой победой. — Он обвел всех мутным взглядом. — Признаться, я не очень то верил, что все получится так хорошо... А вот вы, Анжелика, скажите, пожалуйста, вы... верили? — Все молчали. Возникла нехорошая пауза. Но Гестер тут же развеял ее: — Вы верили! Все верили! А я... все-таки, не очень, потому что я еврей!.. — Он звонко засмеялся и его слова были встречены всеобщим весельем.

— Антонина Яковлевна, — обратился к режиссеру фестиваля зам. министра. — Вы сегодня герой дня. Признайтесь, еще капиталисты не перетягивают вас за кордон? — он показал глазами на сидящего слева от нее господина Майера из " Уорнер Бразерс". Она смутилась.

— Да разговора пока не было... не знаю... — ее полное разгоряченное лицо с маленькими серенькими усиками приняло невинное выражение.

— А хотите? Признайтесь... мечтаете ведь...

— Конечно, это было бы очень приятно, но кто... Зам. министра оборвал ее.

— Я вам это устрою. В подарок за такой чудесный фестиваль. Когда все это закончится, поговорим о делах. Она с недоверием посмотрела на него.

— Господин Майер — мой давний друг, — пояснил он значительно.

Они продолжали выпивать и смотреть представление, наслаждаясь прохладой ночного воздуха.

Звезды уже давно зажглись в ночном небе, но были нещадно подавлены прожекторами всех цветов, искрящимся салютом, брызги которого периодически падали на танцующий город.

Ни одного жителя не осталось, кто бы в эти минуты не наблюдал все это великолепие или не наливал пенящееся шампанское в пластмассовые стаканчики или бы не сотрясал кости в рок-н-рольном угаре.

— На следующий раз неплохо бы пригласить исполнителей поизвестнее, — поделился своими соображениями заместитель по общим вопросам Минский. Он уже еле-еле ворочал языком. — Хулио Иглесиаса, Металлику...

— Вы поклонник Иглесиаса? — оживилась Надежда Николаевна, курирующая размещение гостей. Ее тело, еще в молодости заплывшее овощебазным жирком каким-то образом вместились в платье от "Версачи". — Вы знаете, я от него без ума. Такой умница...

— Нет, но... Она бесцеремонно прервала его.

— Особенно вот эта его песня, — и она затянула, — но — о- о- стал-жи. При отсутствии какого-либо голоса, общее настроение песни Надежда Николаевна передала с блеском.

Минский краем глаза заметил, что бокал у ней уже опустел и поспешил наполнить его шампанским.

— Спасибо, — проворковала она, уверенная в произведенном впечатлении. Знаете, Анатолий Степанович, когда я работала в магазине, был у нас там парень один... ух, заводила! Красивый, высокий... грузчиком работал, а какой голос! Заслушаешься... Иглесиас в лучшие времена так не пел. И что вы думаете, говорю ему, Лешка, тебе петь надо, а не ящики с водкой таскать... А он, скромный такой, только и кивал, беда у него в жизни случилась, с судимостью, кому он нужен... а теперь — певец. Известный на всю страну певец. По телевизору его частенько показывают... Вспомнил бы Надьку... есть за что... Они

вызывающе глянула на Минского, но тот быстро нашелся.

— Да что вы говорите! А я и не знал... Между прочим, у Иглесиаса тоже жизнь не малина. Всяко бывает. — Он немного помолчал, осушая рюмку коньяка и спросил: — У вас спутниковая антенна есть?

— Ну естественно...

— Нас по Си-эн-эн завтра покажут. Видите во-он ту камеру? В программе "Лучшие фестивали мира".

Надежда Николаевна была заинтригована.

— Откуда вы знаете?

— Я сам этим занимался. Оператора Стэн зовут. А их начальника Роджер.

— Если хотите, познакомлю.

— Конечно, конечно, — она не верила, что вот так в одночасье вдруг прославится. — Обязательно надо... — Ей не терпелось прямо сейчас встать и пойти туда, но правила приличия удержали ее на месте.

Присутствовавшие уже прилично захмелели и разговор шел довольно развязный. Светский.

На сцену вышло четыре молодых гитариста в черных костюмах. Их черные, отделанные серебром гитары выглядели необычайно красиво. Короткие волосы, грубоватые черты лица и легкая небритость создавали вокруг них атмосферу мужественности и сексуальности. Никитина смотрела на них не отрываясь. Они заиграли вероятно какой-то свой концерт, и великолепно заиграли. Сначала их пальцы били по струнам так быстро, что казалось, музыка вот-вот выплеснется из гитар и ринется танцевать по головам народа. Жесткий и немного странный мотив не давал времени подумать, он звал к подвигам, к свершениям. Затем мелодия плавно перетекла в медленную композицию, плавную и умирающую, как осенний дождь. А завершилось все бешеным, буйным натиском сумасшедшего урагана, сметающего все на своем пути, не желающего знать и видеть, что происходит внизу, на земле. Толпа бесновалась, хором выкрикивая нечеловеческие звуки. Никитина замороженно смотрела на гитаристов. Ни один мускул не пошевелился на ее лице. Все девчонки Калининграда теперь будут долго вспоминать это выступление. И не только девчонки. Кто-то тронул ее за плечо. Вздрогнув, она отвернулась от сцены.

— Пьем за доблестную милицию, — шепнула ей Анжелика. Никитина подняла бокал. За милицию выпить надо. Она вспомнила седую голову Литвинова. Теперь то он точно раскается в своих словах. Жалко, конечно, что его здесь нет, ну ничего, по телевизору покажут.

— Анжела, а почему Литвинова не пригласили?

— Ну как же, Наталья Александровна, я ему личное приглашение послала, звонила несколько раз. Отнекивается...

— Он много потерял, — сказала Никитина.

— Это точно. Но я думаю, к закрытию он опомнится, проведает нас.

— Хотела бы я на него тогда посмотреть...

Было уже довольно поздно, но народ не расходился. Разбившись на кучки, люди мирно праздновали.

— Во сколько сегодня заканчиваем? — спросила Никитина.

— Вообще-то в три. По громкоговорителям объявят заранее, чтобы не возникло давки, — ответила Анжелика.

Наталья Александровна поднялась.

— Тогда мы еще успеем...

— Что?

— Потанцевать!

Глава 59.

В подземелье царило оживление, которого стены не видели со времен второй мировой войны. Боевики в черных костюмах напряженно дыша, растаскивали ящики со взрывчаткой, оставшейся от немцев. Ее запасы отменно сохранились, и были столь велики, что Ликис приказал подчиненным не курить и сам выбросил сигареты, чтобы не возникало соблазна.

Склад боеприпасов находился на третьем, разумеется, вниз, этаже. Его трехметровые железобетонные стены внушали уважение. Пришлось изрядно попотеть, вытаскивая несколько тонн взрывчатки на первый уровень.

Основную ее массу следовало укрепить на потолке полукруглой галереи и в прилегающих комнатах таким образом, чтобы сила взрыва была направлена в одну точку, которая находилась в самом центре острова. Остальные ящики со взрывчаткой надо было растащить по всем свободным галереям. Они сдетонируют сами собой. Судя по массе серо-желтых кирпичиков динамита остров, как геофизическое понятие, должен был исчезнуть в волнах Преголи, а на его месте появиться глубокое озеро, наполненное трупами.

Полная тишина изредка прерывалась командами Ликиса. Шел третий час ночи, а они укрепили только половину. Нафир будет недоволен. — Быстрее, быстрее! Аккуратнее, этот ящик снизу разваливается... Ликис решил сам заняться приклеиванием радиовзрывателей, которые уже были собраны. Прихватив с собой несколько десятков штук, он направился в темную половину галереи, высвечивая фонариком кирпичики укрепленного динамита.

Ликис улыбнулся. Весь потолок сплошь и рядом покрылся взрывчаткой. Это была его работа. Положив коробку со взрывателями рядом с собой, он взял палку с острым концом, нацепил на него детонатор, поднес к потолку и несколько секунд подержал. Готово. Взрыватель приклеился. Ликис с удовлетворением посмотрел на свою работу и продолжил.

Глава 60.

Архипов метался по своему кабинету как загнанный зверь. Он уже давно подсчитал количество шагов вдоль и поперек. Четыре с половиной на три с половиной. Не больше и не меньше. Но в голову, как назло не приходила ни одна стоящая мысль. Со стены ему хитро подмигивал портрет Феликса Эдмундовича. Только что на связь вышел Деев.

— База, база, — прокричало в рации, — ответьте Острову.

— База слушает, — спокойно сказал Архипов.

— Никитина исчезла, — донесся взволнованный голос подчиненного.

— Как исчезла?! Куда исчезла?! Вы же там рядом находитесь.

— Рядом то рядом. У них был банкет, вся элита собралась. Тихо, мирно сидели, ну мы и подумали...

— Что вы подумали?! — закричал Архипов. — Я же вам говорил! Следить за ней во все глаза!

— Мы следили. Они пошли танцевать всей толпой, а когда вернулись, ее уже не было.

— Вы спросили ее помощников, может она в кусты отошла...

— Уже полчаса прошло, — виновато ответил Деев. — Никто ее не видел.

— Обыщите Остров, скорее!!

— Уже обыскивают. На входе сказали, что она не выходила и не входила. Ее бы сразу заметили.

— Идиоты! — в сердцах крикнул Архипов. — Ждите, через полчаса доложите!

— Есть! — ответил Деев. Связь прекратилась. Значит так оно и есть, как он предполагал. Самые худшие его опасения оправдывались. Значит Никитина. Каким-то образом она связана с исчезнувшими людьми. Но каким? Ведь убийца обезврежен.

В душу Архипова закрылась неясная тревога. На острове ее нет, нигде нет, вполне вероятно, что и с ней... Но с другой стороны, никто пока не предпринимает никаких шагов...

Он решил раньше времени не строить никаких догадок. Вполне возможно, что это ложная тревога.

Полчаса пролетели незаметно. Не дожидаясь, Архипов сам вышел на связь.

— Остров, это база. Не нашли?

— Никаких следов. Как сквозь землю провалилась, — ответил Деев. — Мы продолжаем поиск.

— Может она в толпе разгуливает? — предположил Архипов.

— Прочесали весь остров, — устало откликнулся Деев. — Она не могла уйти надолго. Ее тут все ждут.

— Хорошо. Никому ничего не говорите. Людям объясните, что она внезапно почувствовала себя плохо и поехала домой. Смотрите, чтобы ничего не пронюхала пресса.

— Есть!

Архипов положил микрофон на стол. Итак, она все-таки исчезла. Черт! Он злосмотрел на радиостанцию. Ведь знал же, что-то случится. Тем более, это предупреждение. ФЕСТИВА. НКИТИНА.

Где ее теперь искать и что все это значит... Он сел на стул и задумался, перебирая пальцами скрученный шнур телефона.

Потом медленно потянулся к среднему ящику стола, и вытащил фотороботы маньяка. Тот парень, которого он застрелил в подъезде, конечно, похож, но некоторые различия были довольно существенными.

Их списали на то, что люди плохо его разглядели, и видели его, в основном, в темноте, нельзя точно сказать, какой у него формы глаза или нос...

Смутная догадка вдруг мелькнула в его подсознании. Он подошел к шкафу, заваленному делам и поднял лежащую сверху вчерашнюю "Калининградку".

На ее передовице, с шапкой из больших букв, которые гласили: "А ВЫ ПОЙДЕТЕ НА ФЕСТИВАЛЬ?" красовался большой, в полразворота портрет Никитиной" на фоне Кафедрального собора.

Ее лицо мило улыбалось, обнажая ряд ослепительно красивых зубов. На идеальной тонко шее висел янтарный орел на золотой цепочке. Архипова прошиб пот. "Этого не может быть!" Дрожащими руками он держал газету за края и вглядывался в ее лицо. Оно выглядело до боли знакомым, не раз виденным в ночных кошмарах и кое-где еще... "Этого не может быть."

Он медленно вернулся к столу и развернув газету, положил ее. Слева на столе лежало три фоторобота. Самых достоверных. Архипов переводил взгляд и не мог поверить в увиденное.

Если на Никитину надеть очки, смыть всю косметику и надеть черный мужской костюм... Длинные тонкие пальцы, как у пианиста... Никитина смотрела на него с трех фотороботов, немного разная, но без сомнения, она.

Кого же он тогда застрелил в подвале? Все подстроили или чистая случайность?

Глядя на свое открытие, Архипов невольно пришел к выводу, что первое. Его подставили. Подставили самым серьезным образом. Когда все это вскроется... он похолодел.

От злости он схватил телефон и изо всех сил запустил им в дверь. Аппарат с треском разлетелся по всей комнате, наполнив пустые коридоры управления неожиданным шумом. Значит Никитина...

Эта скотина разрушила всю его жизнь.

Если это она, то сами собой находились объяснения его неудачам в этом деле. Он попросту искал другого человека, совсем другого. Он шарил по самым значимым местам, опрашивал убийц, наркоманов...

А искать-то требовалось совсем в другом месте. Так-то. Значит, она что-то почувствовала и решила скрыться, пока не поздно... Все стало на свои места.

Где же ее теперь искать?.. Дома?.. На работе? Вряд ли. Такая хитрая женщина никогда не попадется так просто...

Архипов снова уселся на стул и тупо уставился на разбитый телефон. Следовало бы поднять по тревоге бригаду, но тогда фестиваль, несомненно, будет сорван, начнутся допросы гостей, тотальные проверки, обыск.

Такого поворота Архипов допустить не мог, в этом случае международной огласки не миновать. Он представил себе хриплые выкрики телекомментаторов: "Сенсация! Организатор калининградского фестиваля подозревается в совершении серии убийств, она скрылась от следствия и в настоящее время правоохранительные органы ведут ее поиск..."

А после, когда пресса начнет копаться в прошлом, естественно, всплывет труп в подвале. Попробуй, объясни им, произошла, мол, маленькая ошибка.

Скандал поднимется на всю страну. Выживший из ума оперативник под прикрытием милицейской формы расстреливает невинных граждан. Это они умеют делать — раздувать грандиозные скандалы из ничего...

Архипов с ненавистью посмотрел в лицо Никитиной. Теперь он понял причину неприязненного отношения между ней и Литвиновым, также, как и причину постоянных споров между ними.

Как же он раньше не мог додуматься, ведь на карту столько поставлено. Архипов достал наполовину заполненную бутылку коньяка и плеснул себе полстакана. Выпив залпом, он почувствовал некоторое облегчение.

Надо звонить Литвинову. Он, конечно, уже спит. Или дождаться утра... Теперь уже ничего не изменишь... Архипов взял микрофон в руки.

— Остров, ответьте базе.

— Остров на связи. — Подошел Троицкий.

— Слушай, — сказал Архипов, — до утра оставайтесь на месте, общите каждый кустик. — Он не стал вдаваться в подробности. — Коли что найдете, докладывайте сюда немедленно, я на месте.

— Хорошо, — ответил Троицкий. Связь прекратилась.

Впереди виднелся каменный завал, образованный одной из разрушенных стен. Василий обвел вокруг фонариком и крепко сжимая пистолет в правой руке, двинулся вперед. Разбитые кирпичи под его ногами предательски трещали.

Он пробрался уже довольно далеко, но судя по примерной карте поворотов, которую он время от времени рисовал ручкой на ладони, его путь проходил где-то по периметру острова. За все это время не попалось ни одного люка или хода наверх и такой расклад не очень то его радовал. Василий посмотрел на часы. Три часа ночи с небольшим.

Который раз ему почудилось, что впереди кто-то есть. Остановившись, он внимательно прислушался. По крайней мере, сразу за завалом никого не было.

Он быстро перебежал на ту сторону. Здесь коридор разветвлялся надвое. Слева галерея сужалась, снова уходя в глубь. Ее стены поросли губчатым белесым мхом. Василий осветил наверх. По потолку, затянутому паутиной, проходило несколько толстых и одна тонкая труба. В некоторых местах виднелись круглые блестящие вентили. Трубы скрывались где-то в правом коридоре.

"Ни души, — подумал Василий, поеживаясь. — Хоть бы указатели ставили, где что." Идти не хотелось ни налево ни направо. Хотелось возвратиться к Тане и немного передохнуть. Только сейчас он почувствовал, как сильно устал.

Мгновение помедлив, Василий повернул направо. В этом месте галерея странным образом начала походить на трубу с ровным полом. Посветив наверх, он убедился, что трубы с вентилями еще на месте.

"Попробовать что ли, — Василий с сомнением посмотрел на большой, размером с велосипедное колесо круг на резьбе. — Будь что будет."

Он положил оружие и фонарик на пол и немного подпрыгнув, повис на колесе. Чтобы попробовать его повернуть, пришлось упереться ногами в стенку. Вентиль не поддавался.

Напрягшись изо всех сил, он всем телом навалился на колесо. Ему показалось, что оно немного повернулось. Есть! Надавив еще раз, он сдвинул вентиль на пол-оборота и спрыгнул на землю. Сначала ничего не происходило и он разочарованно посмотрел на трубу.

— Старье, — сказал он в пустоту и поднял оружие с фонариком. Василий успел пройти всего метра три, когда услышал впереди сильное шипение и почувствовал, что его ноги абсолютно мокрые. Теплая вода, вероятно из Преголи, успела добраться то щиколоток.

— Черт, — крикнул он и ринулся назад, засовывая пистолет за ремень.

Подпрыгнув опять, теперь уже с фонарем в руке, Василий всей оставшейся силой крутанул вентиль назад. Тот, жалобно скрипнув, все-таки поддался.

Шипение немедленно прекратилось. Вода исчезла так же быстро, как и появилась.

"Это, наверное, шлюзы", — подумал Василий посмотрев на мокрый пол и темные подтеки на стенах.

Оглядевшись, он двинулся в место, откуда пришла вода. Это оказалось метрах в сорока от развилки.

Его взгляду опять предстали повороты налево и направо... Он осветил в каждом направлении. Сколько хватало мощности фонаря, в обе стороны вдоль стены тянулось множество толстых и тонких труб. Ответвляясь, некоторые из них уходили в пол и потолок.

Стена казалась тоже необычной. Василий постучал по ней дулом пистолета. Гулкий звук разнесся по подземелью. Она была металлической. Он прошел чуть-чуть дальше и заметил, что стена представляет собой металлические листы со множеством заклепок на стыках. Как на корабле.

В голове зародилась внезапная догадка. Значит, за этой стеной... река Преголя. А эти трубы представляют собой сложную систему шлюзов. "Хорошо, что я не успел далеко уйти от вентиля", подумал он.

Не отыскав и намека на выход, Василий вернулся к завалу. Взорванная стена открыла еще один коридор, каторый за полуметровой стеной проходил параллельно первому. Стараясь не шуметь, он пошел вперед. Все то же самое. Полукруглый потолок, толстые кирпичные стены, кабели толщиной в руку.

В его мозгу потихоньку начал разгораться огонек отчаяния и безысходности. Василий шел медленно, еле переставляя ноги и очень хотел есть, а еще больше, пить.

Ни того ни другого в скором времени не предвиделось. Василий присел к стене и закурил. Что делать? Куда идти? Он молил бога, чтобы карта, которую он рисовал на руке оказалась более менее точной. В противном случае, здесь можно сгнить заживо.

Василий затянулся. Он уже привык, когда шел, не слышать звука своих шагов, отсеивать их от других звуков. И сейчас он подумал, что это его шаги и как всегда, не обратил на них внимания. Глаза слипались от усталости. Но он же сидит и курит... Откуда же шаги?..

Василий широко открыл глаза и осветил фонарем в конец галереи. Там виднелся кусок лестницы. И еле-еле слышался разговор.

Он быстро погасил фонарь, но никто ни через минуту, ни через пять не вошел в эту галерею.

Разговор и шаги продолжали доноситься, иногда затихая. Василий достал, и направив фонарь в другую сторону, медленно подошел к лестнице, которая спускалась вниз. Справа чернел еще один коридор.

Выключив фонарь он застыл возле лестницы. Рисковать смысла большого он не видел. Мертвый, Василий вряд ли понравился бы Тане больше, чем живой.

Сомнений не возникало, там, внизу, находятся люди, которые убили Павла и которые ищут Таню. В это время суток добропорядочные граждане по подземельям не разгуливают. И все же, он не слышал суеты, которая обычно сопряжена с поисками. "Или они плюнули на нее, или заняты чем-то более важным", — подумал Василий, начиная дрожать от холода. На нем были одеты рваные снизу штаны и майка без рукавов.

Ему показалось, что он уже около часа топчется возле ржавой лестницы. На самом деле прошло двадцать минут. Какая разница, — подумал он, взглянув на светящийся циферблат часов, — все равно ничего не происходит.

Оставался один путь — вперед. Проверив пистолет, он нащупал холодный поручень лестницы, ее ступени тоже были металлическими. Медленно, насколько позволяли уставшие нервы и мускулы, он спустился вниз. Лестница оказалась высотой метра в три.

Не рискуя зажечь фонарь, Василий остановился. Его глаза словили крохотный отблеск света. "Или мне почудилось."

Палец, лежащий на спусковом крючке пистолета был готов в любое мгновение сработать.

"Боже, боже, — помолился Василий, — помоги мне." Аккуратно опуская ступни на каменный пол, он подкрадывался к свету. Пройдя таким образом метров пять, Василий обнаружил, что галерея потихоньку поворачивает влево. Совсем незаметно, особенно в темноте.

Если сейчас кто-нибудь пойдет сюда, ему останется только выстрелить, и тем самым, обнаружить себя. Впрочем, в запасе еще был автомат.

Стало светлее. Он уже мог различить противоположную стену галереи, до которой было метров пять. Потолка он не разглядел.

Пахло, причем довольно сильно, чем-то странным и очень знакомым. Издалека очень слабо доносились чьи-то голоса. В непосредственной близости стояла жуткая тишина.

Василий перешел к левой стене и нагибаясь, покрался вдоль нее. Холодный камень, прикасаясь к руке, вызывал мерзкое ощущение.

Еще метров через пятнадцать или двадцать он, наконец, увидел источник света. Это была ниша в правой стене. Прямо перед входом в нее свесивши голову, сидел человек в черном костюме. Судя по ровному дыханию, он спал.

Уже не очень соображая, Василий подобрался к человеку поближе и прицелился ему в голову. Если в комнате есть другие люди, ему конец. Перекрестившись, он нажал на курок.

Вообще-то он и раньше неплохо стрелял, но это было уже давно и из "Макарова", из которого, даже в упор трудновато попасть...

Видно, пистолеты у них неплохие, — решил Василий, услышав легкий хлопок. Человек беспшумно завалился набок, не меняя позы.

Ожидая, что сейчас из ниши выбежит, по меньшей мере, еще человек пять Василий опустил на колено и взял пистолет обеими руками. Чтобы там не говорили, мол это трюк киноартистов, а целиться подобным образом было легче. Не так руки дрожали.

Секунды тянулись бесконечно. Свалившийся охранник не предпринимал никаких попыток подняться и не стонал. Готов, — решил Василий.

Подумав, что такого благоприятного шанса может больше не представиться, он скользнул к освещенной нише и краем глаза заглянул внутрь. От того, что предстало его глазам, ему на миг стало дурно. В углу довольно просторной комнаты сидели и лежали друг на друге... Он даже не смог бы назвать их женщинами, но дело обстояло именно так.

Белые, ужасающе худые впалые лица закрывали абсолютно седые грязные волосы. От тел в остатках одежды шел мерзкий запах целую вечность не мытой плоти. Они лежали, как клубок червей в могильной яме. Их худые серые ноги были прикованы толстыми стальными цепями.

Василий больше не смог смотреть на них, чувствуя приближение тошноты. Он поднес к носу пистолет и вдохнул запах пороха. Немного полегчало.

В другом углу комнаты без признаков сознания, обмякши на стену, сидела... Он ее знал, видел тоже сегодня, вернее, уже вчера. М... м... Василий закрыл глаза, вспоминая знакомое лицо.

Ну конечно! Опомнившись, он быстро взглянул на нее. Они встречались, просто из-за нервов все вылетело из головы. Это Никитина. Которая вчера открывала фестиваль.

А эти женщины... Василий уже знал, кто они. Это восемь пропавших женщин. Которых все уже считают трупами. Словно услышав его раздумья, Никитина открыла глаза. Честно говоря, Василий ожидал, что она вскрикнет, это сделал бы любой человек на ее месте.

Никитина слегка приподнялась и только сейчас Василий заметил, как поработали над ее лицом. Когда она сидела, этого видно не было.

Она молча смотрела на Василия, соображал, кто он такой. Он приложил палец к губам. Вдруг она что-то вспомнила и замотала головой.

— Уходите, завтра они все взорвут. Взрывчатка на потолке. Вы ничего не сделаете. Они убьют вас, — она шептала, но каждое слово давалось ей с болью.

Бандиты приковали ей и руки.

Василий всунулся в галерею. Ему показалось, что голоса приближаются. Медлить больше было нельзя.

— Я вернусь, — тихо сказал он и прихватив труп боевика на руки, шатаясь, побежал к лестнице.

"Кажется успел, — решил он, затащив тело наверх. Если бы он оставил труп там, наверняка бы из заложников вытрясли всю душу, особенно из Никитиной. — Значит Никитину они взяли только недавно."

Пытаясь отдышаться, Василий вспомнил, что не посмотрел взрывчатку, хотя догадаться было не трудно.

Вряд ли бы они стали взрывать все изнутри, если только они не самоубийцы. Провода тоже исключаются. Остается по радио.

Если бы он узнал частоту, то может это и помогло бы. В будущем. Создать сильную помеху и у них все сорвется... Но он прекрасно знал, что это из области фантастики. Взгромоздив труп на плечи, он пошел к завалу. "Нужно спрятать его, пусть думают, пошел в туалет по-большому."

С каждым метром нести его становилось все тяжелее. Казалось, что тело стало весить тонну.

Пришлось отнести его к шлюзам. В самый дальний конец. Василий с омерзением сбросил труп и обыскал его. Кроме пистолета, как обычно, ничего.

Дрожа от холода, он брезгливо посмотрел на пиджак убитого. Ему он больше не понадобится.

Когда стало теплее, он подумал, что пиджак, в сущности, — не такой уж и плохой.

Сверяясь по плану на руке, Василий двинулся в обратный путь. Дрожь немного улеглась и теперь невероятно захотелось спать. Глаза закрывались сами собой. Дорога заняла полтора часа и все это время приходилось быть начеку, чтобы случайно не налететь на террористов.

Итак, уже сегодня они все взорвут. Василий глянул на часы. Половина пятого утра. Скорее всего, они сделают это вечером, когда на острове соберется большая толпа.

Но как же они выйдут из подземелья сами? Не через люк же в центре Острова, это слишком опасно, наверху полно охраны. Значит, у них есть запасной вариант, или даже несколько. Василий дорого бы заплатил, чтобы узнать хотя бы один из них.

Волоча усталые ноги, он все-таки улыбнулся, когда увидел подземный люк. Слава богу, добрался.

Поднявшись на четвертый уровень, Василий на всякий случай прислушался. Тишина. Он аккуратно открыл дверь кабинета и осветил вокруг.

Таня спала на диване, устроившись на боку. Ее светлые волосы трепетали от выдыхаемого воздуха.

Василий посмотрел на нее и нежно улыбнулся. Во сне она выглядела еще красивее, чем в жизни.

Он подошел к креслу и погрузившись в его мягкую кожу, закрыл глаза. Ноги от напряжения гудели. С удовольствием выкурив сигарету, он моментально уснул, вытянувшись на кресле во всю длину. "Завтра будет день, завтра и будем думать".

Глава 62.

Литвинов молча смотрел на фоторобот. Ему хотелось его скомкать и выбросить в

открытую форточку, но это не решало проблему.

— Конечно, это она, — согласился Иван Дмитриевич. — В этом нет никакого сомнения. Но почему, черт возьми, вы раньше до этого не доперли?! Почему теперь, сегодня, вы суете мне это под нос?! Вы знаете, что фестиваль идет? Представляете, если что случится посерьезнее?

Все кто принимал участие в организации охраны фестиваля, включая Архипова, находились в кабинете. И все они прекрасно представляли, о чем говорит Литвинов.

В форточку втекал приятным нежный аромат зацветающих деревьев. Шесть человек с понурыми физиономиями устало смотрели в багровое лицо начальника.

— Утренние сводки получили? — спросил Литвинов, потирая виски.

— Да. Следов Никитиной нет, — сонно ответил Архипов.

— А что еще?

— Одно убийство, несколько грабежей и взлом магазина. Сигнализация сработала, но вневедомственная опоздала.

— Что за убийство?

— Я еще не успел разобраться. С Никитиной забегался... — Архипов прекрасно знал, что за этим последует. Литвинов взорвался, комкая фотороботы.

— Он не успел! Да что ты говоришь?! Ты знаешь, что тебе грозит?! Болван! Я же тебя предупреждал, смотри в оба, фестиваль напряженный...

— Но убийством местный отдел занимается, — попытался оправдаться Архипов.

— Местный! — передразнил его подполковник. — Отвечать все равно тебе придется!

Архипов понимал, что разговаривать сейчас бесполезно. Он поправил пиджак и тупо уставился на носок своего грязного ботинка.

— Во сколько фестиваль начинается? — спросил несколько смягчаясь Литвинов.

— В восемь.

— Оргкомитет уже в курсе?

— Да.

— И что они думают по этому поводу?

Архипов вспомнил, как удивленно смотрели на него помощники Никитиной.

— Ничего. Они ничего не знают.

— Не может быть, — сказал Литвинов. — Кто-нибудь что-нибудь всегда знает. Только не хочет говорить.

"И что же ты прикажешь?!" — подумал со злостью Архипов, — допрашивать их всех с пристрастием?" Литвинов, видно, понял его мысли.

— Панику допускать нельзя. Фестиваль должен продолжаться, мать его! Как говорится, отступить, некуда. Позади Москва. Они смогут продолжить без нее?

— Конечно. Там есть режиссер, другие люди...

— Допросим их после закрытия... — голос Литвинова дрогнул. — Все-таки я не пойму, зачем ей нужно было убивать этих людей? И что за этим стоит? Когда я с ней встречался, мне показалось, что она чем-то взбудоражена, через чур агрессивна... — Он пожал плечами, — не знаю, не знаю. Людям объясните, что она заболела, пусть пока это будет официальной версией. И никакой прессы! Заберите отснятое у всех операторов, может на пленке что-нибудь увидим... Он тяжело поднялся и оглядел подчиненных.

— Все! Действуйте.

Архипов вышел от начальника с самым плохим настроением за весь прошедший год.

Хотелось напиться и разбить витрину.

Быстрыми шагами, стараясь не смотреть по сторонам, он спустился на первый этаж в дежурную. Дежурил его знакомый, лейтенант Грач. Тот покосился на капитана и изобразил на лице гримасу сочувствия.

— Хреново выглядишь, — сказал лейтенант, что-то выискивая в длинном списке. — Попало?

— Что-то вроде. — Архипов уселся на стул напротив. — Что там ночью произошло?

— Ты про убийство? — сообразил Грач. — Этим Центральный занимается...

— У тебя что-нибудь есть по нему?

— Совсем чуть-чуть. Карташов Юрий Афанасьевич. 1953 года рождения.

— Где его, дома? — спросил Архипов напрягаясь

— Да. — Грач сказал адрес.

— Что там произошло?

— Черт его знает. Закололи в сердце. — Лейтенант тоскливо посмотрел в окно.

— Больше ничего не известно? — спросил Архипов, вставая. Грач перевел взгляд на него и пожал плечами.

— Может и известно... Дело в центральном отделе. Капитан попрощался и вышел. Значит, надо ехать в центральный. Не хотелось тратить драгоценное время, но Карташов был директором Никитиной, и он бы очень хотел переговорить с ними обоими.

Архипов протиснулся в забитый до отказа трамвай, в котором доехал до издательства. Народ только и говорил о вчерашнем открытии фестиваля. Отклики в основном слышались восторженные. "Надо же, а им нравится", — подумал Архипов, выпрыгивая на остановке. Мрачное здание центрального отдела милиции как нельзя более органично вписывалось в тихий живописный, некогда аристократический райончик. Перед его хмурым фасадом располагалась не то площадь, не то нейтральная зона, испещренная пешеходными дорожками, сходящимся к ступенькам отдела. Архипов зашел в дежурную и показал корочку в окошко.

— Капитан Архипов, областной отдел. Какой-то молоденький лейтенант недоверчиво глянул на удостоверение.

— Дайте-ка сюда, — он просунул руку в окошко.

— У кого дело Карташова? — не дожидаясь одобрения спросил Архипов. Понемногу им начала одолевать неясная тревога.

— Это ночное что ли? — поинтересовался лейтенант. — У Мухина, на четвертом этаже найдете. — Он вернул корочку, и тяжелым взглядом проводил капитана до двери.

Мухина он нашел в тридцать четвертом кабинете, сидящим за обыкновенным конторским столом, забитым бумагами и делами.

Это был человек высокого роста лет сорока с очень короткой стрижкой. В его глазах читалась усталость от повседневной рутины.

— Что вас интересует? — спросил Мухин, когда они познакомились.

— Карташов, — коротко ответил Архипов.

— А-а, — разочарованно протянул капитан. — Глушняк. Ночью или поздно вечером проткнули чем-то вроде стилета. Соседи ничего не видели и не слышали...

— Это естественно, — понимающе улыбнулся Архипов.

— Видимо убийцу он знал, потому что показывал ему книги, поил чаем...

— Отпечатки есть? — вырвалось у Архипова.

— Не знаю, сейчас там бригада работает...

— Я слышал, он историей увлекался, — сказал Архипов.

— Да. Он историк. Довольно известный специалист по Кенигсбергу. интересовался Янтарной комнатой. Его работы частенько печатались...

— Что-нибудь пропало? — прервал его Архипов.

— Насколько мне известно, нет. Когда мы его нашли, сейф был открыт. В нем лежало несколько тысяч долларов, драгоценности, старинные книги, монеты, карты, все — довольно ценное. Так что ограбление исключается.

— А как вы его нашли? — вспомнил Архипов, что давно хотел задать этот вопрос.

— Дверь осталась открытой и, видно, сквозняком ее распахнуло. С верхнего этажа люди позвонили.

— Вы не будете против, — спросил Архипов, — если я туда съезжу?

— Нет конечно. — Мухин тяжело улыбнулся. — Адрес знаете?

— Да, — сказал Архипов, поднимаясь. — Спасибо за информацию. Будете в наших краях... Мухин поморщился и уткнулся в бумаги.

Глава 63.

Массивную железную дверь отрыл человек в штатском. Его небритое лицо отнюдь не светилось приветливостью.

— Вам чего?

— Архипов. Из областного. — Сунув удостоверение ему под нос, Андрей прошел внутрь.

Квартирка, мягко говоря, ошеломляла. Прихожая и зал были обставлены тяжелой дубовой мебелью. Пол покрывал пушистый арабский ковер. На стене в зале висела впечатляющая коллекция старинного оружия. Возле окна стоял японский телевизор с диагональю около метра. Присмотревшись, Архипов понял, что историк не бедствовал.

— Что вас интересует? — жестко спросил человек, открывший ему дверь. — Мы очень заняты, если можно, побыстрее...

Капитан сразу перешел * делу.

— Что-нибудь пропало?

— Мы еще точно не знаем, но ценности на месте.

— А где его сейф? Человек в штатском показал рукой на шкаф.

— Вы уже осмотрели его? — спросил Архипов. Тот секунду подумал и куда-то крикнул:

— Ковальский, сейф переписали?

Вошел тощий парень по имени Ковальский и протянул бумаги.

— Да, сейф вот здесь. Вместе с каталогом. — Отдав бумаги, он снова исчез за дверью.

— Можно я взгляну? — спросил Архипов.

— Конечно, — человек протянул бумаги капитану и вышел вслед за Ковальским.

Каталог был рукописным и насчитывал сто тридцать три наименования. Сверху стояло короткое слово "Сейф".

Архипов понял, что предстоит попотеть. Под неодобрительным взглядом штатского он уселся на мягкий кожаный диван и принялся сверять содержимое бумаг.

Через два часа кропотливой работы он встал и потянулся. Так и есть, не хватает нескольких монет и подземного плана города, датированного 1944 годом.

— Ну что, все? — ехидно спросил штатский. Архипов окатил его ледяным взглядом.

— Да. Желая удачи в расследовании, — и быстро вышел за дверь.

После затхлого квартирному воздуха летний день казался особенно приятным. Синее небо без единого облачка влекло на море.

Итак, Карташов убит. У него, скорее всего, взяли то, что и хотели взять. Подземный план города. Это могла сделать Никитина, на одной из чашек губная помада... Но зачем ей это? Он не мог этого понять.

Неспеша он подошел к телефону-автомату и набрал рабочий номер Литвинова.

— Слушаю, — послышался в трубке голос начальника.

— Это Архипов.

— Что там у тебя?

— Я только что из центрального отдела. Убили Карташова. Закололи в сердце. Скорее всего, это сделала Никитина. Нашли ее следы. Ценности все на месте, кроме нескольких монет и подземного плана Кенигсберга. Никто ничего не видел и не слышал.

Возникла долгая гнетущая пауза. Архипов забеспокоился, что линия разъединится.

— Если это Никитина, — сказал наконец подполковник, — значит она что-то ищет. Под землей. У Карташова была эта карта и какие-нибудь дополнительные сведения, пусть даже, по Янтарной комнате... Никитина это узнает, входит к нему в доверие, устраивается заместителем директора и потихоньку все выпытывает, и, наконец, за ненадобностью, убивает его. Если ее еще можно найти, то только там. — Архипов почувствовал, как Литвинов указал рукой на пол.

— А зачем тогда эти трупы? Вернее, их отсутствие? — поправился капитан.

— Этого мы не знаем. Вполне возможно, что эти люди в чем то помогали ей, и она постепенно избавлялась от них, пряча под землей. Это объясняет, почему мы до сих пор никого не нашли.

— В чем же могла помочь ей проститутка?

— Мы не знаем их настоящих дел. А ты, — Литвинов повысил голос, — до сих пор отталкиваешься от того, что некто снял шляху на Ленинском проспекте, провел с ней чудное время и потом задушил ее... Такого не было.

Архипов с силой сжал трубку.

— Короче, — продолжил подполковник, — бери людей и марш на остров, пока еще светло и народу немного. Она исчезла там и скорее всего, там и есть какой-нибудь вход в подземелье. Вскройте все люки, общите, обсмотрите... в общем, ты понял. До вечера нужно успеть. А я пока свяжусь с коммунальными службами. Наверняка, они подскажут...

— Хорошо, — вздохнул Архипов, — я на острове.

— Держи связь, — сказал Литвинов и повесил трубку.

Глава 64.

Василию снилось, будто он на необитаемом острове, который сотрясает жуткий ураган. Тропические пальмы, не в силах сдержать натиск бури ломаются и вылетают с корнями. Его трясет от холода и мокрых ледяных брызг. Он прячется в небольшую канаву, поросшую мягкой травой, но и здесь его настигает океанская буря.

Таня проснулась и открыла глаза в кромешной темноте. Сначала она не поняла, где находится. Удар по голове, она связанная лежит на каменном полу... Василий...

Ах, да. Она сразу все вспоминает. Василий с Павлом, они пришли? Она прислушалась. Тихое дыхание в районе кресла немного успокоило. Поднявшись с дивана, она ощупью

нашла кресло и плечо в пиджаке. Ее сердце быстро забилося, как испуганная птичка в клетке. Бандиты опять нашли ее? Боже, что теперь будет?!

Стараясь не шуметь, она подошла к двери и медленно ее открыла. Попавшего света хватило, чтобы разглядеть профиль Василия. Он спал.

У нее отлегло от сердца. А где же Павел? Таня осмотрела комнату. Павла нигде не было.

Она принялась тормошить Василия за плечо. Он что-то неразборчиво произносил, но не просыпался. Она тряхнула его посильнее и Василий, открыв глаза, удивленно уставился на нее.

— Ты?? — наконец произнес он. — Что ты тут... — но словно опомнившись махнул рукой и опять начал засыпать.

— Вася, Вася, проснись? Надо что-то делать. Где Павел?

Поморгав, он пришел в себя.

— Павел? Павла больше нет...

— Как?! Он ушел?

— Да. — Василий как-то странно посмотрел на нее. — Его убили.

Таня не смогла поверить его словам.

— Ты шутишь? Как убили? Когда? — она почувствовала, как комок подкатил к горлу.

— Его убили, Таня. Он спас мне жизнь. — Василий отвернулся, чтобы Таня не видела в его глазах слезы.

Она молчала, не в силах произнести ни слова. Василий посмотрел на часы. Восемь сорок утра. Он проспал что-то около трех часов.

— Откуда у тебя пиджак? — тихо спросила Таня.

— Трофейный.

— Он был в таком же пиджаке, словно бы про себя сказала она.

— Кто — он?

— Тот, про кого я видела сон. Я же тебе рассказывала.

— Ты видела вещий сон. Он сходится с точностью до мелочей. — Василий не хотел об этом говорить, он думал как им выбраться. — Чем закончился твой сон?

— Я проснулась.

— И все?

— Да.

— Дай бог, и мы проснемся, — сказал он, обнимая Таню. Она дрожала, как ивовый прутик. Василий встал с кресла, стряхивая остатки сна.

— Там в комнате, — сказал он, — эти женщины, которых все потеряли. Боже, в каком они состоянии... Бандиты хотят взорвать фестиваль. Центральные галереи почти полностью заминированы. Вероятно, они будут использовать женщин на всякий случай, для прикрытия. Как заложницы, они идеальны. Нам надо выбраться отсюда как можно быстрее. В противном случае, мы рискуем остаться здесь навсегда...

— Как же... как мы выйдем, если они там? — дрожащим голосом спросила Таня. — Они убьют нас.

— Вряд ли. Они не знают то, что мы знаем и они думают, что ты — одна. И, конечно, не ожидают ничего серьезного от тебя. Они просто ждут, когда ты сама придешь к ним. — Василий помолчал с минуту и продолжил, — послушай меня... — где-то час он втолковывал ей, что необходимо сделать. Под конец добавил: — И ни в коем случае не поднимай наверху

шум.

С большим трудом они дождались вечера. Василий в последний раз оглянулся на подземный док в неясном синеватом мерцании. Темные перила щупальцами опутали блестящие стены. Черт его знает, — подумал он. Может быть, придется еще раз вернуться сюда.

Таня держалась за его руку и не произносила ни слова. В воздухе, простоявшем без движения полсотни лет чувствовалась опасность.

Они спустились на первый уровень и скользнули в темный коридор. Василий включил фонарик.

По его расчетам, фестиваль должен был начаться.

Примерно через час они добрались до завала. Периодически приходилось останавливаться и прислушиваться. Не очень то хотелось напороться на кого-нибудь из бандитов. Однако лабиринт молчал. До них не доносилось ни звука. Василий позволил себе улыбнуться. Пока что сказанное Никитиной походило на правду. Возле разбитых камней Василий повернулся к Тане лицом.

— Ты помнишь, о чем я тебе говорил? — спросил он, стараясь, чтобы она не заметила в его голосе тревоги.

— Да... — она дрожала почти как отбойный молоток. — А вдруг там будут они?

— Нет. — сказал Василий. — Их там ни будет, поэтому надо поторопиться. У тебя примерно час. За это время ты должна всех вывести. Дорогу помнишь?

Таня отчетливо припомнила полукруглую галерею, лестницу, затем каждый поворот...

— Да... постараюсь. — Ее широкие глаза наполнились слезами. — А как же ты? Что будет... Василий не дал ей договорить.

— Все будет хорошо... наверное, — добавил он. Таня продолжала стоять. Ее тонкие красивые руки безвольно повисли вдоль тела. Она вытерла слезу тыльной стороной ладони.

— Сразу, как только выберешься, найди подполковника Литвинова и все передай ему. — Василий посмотрел на нее и ему очень захотелось ее обнять, поцеловать и забыться где-нибудь на необитаемом острове. Ее хрупкие плечи показались ему такими беззащитными...

— Я все помню, — сказала Таня. — Все помню. Но ты сам ему это все скажешь. Правда?.. Скажи?

Она подошла к нему и подняв руки, обвила ими его шею. Василий почувствовал прикосновение ее тела и губ. Он и сам дрожал, но не хотел, чтобы Таня узнала об этом.

— Ты ведь сам ему скажешь... — повторила Таня. — Я... я люблю тебя. Пойдем вместе...

Я тоже люблю тебя, — сказал он, отстраняясь. — С самого начала, как только увидел тебя.

Он отвернулся.

— Иди. Ты можешь не успеть. — Василий протянул ей фонарик. — Бери, тебе он больше пригодится. Таня взяла фонарь. Из ее глаз текли слезы.

— Я не хотела тебя так мучить. Просто так получилось, — прошептала она и повернувшись, быстро скрылась во взорванном проеме.

Василий еще некоторое время различал ее легкие шаги, затем достал из кармана зажигалку и зажег многострадальный факел.

В голову лезли неприятные мысли. На каменных стенах плясали желтоватые всполохи

огня, появился запах гари — синтетический и противный.

Он взглянул на часы. Таня за час должна успеть вывести людей. У него и в мыслях не возникало, что она не сможет этого сделать. Все было расписано.

Василий погладил ствол автомата, вытащил сигарету и затянулся. Прошедший год казался ему нереальной фантазией. Если так и случается, то только в книгах, да и то редко.

Таня... Наташка... Павел, Литвинов, Никитина... Всех, всех он помнил очень хорошо. То, что произошло, касалось каждого, одних меньше, других больше. То, что еще должно было произойти, зависело только от него.

Василий присел на камень. Минуты на цыпочках, приложив палец к губам, проходили мимо него. От волнения пересохли губы, а ладони, наоборот, вспотели.

Глава 65.

Чем дальше Таня отходила от завала, тем больше страх стягивал ее внутренности, фонарик нервно прыгал по галерее, дуло пистолета устремилось в темноту. По крайней мере, она не чувствовала себя беззащитной.

Прямо по центру галереи, непонятно для чего, пролежала неглубокая канавка, шириной в полметра. Таня шла по ней, как по тропинке, боясь оступиться.

Все что ей сказал Василий выветрилось из головы. Она знала, что должна забрать людей и вывести их через люк в острове. За один час.

По идее, идти там было минут двадцать, но они на всякий случай, предусмотрели запас.

Таня хорошо поняла, что через час произойдет нечто страшное, но не хотела об этом думать. Василий что-нибудь придумает, она верила ему. Впереди показалась лестница вниз. Справа чернел еще один поворот. Таня замерла, положив руку на холодные металлические перила. Зловещий холодок заколотил своими мерзкими коготками по ее спине. Палец инстинктивно прижался к спусковому крючку пистолета.

Ничего не происходило. Тишина, мрак, покой. Если это можно было назвать покоем.

Она посветила вниз. Темная дорожка, изгибаясь, уходила влево, делая полукруг. Повсюду валялись большие зеленые ящики, целые и разломанные на доски. Луч фонарика уткнулся в потолок. Все его пространство покрывали аккуратные желтовато-серые кирпичики.

Таня раскрыла рот и перевела взгляд на ящики. Теперь стало понятно, откуда и зачем они тут. Василий что-то упоминал об этом.

Голова вновь заболела. На этот раз в висках ощущалось ритмическое покалывание. Она помассировала виски и принялась медленно спускаться вниз.

Галерея казалась такой знакомой, словно она ежеутренне прогуливалась здесь со своей собачкой.

Она спустилась и пошла по самой середине, переступая через нагромождения мусора. О взрывчатке Таня моментально забыла. Все ее внимание было устремлено вперед, где метрах в тридцати, справа, располагалась ниша.

Пистолет смотрел вперед не менее внимательно. До сих пор она не слышала ничего подозрительного. Но бандиты могли оставить на всякий случай часового. Интересно, как они отнеслись к пропаже своих людей?.. На самом деле это было ей совсем неинтересно, просто таким образом, размышляя, она хотела немного отвлечься.

Таня слышала, как гулко бьется ее сердце и старалась дышать как можно тише, боясь себя обнаружить.

Наконец, изрядно поблеклый лучик скользнул в темны провал стены. Таня остановилась. Вход в нишу был открыт и тут она почувствовала идущий оттуда смрад. Никто их не охранял — ни возле входа, ни дальше. Таня подумала, что внутри тем более никого не будет.

Поборов страх, она быстрыми тихими шагами подкралась к нише. Оттуда доносилось еле слышное дыхание. Свет не горел. Выставив перед собой пистолет, она прошла внутрь.

Девушки находились у левой стены. Они сидели вдоль нее и как будто чего-то ждали.

Когда Таня вошла, они даже не шевельнулись. Она заметила, что у каждой из них на шее — массивное кольцо с небольшой коробочкой и мигающей красной лампочкой.

Таня попыталась сдержать рвотный рефлекс, но у нее ничего не получилось. Сидящие возле стены женщины внушали, по крайней мере, тошнотворный ужас и животное отвращение. Их тонкие седые волосы спускались на изможденные заостренные лица. Ввалившиеся глаза выглядели как у разложившихся трупов. Их одежда... — грязное рванье, испачканное чем-то белым и испражнениями... и вонь. Ужасная, пронизывающая, берущая за душу вонь...

Таня закрыла глаза. Потом открыла. Приложила прохладный ствол пистолета ко лбу. Надо было действовать. Время уходило как вода в сухой песок.

— Кто-нибудь может говорить? — спросами Таня.

Они молчали.

— Я вас отсюда выведу. Нам нужно торопиться, пока не пришли бандиты.

Неожиданно заговорила вторая справа женщина.

— Кто ты? — спросила она. Ее голос показался Тане знакомым. Она посветила в сторону говорившей и отшатнулась.

— Вы?! Здесь?! Но...

— Да, — ответила женщина. — А ты, наверное, та, которая сбежала и которую они искали?

Таня кивнула.

— Но мы все связаны одной цепью, — продолжила женщина, — а цепь прикована к трубе. — Она пошевелила стянутыми сзади руками и послышался металлический лязг.

Таня помедлила.

— Нам надо выбираться. Через сорок минут будет уже поздно. — Она подумала, что Василий ничего не сказал про цепи. Возможно, он просто забыл.

Таня посмотрела на пистолет. В фильмах обычно это получается. Предстояло проверить на практике.

— Где конец цепи? — спросила она. Женщина кивнула налево.

— У нее. Там рядом заканчивается труба. Таня подошла к сидящей с краю девушке и та немного отодвинулась. Показался отрезок ржавой цепи длиной сантиметров пятьдесят, прикованный к трубе большим амбарным замком. Наклонившись, Таня расправила цепь и направила в нее ствол.

— Осторожно, — сказала она девушке. — Не дергайся, может быть немного больно или отрикошетит.

Та еле-еле кивнула головой. Таня старалась не дышать, чтобы ее снова не вырвало.

Прозвучал очень глухой выстрел. Как будто шампанское открыли под подушкой, — подумала Таня. Цепь взвизгнула и ударившись о стену повисла на трубе. Одно звено отлетело в другой конец комнаты. Таня облегченно вздохнула, отмечая, что запах действует

уже меньше.

— Вставайте, — сказала она и обратилась к женщине: — Они идти-то смогут?

— Сможем, — ответила крайняя женщина с другого конца.

— Не быстро, но сможем. — Она говорила медленно и как-то очень сухо, словно ее горло потрескалось от жажды.

Таня посветила в ее сторону и кивнула, потом быстро осмотрела связывающие их цепи. Развязывать их не имело никакого смысла. Это заняло бы слишком много времени.

Она взялась за оборванный край цепи. Так даже лучше, — решила Таня. Никто не потеряется.

Помогая друг другу, женщины поднялись. Таня не осмелилась еще раз светить на них, но она почувствовала, что кроме обреченности в их глазах затеплилась маленькая надежда.

— Идем, — сказала тихо Таня. Держать одной рука фонарик, другой пистолет и еще цепь было сложновато и она протянула пистолет женщине, следовавшей после молоденькой девочки, едва стоящей на ногах.

— Вы ведь недавно здесь, — сказала Таня. — Стрелять умеете? Просто нажмите на курок, но только если появится реальная опасность. Он с глушителем, так что не застрелите кого-нибудь из нас.

Женщина кивнула. Через правую сторону ее лица тянулась рана, и Таня никак не могла вспомнить ее фамилию.

— Хорошо. Я знаю в кого стрелять.

Медленно они вышли из ниши. В их маленькой скованной процессии начали появляться признаки жизни.

Таня шла первой. Фонарик в ее руке мелко дрожал. Она почувствовала, что снова плачет.

Ей казалось, что они идут слишком медленно. Так оно в сущности и было, но Таня не могла их подгонять, она слышала шлепанье босых ног по холодным камням и ощущала на своей спине взгляды, в которых просыпалась надежда.

Через некоторое время женщины начали друг друга подбадривать и Таня обрадовалась этому. Идти в абсолютной тишине, нарушаемой тяжелым дыханием было невозможно.

Через полчаса они остановились на развилке. Таня осветила пространство вокруг. Четыре коридора. Два узких и два широких.

— Налево через двадцать метров люк, — сказала она. — Подождите меня, я сейчас.

Таня прошла по коридору, освещая потолок. Сердце колотилось в ожидании близкого спасения.

Вскоре она увидела круглое отверстие, поднимающееся вверх. Ступеньками служили металлические скобы. Она понятия не имела, как она затащит девушек наверх. Но это потом. Люди помогут, она позовет милицию.

Таня подпрыгнула и ухватилась за нижнюю скобу, оставив фонарик на полу.

Следующая ступенька была через полметра. Из последних сил она подтянулась и достав скобу пальцами, зацепилась. Слава богу. Теперь на нижнюю ступеньку она оперлась коленкой.

Перебирая руками и ногами, она долезла до самого верха. Здесь уже совершенно отчетливо были слышны звуки фестиваля — крики, музыка, топот ног...

Таня попробовала открыть крышку одной рукой. Ничего не вышло. Та словно приросла. Она оперлась спиной на стенку колодца и попыталась сдвинуть предмет обеими руками.

Никакого эффекта. Выход закрывало что — то невероятно тяжелое. Василий говорил, просто повернуть... Она попробовала еще раз. Крышка не поддавалась. Таня почувствовала, как силы покидают ее. К горлу подкатил истерический ком.

— Что делать?!

Девять человек ждут ее возвращения. Что она им ответит?! Время почти закончилось. Она не знала, что предпримет Василий, но он сказал ей, что подземелье нужно покинуть обязательно. Таня спустилась. Подняла фонарик. Руки тряслись. Медленно она вернулась.

— Там хода нет, — сказала она сдавленным голосом. — Он был но кто-то его заблокировал...

— Я знаю куда идти, — неожиданно сказала девушка из середины. — Дайте мне фонарик. Я вспомню.

Девушка осветила потолок, затем нити кабелей. Потом посветила туда, откуда они пришли и еле заметно качнула головой. Луч фонарика опять остановился на кабеле.

— Видишь, — сказала она Тане, — самый толстый провод? Толщиной в шею? В тот раз я думала, что таких толстых и длинных змей не бывает. Мы шли, а она ползла за нами. От начала до конца,

Таня взглянула вверх. Другого выхода не оставалось. Она взяла конец цепи и повернула направо. Кабель скрывался далеко в темноте.

Они шли уже почти полчаса. Никто не делал попытки заговорить об отдыхе. Теперь все они смотрели на кабель. Таня молила бога, чтобы он не оборвался или не скрылся в стене.

Шаги женщин стали громкими и хлюпающими. Запахло водой. Таня направила фонарик вниз. Только что было сухо, — подумала она. — Откуда столько ее взялось. — Луч света снова взметнулся к потолку.

Они прошли пятьдесят метров, сделав два поворота. Вода с шумом прибывала. Таня с ужасом смотрела, что ее уровень уже доходит до колен.

Быстрое течение, пузырьясь и закручиваясь, подталкивало их сзади. Идти стало легче.

Кабель по-прежнему струился по стене, иногда переплетаясь с более тонкими.

Все молчали.

Таня оглянулась. Девушка, которая предложила следовать за кабелем, напряженно всматривалась вперед. Вдруг предпоследняя женщина со вздохом осела. Ее глаза закатились, а руки ударили по воде, как крылья, она потеряла сознание. Девушка позади подхватила ее под руки, не давая съехать в воду.

Таня подбежала к ним и набрав воды в ладошки, побрызгала на лицо женщины. Та открыла глаза.

— Сможете идти? — спросила Таня.

Женщина кивнула. На лбу ее показалась испарина.

— Поддерживайте ее, — сказала Таня девушке и пошла вперед. Вода доходила ей уже до бедра.

Они снова двинулись, отслеживая кабель. Маленькая группка женщин, еле переставляющих ноги в постепенно заполняющемся водой подземелье.

Таня почувствовала приближение паники. Она замахала рукой, невольно подгоняя падающих людей.

Глава 66.

Прошел ровно час. Василий выдохнул, поднялся с камня и посмотрел по сторонам.

Один час. Таня должна быть уже наверху. Вне опасности. Он поднял факел и быстрыми шагами направился вдоль стены.

Поворот. Направо и налево. Василий осветил потолок, из конца в конец тянулись железные трубы. Василий повернул направо и почти сразу же ощутил витающую в воздухе влагу, кирпичи стен блестели.

Он дошел до большого вентиля, торчащего из трубы. Тот, который он крутил.

Василий внимательно осмотрел его и удовлетворившись, пошел по коридору. Метров через тридцать коридор резко расширился и сделался почти квадратным, образуя зал. Из левой стены, обшито металлом, смотрели гигантские жерла труб. Их было восемь или десять, где-то по три метра в диаметре. Их жерла закрывались чем-то вроде диафрагмы, окольцованной трубой более мелкого диаметра. Все эти мелкие трубы в конце концов собирались в одну большую, которая также исчезала в стене. Посередине ее крепился вентиль красного цвета.

По потолку, извиваясь и перекрещиваясь, ползли сотни труб самого разного диаметра. Все они собирались здесь.

Справа на стене висело что-то вроде электрического щитка, заключенного в непромокаемый кожух. Покопавшись, Василий открыл его и заглянул внутрь.

На передней панели тянулся ряд синих, зеленых и красных кнопок, а также несколько выключателей. Под каждой кнопкой была надпись на немецком языке.

Василий надавил на зеленую, ожидая, что обрушится потолок. Ничего не произошло.

Он поднес палец к красной кнопке и мгновение помедлив, нажал. Также ничего. Ноль внимания. Абсолютная тишина и звон падающих капель.

Василий обернулся и взглянул на сплетение труб. Оно выглядело по меньшей мере, устрашающе, как огромный паук, разверзший свои мерзкие лапы.

Одно было понятно. Красный вентиль. Открывая его, давление воды подается на диафрагмы и те тоже открываются, пропуская тысячи тонн воды.

Василий подумал, что его может запросто смыть, как только он прикоснется к вентилю. Он уселся на одну из труб и выкурил сигарету дрожащими руками. Затем увеличил кожаный ремешок автомата на максимальную длину, надел его на пояс и набросил на красное кольцо, зацепившись за металлический стержень, увитый хорошо сохранившейся резьбой. Потом перекрестился и подумав, скинул ботинки. Вентиль поддался очень легко. Василий даже удивился. Он крутился как руль с гидроусилителем.

Труба задрожала. Внутри нее пронеслась огромная сила. Василий изо всех сил крутил вентиль. Земля под ногами затрепетала.

Он неотрывно смотрел на жерла. Те застыли, словно ожидая некоего сигнала.

Василий поймал себя на том, что почти перестал дышать и сделал несколько глубоких вдохов. Кислород ему пригодится.

Пальцы впелись в холодный вентиль. Мышцы спины и живота натянулись до предела.

Он перевел взгляд на дымящийся факел, уже почти потухнувший. В ту же секунду диафрагмы всех труб раздвинулись и в коридор хлынула вода, десятки тонн, с бешеным, все сметающим напором.

Василий почувствовал сильнейший удар в грудь и лицо и моментально промок. Он понял, что теряет сознание, но руки не расцепил. Ремень врезался и тело по самые кости, чуть не переломив хребет пополам.

Через пару секунд вода бушевала под потолком. Сильный поток тащил его волосы, но

напряжение первого удара спало. Скорость течения была еще очень сильной, но постепенно уменьшалась.

Василий открыл глаза. Чернота. Бездонная, пустая, всепоглощающая пустота. Такой оказалась окружившая его вода.

На мгновение его обуял ужас — как же он выберется, если ничего не видно. Но он сразу же сообразил, что если подводная струя бьет ему прямо в лицо, значит труба находится перед ним.

Василий прекрасно знал, что без воздуха обойдется минуты две, максимум три, не теряя сознание. За это время напор воды должен был спасть.

Прошло примерно полминуты. Он повис в воде, как в космосе, ощущая на себе сильное давление. Течение замедлялось. 'Теперь вода поступала как бы порциями, раскачивая его тело.

Ремень больше не требовался, Василий вполне хорошо держался за стержень.

Освободившись уже от автомата, он пару секунд выждал и, взмахнув руками, оттолкнулся от вентиля. Кромешная тьма не способствовала хорошему настроению и он почувствовал, как страх сковывает мозг.

Наконец, левая рука нащупала металлический бортик. Василий провел по нему ладонью. Так и есть, изгибается. Значит, он все-таки попал в трубу.

Хотелось вдохнуть воздуха. Легкие напряглись. Он загреб руками и ногами и преодолевая течение, поплыл по трубе. В голове замелькали яркие красные, желтые и белые вспышки. Отчаянно хотелось вдохнуть. Василий почувствовал, что горло словно перетянуло железной проволокой. Мышцы начали неметь. Он греб руками, выбиваясь из последних сил. Страх вдруг исчез и появилось состояние полнейшего безразличия. Какая разница, — промелькнула у него мысль, — в трубе, наполненной водой или в гробу...

Вдруг он больно наткнулся головой на что-то твердое. Это вывело его из состояния предсмертной эйфории. Стена! Стена!

Его мозг снова судорожно заработал, хватаясь за малейшую возможность выжить.

Течение прибывало его к полу. Значит сверху, наверх!

Его ноги коснулись трубы. Он сделал взмах руками и поплыл вверх, теряя сознание.

Глаза уже видели праздничный фейерверк, пробивающийся сквозь толщу воды, но мозг не реагировал.

Они промокли до нитки. Всюду была вода. Казалось, она прибывает вдвое или втрое быстрее чем раньше.

Таня старалась сохранять спокойствие. Время еще было. Немного, но все таки вода дошла только до пояса.

Но женщины радовались воде. Некоторые даже смеялись, если это можно было назвать смехом.

Таня уже не светила на воду, она подняла фонарь подальше от воды и освещала толстый кабель.

Они еще раз повернули. Сразу за поворотом кабель обрывался. Он просто сворачивал в стену.

Таня нервно рассмеялась. Фонарь запрыгал у нее в руках. Девушка, которая все это придумала, огляделась. Света от фонаря еле-еле хватало, чтобы осветить пространство в радиусе трех метров.

Но он ничего нового не освещал. Черная вода. Черные стены. Черный потолок и

никакого выхода.

Таня взглянула на своих спутник. Никто не произносил ни слова. Все смотрели на нее как на Марию-Терезу.

Зачерпнув в руку воды, Таня плеснула себе в лицо. Потом окунула всю голову. Подействовало отрезвляюще.

Это подземелье, кругом вода. Потоп. Лестница. Конечно, должна быть лестница наверх, хотя бы на уровень воды. Где же она?! Черт! Где она может быть?!

Таня посмотрела на девушку. Та покачала головой. Кабель оканчивается здесь, значит должно быть недалеко. Она посветила по стенам еще раз. Ничего.

Оставив своих спутниц, Таня прошла несколько метров вперед. Неожиданно луч исчез где-то вдали. Таня подняла голову. В потолке, под углом тридцать или сорок градусов был сделан коридор. Он оснащался спускаемой лестницей.

— Ура!!! — закричала Таня. — Нашла! Скорее сюда! Цепочка подошла к ней и задрала головы. Все как одна, женщины затаили дыхание. Таня оглянулась.

— Давай я тебя подсажу, — сказала женщина с пистолетом. Таня так и не смогли вспомнить ее фамилию.

Остальные, окружив ее, помогли взобраться на подставленные руки. В воде это получилось легко.

Все вместе, они подняли ее и она, уцепившись за край, съехала назад вместе с лестницей, погрузившись в воду, уже доходящую до груди.

Медленно, очень медленно, одна за одной, они карабкались наверх. Положение усугубляло то, что они были связаны.

В самом коридоре были сделаны перила, это несколько облегчило подъем. Они прошли метров двадцать — двадцать пять. Внизу шумела юла, казавшаяся теперь далекой и нереальной.

Кирпичная лестница заканчивалась также резко, как и начиналась. Направо и прямо вели ходы. Освещение также отсутствовало, но все же почему-то казалось светлее.

Таня повела фонариком и не раздумывая, шагнула прямо. То и дело, луч выхватывал иссохшиеся картонные коробки, покрытые паутиной и стружками, какие-то тряпки с темными пятнами, ящики, деревяшки, метлы, гвозди — короче, бесполезную хозяйственную утварь. Таня ощутила необыкновенный прилив бодрости.

Вскоре фонарик высветил большую, обитую листовым железом дверь. С ее правой стороны, укрепленный здоровенными, слегка проржавевшими гайками, стоял добротный засов. Естественно, он был закрыт.

Таня потянула его влево и он плавно, без шума, открылся. Она с удивлением посмотрела на его отполированную до блеска поверхность.

Они прошли вперед. Справа показались две деревянные коричневые двери, тоже основательно заросшие паутиной.

В левом углу валялись сломанные ободранные метла. В этом закутке явно хранили ненужный до поры до времени мусор.

Таня распахнула еще одну дверь. Она отворилась с пронзительным тягучим скрипом. Тотчас на них упал свет от дневной лампы и они закрывшись от него руками, расталкивая друг друга, протиснулись в дверь и начали карабкаться по ступенькам наверх.

Таня выбежала первая.

Это было како-то учебное заведение. Вдоль зеленоватых стен тянулись двери

аудиторий. Тихая, даже торжественная обстановка.

Таня зажмурилась и села на ступеньку. По первому этажу в синем халате в их сторону семенила дежурная. В руке она держала швабру.

Глава 67.

Мрак постепенно тускнел и вместо с его уходом нарастал неясный дребезжащий шум, словно сильный дождь колотил по металлическому подоконнику.

Появились тонкие, всевозможных цветов искры, выскакивающие из клубящегося тумана.

Василий приоткрыл глаза и увидел потное лицо склонившегося над ним человека, от которого несло легким перегаром.

— Очнулся! — куда-то в сторону сказал человек, отчего пространство вокруг одобрительно загудело.

Василий повернул голову набок. Теперь уже стало видно, что он лежал в густой зеленой траве, окруженный десятком милиционеров и возбужденной толпой зевак. Никого из людей он решительно ни узнавал.

Черное небо периодически вспыхивало яркими красками, осыпаящимися на землю со свистящим шипением и характерным треском,

Кто-то заботливо поднес ему ко рту бумажный стаканчик с налитым туда, судя по запаху, шампанским.

Василий опрокинул его в рот одним глотком и повернувшись на руках, сел. С черных, слипшихся от водной грязи волос, стекали мелкие маслянистые капли. Майка прилипла к телу и вызывала крайне неприятные ощущения. Василий чувствовал себя майским утопленником. Толпа нарастала.

Сукины дети, — подумал Василий. — Хоть бы кто догадался сухую тряпку дать...

Видимо, народ воспринял все это, как один из аттракционов. Правее, метрах в ста пятидесяти на большой, ярко освещенной сцене, выступал цыганский коллектив, пронизывая воздух над островом грохотом бубенцов.

— Закурить есть? — крикнул Василий толпе. Тотчас человека два или три протянули ему пачки. Василий с удовольствием затащил. Теплый ветерок, поглаживая его тело, успокаивал и одновременно сушил.

Василию было наплевать на народ. Он наслаждался теплым вечером, ароматным дымом, жизнью наконец...

Вдруг слева толпа расступилась и в импровизированный кружок, как на сцену, ворвалось несколько старших милицейских чинов.

По крайней мере, одного из них он знал. Это был Архипов. Василий посмотрел на тлеющий кончик сигареты, потом на окружающих людей.

Те с удовольствием продолжали смотреть, ожидая, как минимум, потасовки, небольшой драки или, на худой конец, обмена джентльменскими репликами. Увидев Василия, Архипов застыл с удивленным выражением на лице.

— Ты?! Но... — он не знал что и сказать.

— Я, — сказал Василий. — Ты ведь не думал, что я еще в тюрьме? Архипов промолчал и как-то странно покачал головой.

— Ты мне должен быть благодарен. Это ведь я убил маньяка, из-за которого ты туда попал...

Василий усмехнулся и выпустил облачко дыма. Потом оторвал зеленую травинку и растер ее между пальцами.

— Ты убил невинного человека, — сказал Василий. — По крайней мере, я это знаю.

— Ты заговариваешься, — поправил его Архипов. — Не бери на себя много, лейтенант.

— А настоящий убийца на свободе, — добавил Василий. — Ты так и не нашел его, правда? Хотя очень хотел, очень. В этом тебе не откажешь. Но ты до сих пор не знаешь, кто он. А тот парнишка, которого ты грохнул, просто принес сестренке дозу. Очередную дозу, но опоздал. А ты не опоздал. Ты оказался там вовремя. Архипов молчал.

Но это не главное, — продолжил Василий. — Главное совсем в другом. Ты ведь с самого начала занимаешься этим делом, ты установил, кто подозреваемые, кто свидетели, кто исполнители? Кто, наконец, за всем этим стоит? Архипов сделал шаг вперед.

— Ну и кто же за всем этим стоит? — его лицо замерло.

— Ты, — сказал Василий. — Ты с самого начала все делал так, чтобы дело текло и нужном тебе русле. Через интерпол по вполне официальным каналам ты узнал координаты человека, связанного с крупными мошенничествами. Потом ты с ним связался и он обещал тебе помочь. В конце концов с его помощью ты зарегистрировал страховую компанию и нанял убийцу.

Лицо Архипова окаменело. Он стоял в двух метрах и напряженно смотрел на Василия.

— Ты подумал, что тебе ни к чему знать киллера. Он выполняет свое дело, ты его убиваешь. Логичная позиция, особенно если учесть твое положение. Все шито-крыто. Однако требовалось где-то прятать тела, и опять же через посредничество адвоката ты нанимаешь специалиста по немецким реликвиям — Карташова и формально ставишь его во главе компании. Он подписывал бумаги, которые давал ему адвокат без излишних вопросов. Ты знал, что киллер прячет тела под землей, но где именно, ты даже не догадывался. Тебе должен был помочь Карташов. Тебе, конечно, удобнее было бы знать, где находятся трупы, но тогда все могло получиться неестественно. Ты хотел отыскать их сам. Ты ведь не знал, что связался с террористами, которым твоя идея показалась гениальной...

Архипов оглядывал людей с каким-то отстраненным видом и блуждающей улыбкой.

— Тебе не давали покоя письма. В принципе, письма были задуманы с самого начала, чтобы подвести все это под работу маньяка и для идентификации жертв. По этим письмам ты должен был поймать убийцу. Все оказалось не так-то легко. Правда?

Василий закурил новую сигарету. Народ с жадностью ловил каждое его слово.

— Убийца почему-то не ловился. На тебя стали оказывать давление сверху, дали дополнительные силы, людей. Да тут еще и я подвернулся. Литвинов очень хотел мне помочь...

И я сунулся в эту компанию. Пучеглазый, менеджер, случайно проболтался и позвонил тебе. Ты, конечно, сразу принял меры, но по дороге потерял меня из багажника. Литвинов тогда, на следующий день рассказал мне, как ты волновался... Еще бы! Я мог что-нибудь заметить...

Когда я вернулся, ты принял решение убрать пучеглазого и спихнуть вину на меня. На кону стояли страховки, которые еще предстояло получить.

Все получилось очень хорошо, даже слишком. Ты специально дал мне сбежать, или просто так получилось? Но в любом случае, старуха-дежурная что-то учуяла, за что и поплатилась своей тощей шеей.

Меня в конце концов ловят. Одной проблемой меньше. Тебе удастся убедить Литвинова,

что страховая компания ни при чем и что убийца тобою обезврежен. Но ты его никогда не видел и не знаешь точно, он ли это. Тебя одолевают сомнения. Ты начинаешь нервничать. Еще бы! Такие деньги. Он мог запросто все испортить.

Тут еще убивают Карташова. Ты в панике. Ты наверное, поехал к нему, обыскал все? Да? Трупы то ведь предстояло еще найти...

Ты знал, что Никитина сможет тебе помочь. Однако она исчезает сразу после открытия. Обидно, да?

Архипов стоял как египетская статуя сфинкса. Его лицо осунулось и побледнело.

— Ты, наверное, бился головой об стол, искал... но... даже ты многого не знаешь. Вообще, мне показалось, что на этом многострадальном фестивале вдруг возжелало заработать чуть ли не полмира. И к тому же вечером сегодня все должно было взлететь на воздух, вместе с твоими женщинами. Здесь каждый человек застрахован. Именно от смерти. На гигантскую сумму. Архипов быстро взглянул на пего.

— Да, да, — сказал Василий. — Твоя идея очень приглянулась террористам. Но женщины остались живы. Все до одной. Правда, не очень здоровы. Так что страховка отменяется. Расталкивая замороженную толпу в круг протиснулась девушка.

Ее мокрые волосы спутались как мокрые водоросли. Черные джинсы уже успели немного обсохнуть. Она кинулась к Василию и обняла его за шею. Ее плечи задрожали.

— Ты жив? С тобой все нормально? И... я так рада, что все обошлось... так рада... — она разрыдалась. Василий прижал ее к себе и погладил по голове.

— Танюша, все хорошо, де плачь, я с тобой... Довольные таким финалом зрители заметно притихли.

— Ты все сделала? Она кивнула головой.

Ничего не понимая Архипов смотрел то на толпу, то на них. Он силился что-то сказать и Василий посмотрел на него.

Архипов потряс головой и с силой сжал кулаки, начальник охраны, что-то выслушав по рации, подошел к нему и медленно завел руки за спину.

Когда наручники щелкнули, Архипов смог произнести несколько слов.

— Кто же... Кто все это сделал?

Василий с жалостью взглянул в его лицо.

— А я разве не сказал?

Капитан отрицательно покачал головой.

— Кордец, — ответил Василий. — Анжелика Кордец. Мужчина и женщина. Двойной агент.

Больше книг на сайте - Knigolub.net